

Т. В. АРТЕМЬЕВА

**ФИЛОСОФИЯ
В ПЕТЕРБУРГСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
XVIII ВЕКА**

**St. Petersburg Center
for the History of Ideas**

<http://ideashistory.org.ru>

Санкт-Петербургский Центр истории идей
St. Petersburg Center for History of Ideas

T. V. ARTEMIEVA

PHILOSOPHY
AT THE PETERSBURG ACADEMY
OF SCIENCES IN THE 18 CENTURY

St. Petersburg Center for History of Ideas

St. Petersburg
1999

Т. В. АРТЕМЬЕВА

ФИЛОСОФИЯ

В ПЕТЕРБУРГСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

XVIII ВЕКА

Санкт-Петербургский Центр истории идей

Санкт-Петербург
1999

**St. Petersburg Center
for the History of Ideas**

<http://ideashistory.org.ru>

В оформлении использовано
аллегорическое изображение Академии из книги
Ripa C. Iconologie où les principales choses qui peuvent tomber la pensée,
touchant les vices sont représentées. Paris, 1643.

Исследование поддержано РФФИ, грант № 99-06-80223.
Издание поддержано ФЦП «Интеграция» в рамках проекта
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЦЕНТР ИСТОРИИ ИДЕЙ
art@hb.ras.spb.su mic@mm1734.spb.edu
http://ideashistory.org.ru (русские ресурсы)
www.geocities.com/Athens/Delphi/8131 (English resources)
Россия 194358 Санкт-Петербург, а/я 264

Компьютерный макет: М. И. Микешин

В монографии рассматривается «академическая» традиция в российской философии XVIII века. Показано, что естественнонаучная ориентация Петербургской Академии наук определила основные направления развития философской теории, которая прежде всего обращалась к обсуждению проблем натурфилософского и онтолого-космологического характера и развивалась в контексте не столько философских медитаций, сколько научных трактатов. В XVIII веке «физика» еще не отделилась от «метафизики», поэтому философская аргументация использовалась для построения научных теорий и гипотез. В этом смысле **ученые** выступали как **философы**, что делает их сочинения важным источником для понимания философских учений эпохи.

В книге проанализировано философское наследие Л. Эйлера, Г. Н. Теплова, И. А. Брауна и др. Сочинения И. А. Брауна, «Речь о знатнейших переменах земли» (публикуется впервые) и «Ответ на речь господина профессора Гришова о величинах и расстояниях небесных тел» приведены в качестве «текстологических иллюстраций».

Особое внимание уделено преподаванию философии в Академическом университете.

Артемьева Т. В. Философия в Петербургской Академии наук XVIII века. — СПб.: Санкт-Петербургский Центр истории идей, 1999. — 182 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Содержание	5
Contents	6
1. Социетет художеств и наук	7
2. Философия как наука	13
3. Философия истории	31
4. Физика и метафизика Григория Теплова	51
5. Небо и Космос	84
6. Леонард Эйлер как философ	107
7. Система мира профессора Брауна	123
8. Послесловие в жанре авторецензии	137

Текстологические иллюстрации

Браун И. А.	Речь о знатнейших переменах земли, говоренная в публичном собрании Академии наук профессором филозофии Иосифом Адамом Брауном июля 1 дня 1756 года	140
Браун И. А.	Ответ на речь господина профессора Гришова о величинах и расстояниях небесных тел, говоренный господином профессором Брауном	168

* * *

CONTENTS

Contents (in Russian)	5
Contents	6
1. Societet of arts and sciences	7
2. Philosophy as science	13
3. Philosophy of history	31
4. Grigory Teplov's physics and metaphysics	51
5. Sky and Cosmos	84
6. Leonhard Euler as a philosopher	107
7. Professor Braun's world system	123
8. Epilogue in the genre of self-review	137

Textological illustrations

Braun J. A.	A reply to the speech of Mr. Professor Grischow on sizes and distances of celestial bodies, delivered by Mr. Professor Braun	140
Braun J. A.	A speech on the most outstanding changes of the Earth, delivered at a public meeting of the Academy of Sciences by Professor of philosophy Joseph Adam Braun on July 1, 1756	168

The monograph deals with the «academic» tradition of Russian philosophy in the 18th century. It is shown, that the orientation of the Petersburg Academy of Sciences to natural sciences determined the main directions of the philosophical theory development. This theory turned, first of all, to discussing of problems in natural philosophy, ontology and cosmology. It developed in the context of scientific treatises rather than philosophical meditations. In the 18th century «physics» had not yet separated from «metaphysics», thus the philosophical argumentation was used to construct scientific hypotheses and theories. In this sense, **scientists** came out as **philosophers**, so their works are important sources for understanding of philosophical doctrines of the epoch.

Philosophical heritage of L. Euler, G. N. Teplov, J. A. Braun and others is analyzed in the book. Two works of I. A. Braun, «A speech on the most outstanding changes of the Earth» (the first publication ever) and «A reply to the speech of Mr. Professor Grischow on sizes and distances of celestial bodies» are given as «textological illustrations».

A special attention is paid to the teaching of philosophy at the Academic University.

СОЦИЕТЕТ ХУДОЖЕСТВ И НАУК

В системе европейского просвещения сложились две формы производства научного знания — **академия** и **университет**. Они никогда не были противопоставлены друг другу, напротив, создание той или иной структуры было обусловлено временем, культурными традициями, общественными потребностями. До начала XIX в. для России была вообще характерна в большей степени «академическая», нежели «университетская» традиция, что отчасти было созвучным духу платоновской *Academia* с ее стремлением к абсолютному и цельному знанию и незамутненной практическими целями духовности.

В век Просвещения, когда создавалась Петербургская академия наук, цели и задачи были другие. Необходимо было в короткий срок создать в России социальный институт нового типа, который бы не только стал крупнейшим научным, но и просветительским центром европейского уровня.

Петербургская Академия наук, как и многие другие социальные институты эпохи, была результатом системы социо-

культурных реформ, проводимых Петром I. Организовывая систему образования и научных исследований, Петр I внимательно выслушивал мнения двух признанных европейских авторитетов — Г.-В. Лейбница и Хр. Вольфа. Лейбниц активно сотрудничал с Петром I в области просвещения. Он полагал, что Россия может избежать ошибок Запада и реализовать просветительский идеал, создав общество, управляемое учеными, на манер бэконовской Новой Атлантиды. В одной из записок Петру I он предлагает передать сообществу ученых руководство всей общественной деятельностью, подчинить ей образование, промышленность, экономику¹. Лейбниц советовал Петру утвердить «Коллегию народного просвещения и общественного благосостояния». Академия наук, по его мнению, должна быть снабжена большими полномочиями и быть независимой от государства. Хр. Вольф, напротив, полагал, что научные центры с «импортированными» или обученными за границей специалистами не решит проблему приобщения России к новой науке. Такую задачу сможет выполнить только «обыкновенный университет», ориентированный на подготовку собственных ученых, создание национальных научных школ. По мнению Вольфа, только обеспечив и систему производства и воспроизводства образованных людей, Россия перестанет нуждаться в интеллектуальной помощи Запада. Петр сделал по-своему. Естественно, он не собирался придавать Академии наук статуса надгосударственного учреждения, равно как и создавать «обыкновенный» университет. Университеты с их уставом, автономией внутренней жизни и учебного процесса, сделали бы подготовку научных кадров независимой от государства и неуправляемой, что могло бы привести к росту «независимой» интеллигенции, а это не могло не расшатывать устойчиво-бюрократической иерархии.

Некоторые колебания Петра нашли отражение в указе «Об учреждении Академии», где рассматриваются особенности то-

---

¹ См. об этом: У т к и н а Н.Ф. Естественные науки // Очерки истории русской культуры. Ч. 3. М., 1988.

го и другого учреждения. «К расположению художеств и наук, — говорится там, — употребляется обычно два образа здания: первый образ называется университет, второй — академия, или социетет художеств и наук»¹. Каждый из них выполняет свои функции: «Университет есть собрание ученых людей, которые наукам высоким, яко теологии и юриспруденции (прав искусству), медицины и философии, сиречь до какого состояния оные ныне дошли молодых людей обучают. Академия же есть собрание ученых и искусных людей, которые не токмо сии науки в своем роде, в том градусе, в котором оные ныне обретаются, знают, но и через новые инвенты (издания) оные совершить и умножить тщатся, а об учении протчих никакого попечения не имеют»². Традиция европейской организации науки предполагает, что эти заведения «никакого сообщения между собою не имеют, дабы академия, которая токмо о приведении художеств и наук в лучшее состояние старается, учением в спекуляциях (размышлениях) и разысканиях своих, от чего как профессеры в университетах, так и студенты пользу имеют, помешательства не имела, а университет некоторыми остроумными разысканиями и спекуляциями от обучения не отведен был, и тако младые люди оставлены были»³. Царь-реформатор решил проигнорировать европейский опыт: («...Невозможно, что б здесь следовать в прочих государствах принятому образцу...»⁴) и ввести в России некоторое гибридное образование, соединив достоинства (а также недостатки) Академии и Университета⁵.

---

¹ М а т е р и а л ы для истории Императорской Академии наук. 1716-1730. Т. 1. СПб., 1885. С. 14.

² Там же. С. 14-15.

³ Там же. С. 15.

⁴ Там же.

⁵ Впрочем, он мог следовать и голландскому образцу. См.: Марголис Ю.Д., Тишкин Г.Ф. «Отечеству на пользу, а россиянам на славу». Л., 1988. С. 37.

Должности академиком определялись следующие: «Все что в науках уже учинено — разыскивать; что к исправлению или приращению оных потребно есть — производить, что каждый в таком случае изобрел — сносить и тое секретарю вручать, который тогда понужден будет оное, когда надлежит, описывать»¹. Кроме этого, академиком вменялось «ежедневно один час публичные лекции иметь»².

Правительство очень неохотно шло на расширение третьего сословия и создание собственной интеллигенции. Поэтому первыми академиками были иностранцы, прежде всего выходцы из Германии. Таким образом, ученые уже самим своим происхождением были противопоставлены российскому обществу, они часто не знали русского языка. Правда то, что труды Академии наук, издававшиеся на международном языке ученых — латыни, были доступны зарубежным исследователям, популяризовало имена российских ученых, таких, например, как Ломоносов.

В Академию наук были приглашены математики братья Д. и Н. Бернулли, химик М. Бюргер, зоолог и анатом А.-Л. Дювернуа, историк Г.-З. Байер, позже здесь работали ученые с мировыми именами Л. Эйлер, П.-С. Паллас, Ф. Эпинус, Ж.-Н. Делиль. Почетными членами Петербургской академии были Хр. Вольф, И. Бернулли, Р. Реомюр, П. Мопертюи, Вольтер, Д. Дидро, Ж. Д'Аламбер, К. Линней, П. Мушенброк, Б. Франклин, В. Робертсон. Членами и почетными членами Петербургской Академии наук были и знаменитые русские ученые М.В. Ломоносов, С.П. Крашенинников, Н.И. Попов, С.Я. Румовский, Г.Н. Теплов, Н.Я. Озерецковский, А.И. Протасов.

Иностранцев привлекало в Россию покровительство государства, которое давало положение в обществе (правда, порой, достаточно иллюзорное, ибо после смерти Петра I ситуация в Академии наук менялась с каждым дворцовым переворотом), гарантировало оплату труда. В отличие от Британского Коро-

¹ М а т е р и а л ы для истории Императорской Академии наук. Т. I. С. 17.

² Там же. С. 20.

левского общества, академическая деятельность считалась профессиональной и требовала личного присутствия. В 1759 г. было учреждено звание члена-корреспондента.

Когда молодой Эйлер получил приглашение работать в Петербургской Академии, Христиан Вольф писал ему: «Вы едете в рай ученых, и я ничего не желаю больше, чем того, чтобы Вы в Вашей поездке сохранили доброе здоровье и как можно дольше находили удовлетворение от пребывания в Петербурге»¹. Л. Эйлер, как и другие академики, вел обширную переписку со своими коллегами из других стран (Академия наук оплачивала почтовые расходы своих сотрудников), являясь одновременно членом и «видимого» и «невидимого» колледжа. Кроме того, в Петербурге они имели неограниченную возможность издания своих трудов. Сам Эйлер по этому поводу высказывался так: «Я и все остальные, имевшие счастье служить в Российской Императорской Академии, должны признать, что всем, чем мы являемся, мы обязаны тем благоприятным условиям, в которых мы находились. Ибо, что касается лично меня, то не будь этого счастливого случая, я был бы вынужден посвятить себя какому-нибудь другому занятию, в котором я, по всей видимости, стал бы только кропателем»².

Организовывая Академию наук Петр I понимал, что без государственной поддержки фундаментальная наука обречена на прозябание. В указе «Об учреждении Академии» собственной рукой Петра написано «На содержание оных определить доходы, который собираются с городов Нарвы, Дерпта, Пернова, Аренсбурга»³. Именно это позволило в короткий срок собрать в ее стенах блистательное созвездие ученых и сделать Петербург одним из самых авторитетных научных центров мира. Впрочем, не следует обольщаться по этому поводу. Иной раз акаде-

¹ Цит. по: Т и л е Р. Леонард Эйлер. Киев, 1983. С. 26.

² Цит. по: К о п е л е в и ч Ю.Х. Эйлер, член Петербургской Академии наук, действительный и почетный // Развитие идей Леонарда Эйлера и современная наука. М., 1988. С. 56.

³ П о л н . собр. законов Российской империи. Т. VII. 1723-1727. [СПб], 1830. С. 220.

мики собирались на совещания «как бы добыть денег на покупку свеч»¹.

«Государственный» характер организации науки имел определенные достоинства. В небывало короткий срок был создан крупнейший научный центр с обсерваторией, физическим кабинетом, ботаническим садом, анатомическим театром, типографией, библиотекой, химической лабораторией, инструментальными мастерскими. Таким образом с момента своего основания в 1724 г. Академия наук стала центром не только российской, но и одним из центров мировой науки.

В фантастическом мире Петербурга, соединившем в себе всю «европейскость» России, нашлось место парадизу интеллекта. Правда, прекрасный цветок распустился на хрупком стебле монаршей воли и периодически терял свои лепестки, когда высокие покровители были заняты политикой или танцами. Однако, без этого покровительства существование научного центра европейского типа на мировом уровне в России XVIII в. было бы невозможно.

---

¹ М а т е р и а л ы для истории Императорской Академии наук. Т. 2. СПб., 1886. С. 261.

ФИЛОСОФИЯ КАК НАУКА

Можно выделить две социальные структуры, в рамках которых формировалась философская мысль в России XVIII века. Первая ориентировалась на классическую традицию профессионального философствования. Другая развивалась в кругу просвещенной элиты. Ее субъектом был не «профессионал», а мыслитель, имеющий досуг, достаток и образование для того, чтобы предаваться «свободному любоумудрию» — «дворянин-философ», как называл себя, например, Ф.И. Дмитриев-Мамонов. Каждая из названных структур порождала особый тип текстов, собственную проблематику, а поэтому их изучение требует различных подходов и исследовательских стратегий.

Систематическое и «профессиональное» изучение философии как светской дисциплины, более того, «как науки» связано с Академией наук и Академическим университетом. Если в системе университетского преподавания философия пребывала в качестве лекционных курсов, которые читались (или *должны были читаться*), обучающимся там студентам, то в контексте организации академических исследований она была связана

скорее с методом, нежели предметом. Петербургская Академия наук не предполагала должности «академика от философии». Тем не менее, сам тип мышления эпохи заставлял быть философами и физиков, и математиков, и астрономов.

Universitatis Petropolitanae был очень своеобразным учебным заведением. Он имел иную структуру и задачи, нежели известные европейские университеты с освященными веками традициями. Несмотря на привлекательную для руководства идею соединения науки с высшей школой, чтение лекций было для академиков явно нежелательным дополнением к основной работе. Большинство из них предпочитало ограничиться исключительно научными изысканиями. Это было связано и с отсутствием достаточно подготовленных студентов. Некоторым из академиков вменялось в обязанность привести с собой учеников, которые и стали первыми студентами российского университета. Чтобы снять проблему, как ее называл Д.А. Толстой, «бесстудентности» университета¹, Регламент 1747 г. разделил академиков на «особливых академиков» и «особливых профессоров». Впрочем, возможность привлечь академика к чтению лекций оставлялась на «президентское рассуждение». Этот регламент исполнялся неохотно. В «Инструкции или учреждении о университете и гимназии» 1750 г. говорилось: «Понеже с удивлением извещалось, что некоторые из университетских профессоров на лекции свои без важных причин либо вовсе не приходят, либо и приходят, да поздно, то за необходимую нужду почтено на таких леностных наложить штраф»². Оправдания были разными. Лекции не читались из-за праздников по «немецкому календарю», болезней и «худого прохода через реку»³. Академики капризничали, не желая читать лекции, а иногда и

---

¹ Толстой Д.А. Академический университет в XVIII столетии по рукописным документам архива Академии наук // Записки Императорской Академии наук. Т. LI, приложение № 3. С. 15.

² Цит. по: Толстой Д.А. Академический университет в XVIII столетии по рукописным документам архива Академии наук. С. 31.

³ Там же. С. 19.

не видя в них смысла. Так, Ф.У.Т. Эпинус ставил следующие условия:

«1) Чтоб упражняться мне в сем труде до тех пор, пока я похочу, и всегда б вольно было мне отказаться от оногo, когда я пожелаю...

2) Дать мне таких студентов, о которых доподлинно известно, что мой труд при наставлении их не тщетен будет.

3) Дано б было мне на волю назначить способное к сим лекциям время и напоследок,

4) Чтоб студенты ходили ко мне на дом, ибо невозможно, чтоб я для *весьма неприятного мне труда* (курсив мой. — Т.А.) тратил деньги, чтоб я держал для того одного лошадей и коляску или б в ненастную погоду ходил в аудиторию»¹. Профессор ботаники И.-Х. Гебенштрейт заявил, что не будет читать лекций, «пока не переедет в квартиру при Ботаническом Саде»². Академик Миллер отказывался читать публичные лекции, предпочитая заниматься более доходным частным преподаванием.³ Ломоносов писал о нем: «Близ тридцати лет будучи профессором, ни единой не читал лекции и над чтением других смеялся»⁴.

После воцарения Елизаветы Петровны последовали жалобы со стороны группы русских ученых А.Н. Нартова, Н. Попова, С. Старкова, П. Шишкарева, М. Коврина и др. объектом которой стало руководство И.-Д. Шумахера. В этой жалобе говорилось в том числе и о том, что «Университета в Академии нет совершенно»⁵. Следственной комиссии пришлось выяснять «есть ли Университет и честные и славные науки происходят ли и процветают ли»⁶.

¹ Цит. по: Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. Т. 9. М.-Л., 1955. С. 892, прим.

² См. К у л я б к о Е.С. М.В. Ломоносов и учебная деятельность Петербургской Академии наук. М.-Л., 1962. С. 111.

³ Там же. С. 36.

⁴ Л о м о н о с о в М.В. Полн. собр. соч. Т. 10 - М.; Л., 1957. С. 231.

⁵ К у л я б к о Е.С. С. 41.

⁶ Там же. С. 42.

Академический университет начинал свои занятия несколько раз. Е.С. Кулябко отмечала, что фактически Университет был открыт в 1747 г. По мнению М.В. Ломоносова, «с начала Академии наук от 1725 по 1733 год ни единого российского студента при ней не было, который бы лекции у профессоров слушал»¹. В «Всенижайшем мнении о исправлении Санктпетербургской Императорской Академии наук» он писал о необходимости восстановить университет «от прежнего испорченного состояния»², а в 1760 г. составлял подробный план инаугурации, предполагая, что именно с этого времени можно говорить о настоящем открытии Университета.

Интересно, что в этом же году, как бы в пику Ломоносову, Г.Н. Тепловым был составлен проект университета на Украине, который было задумано создать в резиденции К.Г. Разумовского в Батурине³. Следует отметить, что светский университет был создан на Украине только через полвека и, конечно, не в Батурине, а сначала в Харькове (1804), а затем в Киеве (1833).

«Поэтический беспорядок» царил в петербургской Академии до конца столетия. В «Записках, показывающих сравнительное состояние Академии в последствие десяти летнее» Е.Р. Дашкова, которая была назначена директором Академии наук в 1783 г. пишет: «Академики были обременены должностями, званию их не принадлежащими, анатомик исправлял должность казначея, астроном сделан был смотрителем за печами и трубами в академических строениях и проч.»⁴; «...химическая лаборатория едва заслуживала сие название, ибо она не только недостаточна была необходимо нужными для опыта принадлежностями, но и самая печь вместо химической сделана была

---

¹ Л о м о н о с о в М.В. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 36.

² К у л я б к о Е.С. Цит. соч. С. 11.

³ П р о е к т к учреждению университета Батуринского... // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. 1863. Кн. 2. М., 1863. Отдел «Смесь».

⁴ [Д а ш к о в а Е.Р.] Записки, показывающие сравнительное состояние Академии в последствие десяти летнее. [СПб, 1793]. С. 2.

хлебная...»¹; «...проезду к Академии не было, топь, грязь... сие место непроезжаемым болотом становилось»². В отчете приводятся данные о некоторой реорганизации учебного процесса, в частности введении английского и итальянского языков, что было новым для российских учебных заведений, но о преподавании философии не говорится ничего, вероятно, к этому времени ее уже перестали преподавать, как, впрочем, и ряд других предметов.

Проблемы вызывал неопределенный социальный статус, как студентов, так и самих академиков и профессоров. Г.-Ф. Миллер полагал, что это одна из причин по которой дворянские дети идут в университет неохотно. «Русское дворянство ищет повышений чинами, — пишет он. — Между тем знатнейшие ученые оставались без чинов, и это в стране, где все преимущества соразмерены с чинами, где не имеющий чина не может показаться ни при каком официальном представлении, какой же после этого порядочный человек решиться оставаться при учености, я хочу сказать сделаться ученым по профессии?»³. М.В. Ломоносов был в этом смысле более оптимистичным. Он считал, что приобщение к *сокровищу знаний* не только приближает к этосу *благородных*, но и повышает реальный социальный статус. Так, в 1758 г. в «Проекте регламента академической гимназии» он писал: «...Науки являются путем к дворянству, и все идущие по этому пути должны смотреть на себя как на вступающих в дворянство»⁴.

В России, где положение в обществе и социальная принадлежность определялась «Табелью о рангах», состояние ученых, которые оказались вне этого регламентирующего документа,

---

¹ Там же. С. 4.

² Там же. С. 26.

³ Цит. по: Т о л с т о й Д.А. Академический университет в XVIII столетии по рукописным документам архива Академии наук. С. 7.

⁴ Цит. по: Л о м о н о с о в М.В. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 482.

было непрестижным и двойственным¹. В екатерининскую эпоху в «Городовом положении» был определен их статус, согласно которому «ученые, кои академические или университетские аттестаты или письменные свидетельства предъявить могут, и таковыми по испытании Российских главных училищ признаны» должны быть записаны в пятую часть городского общества в число «именитых граждан» вместе с художниками, скульпторами, архитекторами, банкирами, оптовыми торговцами, землевладельцами. Им предоставлялось право «ездить по городу в карете парою или четвернею», «иметь загородные дворы и сады». Они были освобождены от телесных наказаний, а в третьем поколении при сохранении «беспорочной именитости» старшему в роду разрешалось «просить дворянство»².

Академия наук учреждалась «из трех классов» наук — математического, в который входили теоретическая математика, механика, астрономия, география, навигация; физического, включавшего кафедры теоретической и экспериментальной физики, химии, анатомии, ботаники; а так же «гуманиоры, истории и права», в котором должны были работать специалисты в области «студиум актиквитас» (красноречия и древностей), «истории древней и нынешней», «ндравоучения» (права, политики, этики). Преимущественное внимание уделялось наукам естественного цикла. Вместе с академией учреждались гимназия и университет. В Указе отмечалось, что классические традиции разделения на 4 факультета — теологический, юридический, медицинский и философский — в России невозможны, и поэтому «факультет теологии здесь оставляется и попечение о том токмо Синоду предается»³. На философском факультете предполагалось изучать логику, метафизику, математику, фи-

---

¹ Фундаминский М.И. Социальное положение ученых в России XVIII столетия // Наука и культура в России XVIII века. Л., 1984. С. 52-72.

² Там же. С. 52-72.

³ Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. 1. СПб., 1885. С. 20.

зику, а так же «гуманиору» — элоквенцию, «студиум антиквиртас» и «гисторию». При этом, «академик матезеос сублимиорис может профессором логики и метафизики, и математики генеральной быть и при том же физику генеральную и экспериментальную учить»¹.

Философии в Академическом университете уделялось серьезное внимание. В нем изучались курсы «Руководство во всю философию» или «Введение в философию», история философии, логика, метафизика, практическая философия или этика, натуральная философия. В сетке учебных часов не было ни одного предмета, которому уделялось бы больше часов, нежели философии. Следует признать, что в истории Академического университета были периоды, когда философия была единственным преподававшимся там предметом.

Философия преподавалась и в Гимназии. Сохранились материалы, связанные с учителем философии и математики И.Г. Иоперти, которого экзаменовал профессор А. Браун, отметивший, что «в философии, в логике, морали, так же в математике и физике показал он себя так, что начальные основания помянутых наук обучать может»².

Академический университет, как и Академия наук в целом имел естественнонаучную ориентацию, поэтому на первом месте находились проблемы методологии выявления метафизических оснований научных теорий. Натурфилософские рассуждения содержались и в самих формулировках научных теорий, поэтому рассуждения о «причине», «пространстве», «движении», «познании» предвзяли исследования естественнонаучного характера, составляя самостоятельные философские сочинения, внутри научных трактатов. «Физика» еще не вполне отделилась от «метафизики», поэтому умозрительные аргументы использовались в науке, а научный опыт — для решения философских проблем. Способ познания считался универсальным для всех областей знания, как опытного, так и умозрительного, что по-

---

¹ Там же. С. 20.

² ПФА РАН. Ф. 3. Оп. 9. Ед. хр. 947. Л. 1, об.

родило феномен **энциклопедизма**, выразившийся в том, что «ученый» в то время обычно был специалистом во многих областях, одной из которых довольно часто была философия.

Первым официально объявленным «метафизиком», приглашенным на кафедру логики и метафизики был Г.-Б. Бильфингер (1693-1750), возглавивший затем кафедру физики, вторым — Х. Мартини (1699-?), который, напротив, первоначально занимал кафедру физики. Он получил образование в Тюбингене, а потом специально приехал в Галле, чтобы послушать лекции Вольфа. Три года провел в Галле в тесном контакте с Вольфом, потом вернулся в Тюбинген, где получил место экстраординарного профессора философии, кроме того был наставником математики в Collegium illustre — специальном заведении при тюбингенском университете для воспитания детей аристократов. В Тюбингене он издал книгу «De harmonia animi et corporis humani maxime praestabilita, commentatio hypothetica...» (1723), в ней подвергались критике долейбницевские теории о соединении тела и души, оспаривались сомнения Фуше, Бейля, Ньютона, Кларка. Она попала в знаменитый «Index librorum prohibitorum». В 1726 г. он написал «Dilucidationes philosophicae de Deo, anima humana, mundo et generalioribus rerum affectionibus», где он излагал и защищал лейбнице-вольфианскую метафизику. Бильфингер оставил Россию в 1731 г. По возвращении в Тюбинген был сделан там профессором богословия.

В материалах Академии наук сохранилась запись, свидетельствующая о том, что первоначально Бильфингер приглашался именно как специалист в философии, ибо «...господин Вольф его академии, яко человека в философии по принципам весьма обученного, рекомендует»¹. Хр. Вольф считал Бильфингера не только «очень сведущим в философии», но полагал, что «хорошего философа труднее найти, чем хорошего математика, и он во всех странах редкость»². Собственно Бильфингер и

---

¹ М а т е р и а л ы для истории Императорской Академии наук. Т. 1. С. 58.

² П е к а р с к и й П. История Императорской Академии наук в Петербурге. Т. 1. СПб., 1870. С. 83-84.

приглашался не просто как философ, но как философ-вольфианец. Предлагая ему профессию президент академии наук Л. Блюментрост писал, что его согласие вызовет особое удовольствие, «поскольку мы желаем, чтобы у нашей нации, еще не приверженной ни к каким другим философским учениям (principles), преподавалась вольфианская философия и чтобы она распространялась в этом столь обширном государстве»¹.

На одном из первых публичных собраниях Академии Бильфингер произнес речь, впоследствии напечатанную в Кенигсберге, так как в сенатской типографии не хватило латинского шрифта² под названием «*Sermones in primo soleni Academiae scientiarum imperialis conventu die XXVII Decembris anni 1725 publice recitati. Petropoli, Sumptibus Academiae scientiarum*» [1726]. В своей речи Бильфингер изложил историю науки, начиная от античности, обозначая вехи развития научной мысли и маркируя их именами Галилея, «рысьеглазого» Кеплера, «отца ньютонианской философии», Декарта, открывшего человечеству «более надежный способ философствования»³. Бильфингер отмечает важность различных научных объединений — кружков Монмора и Тевено в Париже, оксфордского кружка, Флорентийской академии, Лондонского королевского общества, Парижской академии наук, Берлинского научного общества. Бильфингер отмечает важность коллективного исследования: «Люди лишь тогда познают свои силы, когда не бесконечное число делает одно и то же, а одни оставляют другим. В объединении удобно не только то, что по советам и побуждениям друзей ты будешь знать, к чему лучше приложить твой труд, но еще важнее то, что в самой работе, как бы она не протекала, ты можешь ждать помощи от понимающих друзей»⁴.

---

¹ Цит. по К о п е л е в и ч Ю.Х. Основание Петербургской Академии наук. Л., 1977. С. 72.

² См.: Там же. С. 94.

³ Там же. С. 94.

⁴ Цит. по: Там же. С. 95.

Ю.Х. Копелевич отмечает, что в это время «убеждение в длительности, бесконечности процесса познания природы... пришло на смену необоснованной вере мыслителей предшествующего поколения в близкое раскрытие тайн природы и создание «систем», объясняющих все явления»¹. Сам Бильфингер поясняет это следующим образом: «С учеными, устремляющими внимательный взор в свою науку, происходит то же, что с смотрящими в микроскоп. Представь глазу, пусть даже самому зоркому, листок, сорванный с дерева. Посмотришь мгновение и тебе покажется, что ты увидел все. Но подложи его в микроскоп, пусть даже плохонькой, и ты увидишь новое и неожиданное. Замени его другим, лучшим, потом еще лучшим, и так много раз, и каждый раз появится что-то незамеченное раньше, неожиданное, даже невероятное... Едва ли можно надеяться, что мы проникнем в крайние пределы всех вещей, и никогда для человеческого познания не будет исчерпана возможность открытий»².

В документах Академии наук отмечено, что Бильфингер «искусства физикальные с изъяснениями их и конклюдиями» излагал «следствуя в том Гравесанду в Институциях философии Невтонианской»³. Эта работа, написанная по-латыни («*Philosophiae Newtonianae institutiones, in usus academicos*»), выдержала в первой половине XVIII в. не менее десятка изданий на латыни, английском и голландском языках. В.-Я. Гравезанд (*Gravesande, Willem Jacob 's (1688-1742)*), голландский философ, математик и физик был так же автором сочинений «Математические элементы натуральной философии, подтвержденные экспериментами или введение в философию Сэра Исаака Ньютона», «Эссе о перспективе», «Введение в философию, метафизику и логику».

Книгу Гравезанда привез в свое время из заграничной поездки И.Д. Шумахер⁴. Примечательно, что в это время во всех универси-

---

¹ Там же. С. 95.

² Цит. по: Там же. С. 95.

³ ПФА РАН. Ф. 21. Оп. 7. Ед. хр. 4. Л. 1, об.

⁴ К о п е л е в и ч Ю.Х. Основание Петербургской Академии наук. С. 98.

татах, в том числе и в Кембридже физику преподавали все еще по Декарту¹. Несмотря на то, что в точности не известно содержание лекций Бильфинера по философии², можно отметить, что он, если не прямым, то косвенным образом затрагивал основания британской философии. Ньютонианская философия попадала в Россию чрезвычайно сложным путем, во-первых, в контексте научной (физической) теории, а во-вторых, в интерпретации немецкого ученого, ориентирующегося на голландского исследователя. Это тем более интересно, что распространения ньютонианства в России было затруднено популярностью Лейбница, который не только полемизировал с великим англичанином по теоретическим вопросам, но и находился с ним в определенной тяжбе по поводу приоритета в некоторых научных открытиях. В вопросе о природе света расходился с Ньютоном и Л. Эйлер. Кроме того, философию Ньютона в России, да и вообще на континенте, очень часто представляли себе лишь по сочинению Вольтера «Основы философии Ньютона» (1738), которая была, разумеется, не столько старательным изложением идей Ньютона, сколько рассуждениями самого Вольтера, вдохновленного Ньютоном на метафизический трактат.

Впрочем, в числе ученых петербургской академии были и такие убежденные ньютонианцы, как Ж.Н. Делиль (по совету которого, например, Петр I приобрел «Начала» Ньютона), а так же ученые, не чуждавшиеся изучения трудов Ньютона, — Я. Герман, Д. Бернулли. В 1724 г. Делиль побывал в Англии, где встречался с Ньютоном и Э. Галлеем.³ Ньютонианская картина мира изображается в стихах А. Кантемира, кстати, прилежного ученика Делиля⁴.

Нидерландская философия XVIII в. также плохо известна современным исследователям, тем менее изучены влияния таких ее представителей как Вильям Якоб Гравезанд или Бернард

---

¹ Там же. С. 98.

² Там же. С. 98, прим.

³ Н е в с к а я Н.И. Петербургская астрономическая школа СПб, 1984. С. 25, 30.

⁴ Там же. С. 74-75.

Ниевенти (Bernard Nieuwentijt (1654-1718)), хотя сами российские мыслители отмечали их в числе авторитетных авторов¹. Определенную роль в популяризации идей голландских мыслителей сыграла издательская деятельность Н. Новикова².

Виттенбергский магистр Х. Мартини был рекомендован Хр. Вольфом как будущий адъюнкт по физике и математике. Отнесся к предложению с большим энтузиазмом. Получив предложение приехать в Россию, он писал, что принимается за изучение русского языка³. От петербургского приема Мартини был в восторге. Да это и не удивительно, ведь вместо адъюнктской он получил профессорскую должность с жалованием 600 рублей в год и обязательством «внедрять начала вольфианства»⁴. Мартини написал своему учителю восторженное письмо, и Хр. Вольф сообщал об этом Блюментросту: «Г-н Мартини писал мне с большою похвалою, как любезно он был встречен по своем прибытии и как приятно в Петербурге. Я несколько не сомневаюсь, что все принятые на службу будут вполне довольны и никого не потянет обратно. Я везде оповещаю об этом, чтобы все более рассеивать необоснованные предубеждения»⁵.

Выбор Х. Мартини был не очень удачным. Он получил кафедру логики и метафизики не потому, что был более крупным философом, а потому, что Бильфингер был значительно более выдающимся физиком.

В расписании на 1732 г. указано, что логику и метафизику читал Г.-В. Крафт, профессор общей физики⁶, позже он читает «физику и метафизику с принадлежащими к тому эксперимен-

---

¹ См. К а н д о р с к и й И.М. Наука о душе, или ясное изображение ее свойств, способностей и бессмертия. // Мысли о душе. Русская метафизика XVIII века. СПб., 1996. С. 204.

² V u c i n i c h A. Science in Russia. A History to 1860. Stanford, 1963.

³ К о п е л е в и ч Ю.Х. Основание Петербургской Академии наук. С. 72.

⁴ Там же. С. 77.

⁵ Там же. С. 77.

⁶ П е к а р с к и й П. История Императорской Академии наук в Петербурге. Т. 2. С. 223.

тами показывать», а Л. Эйлер читает публичные лекции не только по математике, но и по логике¹. Из «Росписи академическим членам, первым в Академию призванным...» видно, что «физика и метафизика» не были разделены в практике преподавания ученых того времени. Так, цитируя указанную «Роспись», видим, что «Якобус Германус... здесь первым профессором от математики... в 1730-м году генваря 16 числа отбыл в Базель город профессором моралики... Георгиус Бернгардус Бульфингер был профессором ординарии в княжеской коллегии и профессором экстраординарии от философии в университете в Тибинге, а здесь профессором ординарии от физики... Фридрикус Христофорус Грос... назначен был профессором экстраординарным от моралики, а в 727-м году отбыл в Москву... Георг Волфганг, магистр от философии... назначен быть профессором от математики... Иосиас Фейтбрехт, магистр от философии... назначен быть профессором от физики»². Профессором «от физики» был назначен так же некто «Леонгард Рулес, магистр разных хитростей...(! — Т.А.)»³. Х.Ф. Гросс преподавал этику прежде всего по книге Пуфендорфа «О должностях человека и гражданина». Эти лекции оказали влияние на мировоззрение А. Кантемира, слушавшего их в академическом университете⁴. Продолжая список преподавателей философии, назовем Г.Н. Теплова, о котором речь пойдет позже, упомянутого в печатном объявлении 1742 г. Христиана Эрготта Геллerta, адъюнкта академии, который собирался читать «логику и метафизику Волфу порядком Тиммиговым публично, а privately охотников обучать будет намерен в физике и математике»⁵ и академического стихотворца Г.Ф. Юнкера, лекции которого о

---

¹ М а т е р и а л ы для истории Императорской Академии наук. Т. 3 СПб., 1886. С. 723.

² М а т е р и а л ы для истории Императорской Академии наук. Т. 2. СПб., 1886. С. 198-199.

³ Там же. С. 199.

⁴ См.: G r a s s h o f f Н. Kantemir und Westeuropa. Berlin, 1966.

⁵ ПФА РАН Ф. 21. Оп. 7. № 52. Л. 1, об.

«политике и морали» упомянуты в объявлении 1734 г.¹ В 1758 г. М.В. Ломоносов активно рекомендовал в профессора философии Г.В. Козицкого, окончившего Лейпцигский университет. Этот вопрос долго рассматривался Академической канцелярией, однако дело не было доведено до конца, несмотря на то, что диссертация соискателя была предоставлена Академическому собранию и даже послалась на дом академикам².

В «Исчислении всех дел, что профессоры, как в публичных, так и в частных собраниях, елико ко умножению и совершенству наук принадлежат, так же и в частных лекциях, елико потребно есть к наставлению юношества досель произвели и это впредь в тех же вещах произвести намерены», датированном августом 1727 г., видно, что научные планы были достаточно обширны. Так, «Бульфингер, профессор физики экспериментальной и теоретической... в том числе в употребление императорскому величеству написал историю нынешнюю и политику моральную, или нравоучительную...

Христиан Мартиний, профессор логики в частных собраниях предложил:

1. Стебло³ — разума божественного к человеческому приравненного, зеркало.
2. Предложение махины, которую чрез немалое время движение округлое, горизонтальное, без всякого наружного двигателя сохраняется.
3. Начало нерассмотримых от Лейбница новоизобретенного ясно доказательство⁴.
4. Того же начала пользы, которые требовались.

---

¹ Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. 2. С. 555.

² См. К у л я б к о Е.С. Замечательные питомцы Академического университета. Л., 1977.

³ С т е б л о — ручка, рукоятка, стебель, основание. — прим. Т.А.

⁴ Имеется в виду один из принципов Лейбницевской философской системы, предполагающей «гармонию сущности и существования», а именно, принцип «тождества неразличимых».

5. Науку силлогизмов приложением простых, 2-сложных, 6 образцов приполненную.
6. Яко особные фигур силлогистических правила новыми изъяснениями составлять надлежит.
7. Рассуждение славная препорций наука подает ли какую помощь в логических или нет?
8. Особливое упоминание пропорциональства в уравнительных.
9. Решение феномена отрочати любекского Гейнекения, удивительную памяти силу имущего
10. Резон словенствовательный моей системы и сочинений ее в таблице синоптической.

В лекциях преаает правила логические. Сочиняет систему логическую, и тогда поедет...

Грос, профессор моральных и нравственных учений, следующие диссертации академии предложил:

1. О мере добродетелей и злых дел, и может ли каковая избрестися, и с того какого плода чаять?
2. О совести правой и погрешительной, благой и злой, и как благая имать гнаться, злая же быть избежная.
3. О разуме законов, и разности, и о вменении, следующим по законам.
4. О неизбежных приключениях (фатах), разум употреблений и пределах моральной философии.
5. О свободе воли, о нужде стоической и христианской.
6. О должностях перед Богом, поелику от истинных оснований воследуют
7. О разуме права естественного, права языков и права гражданского, и правдивых между ими разделениях.

В лекциях слушателям своим толкует Пуфендорфия о человеке и гражданине, сочиняет наставления философические и публичные ведомости»¹.

Постепенно научно-практические цели, поставленные перед Петербургской Академией наук оттеснили на второй план не только

---

¹ М а т е р и а л ы для истории Императорской Академии наук. Т. 1. С. 280-284.

метафизику, но и всю «гуманиору». Это породило мнение, что петербургская академическая философия закончилась, не успев как следует встать на ноги. «Вследствие всей совокупности и внешних и внутренних условий жизни Академии, — пишет Г.Г. Шпет, — словесно-исторические науки испытали в ней особо превратную судьбу. Они то исключались вовсе из «классов» Академии, то опять вводились, то замирали под давлением ненаучных обстоятельств. Не сразу они заняли подобающее им место, но все же заняли, и лишь для философии ничего не было сделано. Правда, в XVIII веке, пока при Академии существовали университетские курсы, там преподавалась какая-то философия, но устав [17]47 года настоятельно требовал от профессоров философии, чтобы они не учили ничему противному православной вере, добронравию и форме правительства. Профессоры должны были представлять в канцелярию конспекты своих лекций для суждения о том, не уклоняются ли они от учения православной веры и не сомневаются ли они в славном состоянии государства»¹. Суждение Шпета, конечно, авторитетно, но далеко от истины. Действительно, Петербургская Академия наук имела явную естественнонаучную ориентацию (хотя не следует забывать, что важным направлением ее работы были так же исторические и ориентальные исследования). Однако это способствовало развитию таких направлений философии как **онтология**, **космология**, или в более общем плане — **натуральная философия**. *Philosophia naturalis* не только была в эпоху Просвещения важным философским направлением, но и выполняла важную функцию методологического основания естественной науки.

Ряд событий второй половины XVIII века сделали менее значимым традиционный курс «логики и метафизики», да и Академический университет, понизивший свой статус до Училища Академии, переживал период упадка. С 1755 г. начал работу Московский университет, в стенах которого сосредоточилось преподавание и изучение академической философии.

---

¹ Ш п е т Г.Г. Очерк развития русской философии // Сочинения. М., 1989. С. 36-37.

Философия «московская» несколько отличалась от философии «петербургской». Она в большей степени была направлена на умозрительные проблемы, не была так тесно связана с естественной наукой, как в Петербургской Академии. Кроме того, изменились маршруты стажировок. Студенты, становившиеся затем профессорами, стали получать образование не только в Германии и Франции, но так же в Англии и Шотландии. Однако «основы», воспроизводимые впоследствии с завидным постоянством¹, были заложены именно в «резиденции», а не в «столице».

Недостаток «гуманитарности» в Петербургской Академии наук был отчасти компенсирован созданной в 1783 г. Российской Академией, президентом которой стала Е.Р. Дашкова, а членами — крупнейшие российские ученые, литераторы, государственные деятели — Г.Р. Державин, Д.И. Фонвизин, М.М. Херасков, Я.Б. Княжнин, И.Н. Болтин, И.И. Лепехин, С.К. Котельников, Н.Я. Озерецковский, С.Я. Румовский, А.П. Протасов, М.М. Щербатов, Г.А. Потемкин, И.И. Шувалов, епископ Дамаскин (Д.Е. Семенов-Руднев). Российская Академия была чисто научным учреждением, призванным заняться «исправлением и обогащением» русского языка. Главной задачей Академии стало составление шеститомного «Словаря Российской Академии», осуществленного в достаточно короткий срок (с 1786 по 1794 гг.). Работа Академии осуществлялась под активным контролем самой императрицы. Как писал А.С. Пушкин, «Екатерина стремившаяся во всем установить закон и незыблемый порядок, хотела дать уложение и русскому языку. Академия, повинаясь ее наказу, тотчас приступила к составлению словаря. Императрица приняла в нем участие не только словом, но и делом. Часто осведомлялась она об успехе начатого труда и, несколько раз слыша, что словарь доведен до буквы «Н», сказала однажды с видом некоторого нетерпения: все «Нет» да «Нет!» Когда же вы мне скажете: «Ваш?». Академия удвоила старание. Через несколько времени на вопрос императрицы: что словарь? отвечали ей, что Акаде-

---

¹ См. об этом: А р т е м ь е в а Т.В. «Кафедральная философия в России». Истоки и традиция // Сфинкс. Петербургский философский журнал. 1994. № 2.

мия дошла до буквы «П». Императрица улыбнулась и заметила, что Академии пора бы «Покой» оставить». Несмотря на сии шутки, Академия должна была изумить государыню поспешным исполнением высочайшей ее воли: словарь окончен был в течении шести лет».¹

Следует отметить, что, давая пространные объяснения и толкования терминов, этот словарь является важным источником по изучению философской лексики XVIII в. В нем интерпретируются значения метафизических, этических, эстетических, историософских категорий, что является не только результатом рефлексии на соответствующие темы авторов словаря, но и развитием понятийного аппарата самих этих дисциплин. В статьях «Благо», «Воля», «Движение», «Дух», «Душа», «Естество», «Жизнь», «Законы», «Знак», «Идея», «Истина», «Милосердие», «Милость», «Мир», «Предполагать», «Различать», «Умозрение» и т. д. даются краткие философские характеристики этим понятиям.

Философский дискурс не только не был чужд академической традиции, но философия часто была важнейшим предметом, изучавшимся Академией наук. Не всегда это было явно, иногда требуется обратить внимание не только на текст, но и на контекст, не только прочесть, но и вычитать, не только увидеть, но и понять. Истина далеко не всегда бывает очевидной. Чтобы постичь ее, порой необходимо проделать дополнительную работу не только по достижению нового знания, но и по освобождению от старых предубеждений. Но почему бы не сделать это усилие?

---

¹ П у ш к и н А.С. Российская Академия // Полн. собр. соч.: В 10 т. Изд. 4. Т. 7. Л., 1978. С. 250.

ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ

Философия истории в XVIII не нашла своего выражения в специальных наукообразных трактатах. Она была рассредоточена в «текстах культуры» и выражалась в формах «политического романа»; «восточной повести»; «письма к приятелю»; «речи по поводу», комментированного перевода, социально-политической утопии, а также в художественно-публицистических жанрах, государственных документах, мемуарах и пр. Однако наиболее важным источником являются исторические сочинения, представляющие собой творческое осмысление исторических событий, и преамбулы к ним, где обосновывается теоретическая позиция автора.

Россию XVIII в. можно назвать веком исторического фундаментализма. Ощущение перемен и новых культурных веяний делало зримым течение истории, этой «реки времен». Историей занимались все, от «русского Кандида» — смешного петербургского купца-графомана, автора «новой системы мира» Ивана Ертова, до самой императрицы Екатерины Великой, оставившей нам не только «За-

писки, касательно российской истории», но и «исторические представления» из жизни первых государственных деятелей России.

Особое значение история имела в Петербургской академии наук, где историческое знание обрело если не научную, то наукообразную форму. Предполагалось, что в Академии наук помимо математического и физического классов будет действовать отделение «гуманиоры, гистории и права». Правда особое внимание уделялось наукам естественного цикла, гуманитарные оказывались на втором плане как «неприкладные» и «непрактические». Вместе с тем государство никогда не забывало о идеологических возможностях «гуманиоры». Именно поэтому исторические дисциплины преподавались в Академическом университете, а ученые занятия поощрялись в стенах Академии. Разумеется, в начале XVIII века, когда формировалась Академия наук и Академический университет, еще не знали понятия «философия истории». Его ввел в научный обиход Вольтер, работая над «Историей России при Петре Великом». Однако исторические сочинения несомненно носили концептуальный характер, очень часто преамбулы к историческим сочинениям представляли собой своеобразные философские введения, поясняющие мировоззренческую позицию автора и избранный им метод исторического исследования.

В число исторических наук входила и мифология, изучение которой считалось в те времена очень важным, ибо использование мифологических данных в качестве исторического источника, прямого или косвенного, являлось методологической установкой исследователей.

В этом смысле интересна позиция Г.В Козицкого (1725?-1775). В статье «О пользе мифологии» он пишет о том, что без изучения мифологии невозможно понять строй мышления древних народов, в особенности сочинения, историков, географов, писателей и философов. Каждое мифологическое понятие, каждый образ многообразно вписан в культуру и насыщен историческими аллюзиями.

Мифология важна как для гуманитарных, так и для естественных наук. Так, например, астрономия зафиксировала свои мифологические истоки в названиях небесных светил. Эта ситуация сохраняется до сих пор, и все попытки ее изменить можно воспринимать не бо-

лее как курьезы. Козицкий приводит пример с астрономом Юлием Шиллером, который, следуя учению Беды Достопочтенного, решил сделать небо «христианским». Он поменял названия созвездий следующим образом:

- Большую Медведицу назвал он Святым Архангелом Михаилом;
- Дракона — младенцами, избитыми от Ирода;
- Дельфина — Водоносом в Кане Галилейской;
- Андромеду — гробом Христовым;
- Овна — Святым Апостолом Петром;
- Быка — Святым Андреем;
- Ориона — Святым Иосифом и т. п.¹

Этому примеру попытался последовать некто Ерард Вейгель, который «для сыскания себе у высоких особ милости и, и у всех людей похвалы, вознамерился выдумать новое небо, которое он назвал Геральдическим и вместил в оное гербы европейских государей, князей и прочих людей»². Он, в свою очередь обозначил:

- Большую медведицу — Слоном королевства Датского;
- Лебедя — рукой с мечем, символом саксонского двора;
- Плеяд — Пифагоровой таблицей, «которую он за герб купеческий почитал»³.

Истоки естественнонаучных предположений о начале мира так же погружены в неопределенность мифологических описаний. Вся античная философия описывала (со)творение мира именно мифологическим образом, «баснословие почитая за науку о естестве вещей, и о происхождении их, о свойствах и переменах, случающихся в натуре»⁴, а «Исиодово родословие богов в самом начале не что иное есть, как философское мнение, каким образом сей мир сотворен»⁵. Лукреций и Эпикур, описывая Венеру, подразумевали «под именем

¹ См. К о з и ц к и й Г. О пользе мифологии // Трудолюбивая пчела. Генварь. 1759.

² Там же. С. 20.

³ Там же. С. 21.

⁴ Там же. С. 22.

⁵ Там же. С. 22-23.

сей богини физическую по своей философии силу, всем вещам бытие и пребывание дающую»¹.

Более всего важно изучение мифологии для наук гуманитарных и, прежде всего, для истории. Нет сомнения в необходимости и важности ее изучения. «История представляет нам начала, укрепление и распространение государств, подает основательные правила и показывает в самом деле сбывшиеся примеры к управлению целых народов, описывает прехвальные и вечной славы достойные дела мужей знаменитых, определяет точное время когда, каким образом и кем населены ужасные пустыни и непроходимые дубравы, когда пагубными неприятельскими войнами или междуусобными раздорами цветущие пред тем разрушились царства. Сия толь нужная, полезная и приятная наука не может достигнуть к совершенству без мифологии»². Но «история, приближаясь к своим началам теряется наконец в мифологии»³. Первые сведения об истории носят характер неотрефлексированного, метафорического, гиперболизированного знания. Однако другой информацией мы не обладаем, поэтому вынуждены научиться читать мифологические тексты. В противном случае, «где сыщем мы о древнейших народах известия, откуда узнаем их происхождение, правление и случившееся в нем перемены, кто объявит нам имена, родословие, добрые и худые поступки их владельцев, от того уведоимся, где и кем изобретены и заведены различные науки и художества, кем состроены часто в истории упоминаемые города, храмы и прочие удивительные здания!»⁴. Разумеется историческое описание точнее, чем мифологическое, однако и историки противоречат друг другу. Существует мнение, что мифологическое знание опасно, ибо оно «великою помрачает тьмою» истинные события, пропагандирует многобожие и т. п. Однако в «столь просвещенные времена» многобожие не представляет реальной опасности, а за «темнотою» мифологии можно увидеть «свет» событий истинных, и, хотя, «сокровенные под баснями», они

---

¹ Там же. С. 22.

² Там же. С. 14.

³ Там же. С. 14.

⁴ Там же. С. 15.

распознаются не сразу, но другого источника для изучения Древнего мира нет.

Статьи по истории выходили в академических изданиях — «Комментариях Санктпетербургской Академии наук» и «Месячных исторических, генеалогических и географических примечаниях в Ведомостях», издававшихся с 1728 г. Однако, ни эти издания, в которых публиковали свои сочинения Я. Штелин, Ф.-Г. Штрубе де Пирмонт, Г.-З. Байер, ни лекции по истории в Академическом университете, читавшиеся Г.-Ф. Миллером, И.-Э. Фишером и другими, не давали обобщающего знания по истории России. Далеко не все иностранные ученые, приглашенные в Петербургскую академию наук, собирались изучать историю России, многие реализовывали собственные проекты, находясь на российской службе. Тем не менее, они привнесли в систему организуемых научных институтов методологию исследования, принятую в Европе, способствовали включению России в «невидимый колледж» — европейское научное сообщество.

Следует остановиться особо на нескольких академиках-иностранцах, оказавших наибольшее влияния на формирование «собственного взгляда» на историю российских исследователей и безусловно спровоцировавших последующее бурное развитие исторического мышления¹.

В первую очередь следует назвать имя Герарда-Фридриха Миллера (1705-1783), выходца из Германии, учившегося в Рингельнском, а затем в Лейпцигском университете. Как пишет Старчевский «еще в детстве прочили ему, что он будет служить России по энтузиазму, показанному им при виде Петра Великого, когда монарх проезжал через Герфорд»². В 1725 г. он был приглашен в Петербургскую академию наук сначала как студент, а затем адъюнкт. Он получает должность преподавателя латинского языка, истории и географии в академической гимназии. В 1728 г. он становится ре-

---

¹ См. об этом: А л п а т о в М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII — первая половина XIX века). М., 1985.

² С т а р ч е в с к и й А. Очерк литературы русской истории до Карамзина. СПб., 1845. С. 261.

дактором газеты «Санкт-Петербургские ведомости», которая издавалась Академией наук, в 1732 г. — редактором исторического журнала «Sammlung russischer Geschichte», выходявшего на немецком языке в 1732-1765 гг. С 1731 г. становится членом Академии наук.

Объектом исследований молодого немецкого ученого становится российская старина. Он исследует древнерусские летописи, переводит на немецкий язык «Повесть временных лет». В 1733-1743 годах Миллер осуществляет экспедицию в Сибирь, результатом которой стал фундаментальный труд «Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем дел от начала, а особливо от покорения его русской державой по сии времена». Первый том вышел на русском языке в 1750 г. и переиздан в 1763 г., отдельные части второго тома печатались в «Ежемесячных сочинениях». Полностью сочинение Миллера на русском языке вышло только в 1941 г.¹ Ему принадлежит так же «Описание живущих в Казанской губернии языческих народов яко-то черемис, чуваш и вотяков. С показанием их жительства, политического учреждения, телесных и душевных дарований, какое платье носят, от чего и чем питаются, о их торгах и промыслах... С приложением многочисленных слов на семи разных языках, как то: на казанско-татарском, черемисском, чувашском, вотяцком, мордовском, пермском и зырянском...»² Как видно из названий этих сочинений, Миллер был не только историком, но и лингвистом, географом, этнографом и т. д. Его сочинения являются уникальным источником по ныне исчезнувшим языкам и используются современными исследователями. Кроме того, Миллер был крупнейшим собирателем рукописей и исторических документов. До сих пор так называемые «портфели Миллера» привлекают внимание историков богатством собранных в них материалов³.

«Исторический энциклопедизм» Миллера соответствовал «энциклопедическому» взгляду на науку. «Многознание» и специализированность в различных областях исследователей XVIII в. не оз-

¹ М и л л е р Г.-Ф. История Сибири. М.-Л., 1937-1941. Т. 1-2.

² См.: Е ж е м е с я ч н ы е с о ч и н е н и я. СПб., 1756, июль-август.

³ См. издание А.Б. Каменским работ Миллера: Г.Ф. М и л л е р. Сочинения по истории России. Избранное. М., 1996.

начали какой-то особенной эрудиции или таланта. Это было следствием «монологического» метода, выработанного в недрах умозрительного метафизического, который применялся последовательно ко всем областям знания, давая прекрасные результаты. Новое, «научное» видение мира, отличавшее Век Просвещения, предполагало предварительное «наведение порядка» в океане разрозненных фактов. Именно поэтому XVIII в. был «веком классификаций», которые давали возможность создать из Хаоса обыденного знания Космос упорядоченных научных теорий. Конечно, «метод умозрительных классификаций» требовал определенной эрудиции, но она должна была отличаться скорее «широтой», нежели «глубиной».

В 1747 г. Миллер был назначен на должность ректора Академического университета и получил звание российского историографа, что дало ему новые возможности для работы, в том числе в государственных архивах. Он принимает российское подданство и становится одним из представителей российской науки немецкого происхождения. Феномен «немцев в России» или вообще «иностранцев на российской службе» и их заслуги перед российской наукой являются темой отдельного исследования¹. Следует отметить лишь то, что «диаспора иностранных ученых» возникла в России не случайно и была связана с особо благоприятными условиями, которые были созданы в стране и Петербургской академии наук, в частности. Высокий уровень развития науки предполагает не только наличие талантливых и образованных исследователей, но и создание благоприятных условий для работы, наличие специальных социальных институтов, определенный уровень оценки научных достижений. Многие российские академики, будучи иностранцами по происхождению, развивали российскую науку, или, что будет точнее «науку в России», ибо наука — явление вненациональное, но не внесударственное.

---

¹ См. вышедшие недавно материалы русско-немецкого семинара «Немцы в России. Русско-немецкие научные и культурные связи», «Немцы в России: Проблемы культурного взаимодействия» и «Немцы в России: люди и судьбы». СПб., 1998.

В России именно государство было организатором и научных институтов и научных исследований, это привело к определенной «официализации» и безусловной идеологизации науки. Если в естественных науках это казалось не таким явным, то в гуманитарных и, в частности, в исторических часто было не только очевидно, но даже и демонстративно. Сам Миллер неоднократно утверждал, что он далек от политики и не склонен идеологизировать свои выводы. «Историк должен казаться без отечества, без веры, без государя»¹, — писал он. Тем не менее, он переживал, когда находил в сочинениях иностранных авторов рассуждения, способствующие «бесславию российского народа». В небольшом сочинении под названием «Предложение, как исправить погрешности, находящиеся в иностранных писателях, писавших о Российском государстве»² Миллер пишет о том, что в зарубежных сочинениях о России часто не учитываются те изменения, которые произошли в стране в XVIII веке. Характерно, что Миллер не считает «абсолютной точкой отсчета» Петра Великого, справедливо полагая, что между «великими деяниями» Алексея Михайловича и преобразованиями Петра стоит очень важная фигура Федора Алексеевича³, недолгое (1676-1682), но насыщенное яркими свершениями правление которого несправедливо забыто историками. Миллер посвящает жизни и правлению этого царя специальное исследование⁴. Он пишет: «Всякой, читая со вниманием печатанные в чужестранных землях о Российской импе-

---

¹ Цит. по: М и л ю к о в П.Н. Главные течения русской исторической мысли. Т. 1. — СПб., [Типолиитография Т-ва И. В. Кушнеров и К], 1897. С. 96.

² А.Б. Каменский предполагает, что поводом для написания этой статьи была обида Миллера, российского историографа, который вместе с Ломоносовым должен был готовить материалы для Вольтера, получившего предложение правительства Елизаветы Петровны написать сочинение о Петре I. Миллер полагает, что такая работа была бы лучше сделана отечественным автором. См.: К а м е н с к и й А.Б. Судьба и труды Г. Ф. Миллера // Сочинения по истории России. Избранное. М., 1996. С. 389.

³ См. о нем: Б о г д а н о в А.П. Царь Федор Алексеевич: философ на троне // Философский век. Альманах. Вып. 2. СПб., 1997. С. 83-98.

⁴ См. М и л л е р Г.Ф. История жизни и царствования Феодора Алексеевича // Сочинения по истории России. Избранное. М., 1996. С. 320-354.

рии книги и сам имея некоторое знание в Российской истории и географии, не может спорить, что оные книги наполнены премногими погрешностями, что очень много в них недостает того, что потребно к обстоятельному знанию о России и что повторяются в них разные известия, писанные лет тому назад за сто и за двести, к бесславию Российского народа, равномерно как бы оныя времена еще не миновались, в коих предки наши более к войне, нежели к другим науками склонны будучи, имевши с иностранными народами весьма малое сообщение, конечно от нас, их потомков, нравами и обхождением (в чем признаться нам не стыдно), несколько были отличны. Но за что нас попрекать всегда теми же пороками, когда оные при воссиявшем наук свете, обстоятельным познанием должностей, коими мы Богу, ближнему и самим себе обязаны, коротко сказать, изучением нравоучительной науки и разумным подражанием всему тому, что у других благодетельных народов похвалы достойное примечается, хотя не у всех, однако у лучшей части Российского народа благополучно прекратились»¹. Миллер отождествляет себя с россиянами, говоря о «наших предках», употребляя значимое в данном контексте местоимение «мы».

В нереализованном «Проекте создания Исторического департамента Академии наук» он пишет о том, что история России плохо известна в Европе. Это связано отчасти с тем, что о ней писали во многом иностранные авторы, а «сколько в иностранных печатных книгах об оной ни находится, однако ж такие описания в славу Российской империи служить не могут, потому что сочинители тех книг, яко иностранцы, которые в России ненадолго пребывание имели и Российского языка довольно не знали и довольных способов к такому важному делу не имели, также иногда, следуя своим пристрастиям, сущей правды не высмотрели, или иные, и не бывши в России, к описанию об оной устремились, и одни из сочинений других выписывали или неосновательным разглашениям поверили, или только то, что в публичных ведомостях объявляется, за основа-

---

¹ М и л л е р Г.Ф. Предложение, как исправить погрешности, находящиеся в иностранных писателях, писавших о Российском государстве // Сочинения по истории России. Избранное. М., 1996. С. 15.

ние приняли»¹. Миллер призывает усилить внимание к развитию отечественной исторической науки и на основании тщательного изучения источников создать подробную и правдивую историю Российского государства. Однако Миллеру не удалось сохранить результаты своих исследований вдали от политико-идеологических проблем.

5 сентября 1749 г. в день именин Елизаветы Петровны Миллер должен был произносить речь на торжественном собрании Академии наук. Она носила название «Происхождение народа и имени Российского» и положила начало бурному обсуждению так называемого «варяжского вопроса». Собственно сама проблема была сформулирована еще Готлибом Зигфридом Байером (1694-1738), переехавшим из Германии в Россию в 1726 г. До Байера этим вопросом пытался заниматься Г. Лейбниц. Генеалогия входила в число интересов великого мыслителя, тем более, что знание этой науки упрочивало его положение при европейских дворах. Обсуждая проблему происхождения Рюрика с берлинским библиотекарем, интересовавшимся русской историей Матюреном-Весьером Ла-Крозом, Лейбниц высказывал предположение что Рюрик был датчанином. Он считал, что страна, из которой вышли варяги, называлась Вагрия. По его мнению, Вагрией называлась область, в которой находился г. Любек и которая была прежде населена славянами². Петр I хотел, чтобы Лейбниц продолжил исследование этого вопроса и поручил Я.В. Брюсу вступить с ним в переписку, однако смерть Лейбница в 1716 г. приостановила на время обсуждение этой темы³.

Байер был специалистом в области восточных языков и истории Древнего мира. Переехав в Россию, он считал себя ближе к Востоку. В Петербурге он изучал санскрит. «Байер был типичным эруди-

---

¹ [Проект создания Исторического департамента Академии наук] // Г.Ф. Миллер Сочинения по истории России. Избранное. М., 1996. С. 353.

² См. Герье В. Отношение Лейбница к России и Петру Великому по неизданным бумагам Лейбница в Ганноверской библиотеке. СПб., 1871. С. 102.

³ Старчевский А. Очерк литературы русской истории до Карамзина. С. 107.

том, погруженным в древность: изучать русский язык он и не соби-
рался, а по латыни писал лучше, чем по-немецки»¹. Иногда он даже
думал по-латыни. Он пишет: «я отвык мало по малу мыслить по не-
мецки и начал думать по латыни, когда писал»². Древнерусские ле-
тописи он изучал в немецких переводах, однако именно ему при-
надлежит первое слово в формулировании норманнской теории, ко-
торую он подробно обосновал в книге «О варягах» (СПб., 1767). До
Байера происхождение Рюрика как потомка Августа, а вслед за ним
и московских царей, было принято выводить из Пруссии. Байер, ос-
новываясь на собственном прочтении первых, самых темных строч-
чек Радзивилловского списка «Повести временных лет», полагал
что эти генеалогические линии ведут в Скандинавию. Собственно,
вопрос о том, кем был Рюрик, «немцем» или «варягом» сам по себе
не мог иметь столь важного значения, которое он приобрел позже.
«Байер был безусловно прав, отрицая родословную русских царей
как начинающуюся якобы от Августа. Из петербургских академик-
ков-немцев он первым начал высвобождение древнейшей русской
истории из тумана легенд»³, — пишет М.А. Алпатов. Проблема за-
ключалась в выводах, которые сделал историк и которым был при-
писан статус политической проблемы. Это было отмечено многими
современниками, например, Иоганн-Даниил Шумахер писал Г.Н.
Теплову о 19 октября 1769 г.: «гг. профессора и адъюнкты теперь
трудятся над диссертацию г. Мюллера и в понедельник начнут бит-
ву. Я предвижу, что она будет очень жестока, так как ни тот, ни
другой не захотят отступить от своего мнения. Не знаю, помните
ли вы еще, милостивый государь, то, что я имел честь писать к вам
о диссертации г. Мюллера. Помню, что я утверждал, что она напи-
сана с большой ученостью, но с малым благоразумием. Это оправ-
дывается. Г. Байер, который писал о том же предмете в академиче-
ских Комментариях, излагал свои мнения с большим благоразуми-
ем, потому что употреблял все возможные старания отыскать для

---

¹ Алпатов М.А. Там же. С. 15.

² Пекарский П. История Императорской Академии наук в Петербурге
Т. 1. СПб., 1870. С. 181.

³ Там же. С. 17.

русского народа благородное и блистательное происхождение, тогда как г. Мюллер, по уверению русских профессоров, старается только об унижении русского народа. И они правы. Если бы я был на месте автора, то дал бы совсем другой оборот своей речи. Я бы изложил таким образом: происхождение народов весьма неизвестно. Каждый производит их то от богов, то от героев. Так как я буду говорить о происхождении русского народа, то я изложу вам, милостивые государи, различные мнения писателей по этому предмету и потом выскажу мое собственное мнение, поддерживая его доказательствами, довольно — по крайней мере по моему рассуждению — убедительными. Такой-то и проч. Я же, основываясь на свидетельствах, сохраненных шведскими писателями, представляю себе, что русская нация ведет свое начало от скандинавских народов. Но, откуда бы ни производили русский народ, он всегда был народом храбрым, отличавшимся геройскими подвигами, которым следует сохраниться в потомстве. По краткости времени, мы коснемся только замечательнейших, отложив прочие до другого случая. Здесь бы мог он говорить о подвигах князей, великих князей, царей, императоров и императрицы. Но он хотел умничать! *Nabeat sibi* — дорого он заплатит за свое тщеславие»¹.

Главная причина спора была сформулирована В.К. Тредиаковским, который, кстати, отстаивал славянское происхождение Рюрика. Он писал: «Хотя нет ни одного, мню, в истинных россиянах, собственно так называемых ныне, который бы не всем желал сердцем, чтоб презнаменитым варягам руссам, прибывшим к нам государствовать в нас, и бывших достославными предками великолепных самодержцев наших, быть точно сими нынешними и всегдашними россиянами, произойти издревле от сего конечно российского корене, и говорить, с самого начала сим одним нашим языком славенороссийским: однако, утверждения иностранных, и еще не бесславных писателей оных, не токмо делают наши желания тщетными, но еще всех нам путей едва не пресекают, чтоб мощи сердцам нашим хотя только того желать уже с основанием. Сие коль есть ни превосходное и твердое предрассуждение о достоинстве

---

¹ Там же. С. 67-67.

первоначальных наших государей, для того, что писатели как на перерыв друг перед другом присвояют их к разным славным и храбрым народам, однако ж нам несколько предосудительное, как отъемлющее у нас собственное наше и дражайшее добро, и через то лишаящее нас природная нашей славы. Когда ж инославными писателями изобрели за должное по единому самолюбию токмо, как мнится, повествовать о высокопоставленных варягах, и воля своих читателей по степеням вероятности, потщилась удостоверить их, что будто сии варяги нам чужеродны и от нас разноязычные, то мы не ободримся ль изобрести за должнейшее, имея в том преискреннейшее участие, что б нам утверждающимся на самой, поскольку возможно достоверности, описать наших началобытных самодержцев как единоязычными, так и тождеродными с нами? Возможно ль, говоря откровенно, и достойно ль пребыть своим бездейственным при чужих пререкающим удовольствием, да и не стремиться к исторжению отъемлимого у нас не по праву? Высота, светлость и превосходство первенствовавших верховно у нас Великих князей к тому нас обязывают, а честь цветущего, всегда и ныне, Российского народа, не умолкая возбуждает. Должно, должно было давно уж нам препоясаться силами, не токмо к восприпятствованию, не весьма удостающихся в рассуждении сего заключений, но и к утверждению, и как будто по вкореняемому насаждению светозарныя истины и непоколебимыя правды»¹.

Вопрос о происхождении государства, государственной власти, закономерном характере установления того или иного типа политического режима не мог не находиться в центре историософских размышлений. Собственно говоря, государственное покровительство историческим исследованиям предполагало, что они будут являться частью официальной идеологии. При этом, вопрос о началах государственности формулировался так: «Кто первый стал княжить?». Исторический персонализм не давал возможности поставить вопрос иначе, вне зависимости от некоей личности, которая

---

¹ С л о в ь е в С. Писатели русской истории XVIII века. Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. Кн. II. Отделение III. 1855. С. 47-48.

должна была бы служить первоначальной точкой отсчета. Как в философской антропологии «происхождение народа и имени Российского» исследовалось от Адама, так и в государственно-правовой теории оно должно было вестись от первого правителя. Таким образом, отвечая на вопрос о том, «Кто был Рюрик?», исследователь делал вывод о самостоятельности российской государственности, или ее заимствованном характере.

Именно так и поняли свою задачу академики, обсуждавшие «скардную диссертацию» Миллера. Прежде всего, против нее выступил М.В. Ломоносов, подробно и резко осудивший ее недостатки в «Репорте в Канцелярию академии наук 16 сентября 1749 г.». Главное обстоятельство возмущившее Ломоносова, заключалось в том, что славяне показаны в ней «подлым народом», которых все побеждают и которые не имеют даже собственного имени, кроме данного им «чухонцами». Ломоносов полагал, что Рюрик происходил из славянского племени роксолан. На стороне Ломоносова выступили С.П. Крашенинников, Н.И. Попов, В.К. Третьяковский, И.Э. Фишер, Ф.-Г. Штрубе де Пирмонт. Обсуждение диссертации носило чрезвычайно бурный характер. Сам Ломоносов писал: «Сии собрания продолжались больше года. Каких же не было шумов, браней и почти драк! Миллер заелся со всеми профессорами, многих ругал и бесчестил словесно и письменно, на иных замахивался палкою и бил ею по столу конферентскому»¹.

Следует отметить, что Ломоносов был сердит на Миллера и за то, что последний пренебрегал своими преподавательскими обязанностями. Академик Миллер отказывался читать публичные лекции, предпочитая заниматься наукой и более доходным частным преподаванием². Ломоносов писал о нем: «Близ тридцати лет будучи профессором, ни единой не читал лекции и над чтением других смеялся»³. Поэтому, памятуя о том, что Миллер был в числе первых студентов Академического университета,

---

¹ Ломоносов М.В. Полн. собр. соч.: В 11 т. Т. 6. М.-Л., 1952. С. 549.

² См. Кулябко Е.С. М.В. Ломоносов и учебная деятельность Петербургской Академии наук. М.-Л., 1962. С. 36.

³ Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. Т. 10. М.; Л., 1957. С. 231.

следует писать о нем скорее, как о *первом студенте*, нежели *первом профессоре*.

То, что «норманнская теория» была идеологической, а не теоретической проблемой, хорошо иллюстрирует комментарий Екатерины II к сочинению Иоанна Готгильфа Стриттера (Штриттера) (1740-1801) «История Российского государства» (СПб., 1800-1802). Она отмечала в том числе:

- «1) Соблазнительно покажется всей России, аще примите толкование г. Стриттера о происхождении российского народа от Финнов;
- 2) Самое отвращение и соблазн немалое доказательство, что происхождения разные;
- 3) Хотя Россияне со Славяны разного происхождения конечно, но отвращение не находится между ими.
- 4) Г. Стриттер откуда уроженец? Конечно, он какую ни есть национальную систему имеет, к которой натягивает. Остерегайтесь от сего»¹.

Важной заслугой Стриттера было извлечение из византийских историков информации, относящейся к славянам и в особенности к России. Это было опубликовано в фундаментальном сочинении на латинском языке «*Memoriae populorum, olim ad Danubium, pontum Euxinum, paludem Moeotidem, Caucasum, mare Caspium, et inde magis ad Septentriones incolentium, e Scriptoribus historiae Byzantinae erutae et digestae a Joanne Gotthilf Strittero...*» (Т. I-IV. Petropoli. 1771-1779). Еще до опубликования этого сочинения был выпущен русский сокращенный перевод, сделанный В. Световым, «Известия византийских историков, объясняющие российскую историю древних времен и переселения народов, собраны и хронологическим порядком расположены Иваном Штриттером» (СПб., 1770-1776).

Крупным историком немецкого происхождения на российской службе был Август Людвиг Шлецер (1735-1809). Образование он получил в Виттенбергском и Геттингенском университетах. Шлецер знал около пятнадцати языков, изучал библейские древности, мечтал о поездке на Ближний Восток. Однако судьба распорядилась иначе, и Шлецера в 1761 г. приглашают работать в Россию, где он

---

¹ Стречевский А. Очерк литературы русской истории до Карамзина. С. 235-236.

провел по его собственному признанию лучшие годы своей жизни. С 1762 г. Шлецер — адъюнкт Академии наук по русской истории. Для ее изучения он использует свои филологические знания, которые пополняет, осваивая русский язык. Немецкий эрудит несколько высокомерно относится к своим русским предшественникам. С одной стороны, он привносит в российскую историческую науку приемы анализа исторических источников, разработанные на Западе, но с другой, — отказывает русским историкам в концептуальности и рассматривает их труды лишь как вспомогательный материал. Это чрезвычайно обидело самолюбивого Ломоносова, которого Шлецер ценил прежде всего как «профессора химии». Ломоносов характеризовал планы Шлецера как «бесстыдство» и «самохвальство», а на попытку немецкого ученого указать его место и роль в российской историографии написал: «Я еще жив и пишу сам».

И Шлецер, и Ломоносов были недостаточно справедливы друг к другу. Шлецером была проделана громадная работа по анализу источников (прежде всего, различных списков «Повести временных лет») и переводу их на «ученые языки», вводу их в научный оборот европейских историков. Он создал целую серию работ по русской истории на немецком языке, среди которых «Опыт исследования русских летописей» (1768 г.), «Аскольд и Дир. Русская история критически описанная» (1773 г.) и др. Именно Шлецеру принадлежала мысль о необходимости исследования славянских рукописей в Ватиканском архиве, которую впоследствии проделал его ученик А.И. Тургенев. Вместе с тем он, безусловно, несколько преувеличивал свои заслуги перед российской наукой. «Теперь знает свет, что изучение русской литературы станет достоянием не только России, но и всего ученого мира... — писал он. — До меня никому не было известно, что такое русские летописи. Сама Академия не знала, сколько имеется в ее библиотеке сводов; о их составе и классификации»¹.

Разделяя взгляды теоретиков «просвещенного абсолютизма», Шлецер считал адекватным воплощением своего политического

---

¹ Цит по: А л п а т о в М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа. С. 43.

идеала екатерининскую, а позже александровскую Россию. В своей историософской концепции он уделяет значительное место анализу исторических судеб России. В фундаментальном труде «Представления о всеобщей истории» (СПб., 1772) Шлецер полагает, что бессмысленно описывать историю всех государств и народов, следует выделить те, которые оказали существеннейшее влияние на «великие перемены мира». Выделив народы, «первенствующие» в «великом обществе мира», историк избавится от излишнего материала, мешающего ему понять целое. «Из множества известий, под которыми часто история важного народа погребена бывает, отделяет он только те, которые показывают... только действительно великие деяния, купно с их причинами... все прочее... не нужно»¹. Позже, в капитальном сочинении о Древней Руси «Нестор: Русские летописи на древле-словенском языке, сличенные, переведенные и объясненные Августом Лудовиком Шлецером» (СПб., 1809-1819. Ч.1-3) он окончательно выделяет из всех народов римлян, германцев и россиян. Исходя из этого, он намечает периодизацию всемирной истории.

До Шлецера в периодизации была принята «теория четырех монархий», рассматривавшая наиболее крупные государственные системы ассиро-вавилонскую, персидскую, греко-македонскую и римскую как своеобразную структурную основу всемирной истории. У Шлецера Древний Восток и Древняя Греция относились к предыстории. Периоды от сотворения мира до потопа и от потопа до римской истории бедны источниками и не предполагают возможность систематического научного изучения. Собственно об истории можно говорить, начиная с римлян, которые «завоевали южную треть нашей частицы вселенной и собранное ими у этрусцев, греков, египтян, карфагенян и азиатцев просвещение распространили до Рейна и Дуная, но не далее»². Это была «первая волна цивилизации». Вторая была связана с появлением германцев. «Германцы по сию сторону Рейна, а особливо франки с V столетия, еще же более со времен Карла Великого... назначены были судьбою рассеять в обширном северо-западном мире первые семена просвещения. Они

---

¹ Там же. С. 32.

² Там же. С. 33.

выполняли это предопределение, держа в одной руке франкскую военную секиру, а в другой Евангелие; и самые даже жители верхнего севера по ту сторону Балтийского моря или скандинавы, к которым никогда не заходил ни один немецкий завоеватель, с помощью германцев начали мало-помалу делаться людьми»¹.

Вне цивилизации осталась огромная территория, которую должны освоить славяне. Однако последние находились в состоянии своеобразной «спячки», пока их не «разбудили» норманны, сыгравшие в «третьей волне цивилизации» роль катализатора. Норманны сами не имели высокой культуры, культурный импульс шел из Царьграда через Древнюю Русь.

В книге «Tableau de l'histoire de Russie» (1769 г.), позже переведенной на русский язык под названием «Изображение Российской истории, сочиненное г. Шлецером», он дает следующую концептуальную периодизацию истории России. Это:

1. «Россия рождающаяся» — период от «призвания варягов» до смерти князя Владимира (862-1015);
2. «Россия разделенная» — от смерти Владимира до установления ордынского ига (1015-1216);
3. «Россия утесненная» — от установления ордынского ига до Ивана III (1216-1462);
4. «Россия победоносная» — от Ивана III до Петра I (1462-1725);
5. «Россия цветущая» — с 1725 г.

Периодизация Шлецера, описывающая этапы развития Российского государства, была чрезвычайно популярна и использовалась в отечественной историографии едва ли не до недавних пор, с тем только изменением, что точкой отсчета, с которой начиналась «Россия цветущая», был не 1725, а 1917 г.

Шлецер полагал, что возникновение в России монархии представляет собой классический пример *общественного договора*. Он считал, что освобождение рассказа Нестора от всякого рода «сочинительства» дает прозрачную картину *естественного* образования российского государства. Правда, в дальнейшем Шлецер если и не пересмотрел свою концепцию, то несколько переставил в ней ак-

---

¹ Там же.

центры. Идея естественного договора отступает на задний план перед идеей суверенитета¹.

Немецкие историки видели задачи исторического исследования в открытии нового знания и беспристрастного изложения этого открытия. По их мнению, служители Клио должны находить и излагать, но не интерпретировать факты, однако, идеологическая интерпретация исторических сюжетов была неизбежна, и поэтому они невольно попадали в гущу политических событий и были вынуждены корректировать свои выводы в соответствии с ними. Так, именно по политическим причинам Миллер отказался от мысли о норманнском происхождении Рюрика, это позволило Шлецеру заметить, что «обстоятельства... преобразили историю в политическую науку: почему и должно было часто приноравливаться к политическим, хотя и бесполезным видам»².

Зависимость истории от политики, причем как от «большой», так и от «малой», демонстрировалась не только результатами исследований, но и фактами социального бытия истории как науки, доступностью документов, изучению истории России в учебных заведениях. Характерный пример истинно «российского» отношения к источникам приводит Старчевский. Он пишет о том, что в последние годы царствования Екатерина II под влиянием А.И. Мусина-Пушкина решила сосредоточить все старинные русские летописи в Петербурге чтобы в дальнейшем издать их. Для этого она издала специальный указ, который обязывал монастыри доставить все имеющиеся у них рукописи в Святейший Синод: «Воля государыни была исполнена: изо всех монастырей России привезено было множество летописей; в архиве Святейшего Синода есть список, какие именно летописи и откуда были доставлены. Императрица хотела, чтобы граф Мусин-Пушкин занялся устройством комиссии, которая должна была приступить к самому изданию. Но мы знаем, как мало этот государственный сановник приготовлен был к этому делу; поэтому,

---

¹ См. об этом: Р о л л ь А.Л. Шлецер и его концепция Российской истории // Немцы в России: Проблемы культурного взаимодействия. СПб., 1998. С. 97-98.

² Там же. С. 46.

по восшествии на престол императора Павла, дано было повеление опять разослать летописи по тем местам, откуда они поступили. Святейший Синод приказал подрядить извозчиков для доставления летописей в Москву, куда должны были являться от всех монастырей за получением их обратно.

Все летописи уложены были в одни сани и отданы на ответственность ямщика; они находились в дороге около шести недель, в самое дождливое время (весною). В Москве оказалось, что некоторые из них были потеряны, другие сгнили, третьи повреждены, дальнейшая судьба этого процесса нам неизвестна»¹.

---

¹ Старчевский А. Очерк литературы русской истории до Карамзина. С. 231-232.

ФИЗИКА И МЕТАФИЗИКА ГРИГОРИЯ ТЕПЛОВА

Григорий Николаевич Теплов (1717-1779), как и все заметные фигуры Века Просвещения, соединял в себе качества государственного деятеля, философа, музыканта, моралиста, экономиста. Энциклопедичности интересов соответствовала и сложная «ломоносовская» судьба, если можно использовать в качестве нарицательного имя человека, не питавшего к нашему герою особенно теплых чувств. Теплов прошел путь от сына истопника до сенатора, советника Академической канцелярии, являя собой не совсем тривиальный пример, человека, обладающего одновременно властью, интеллектом и образованием¹.

Он родился 20 ноября 1717 г. в Пскове в семье истопника, работавшего в архиепископском доме, вероятно отсюда и фамилия — Теплов. По слухам был сыном Феофана Прокоповича, который

---

¹ См. Его биографию и анализ социально-политических воззрений: Daniel, Wallace L. Grigorii Teplov: A Statesman at the Court of Catherine the Great. Newtonville, 1991.

принимал самое живейшее участие в его воспитании и образовании. В середине 1720 г. Прокопович помещает Теплова в школу, которую он открыл в своем доме в Петербурге и куда принимались представители всех сословий, не имеющие родителей. Школа Прокоповича, как и все в России в то время, была единственной в своем роде. В основе образовательной концепции лежали составленные им в 1721 г. Правила для церковных школ. В этой школе изучались как традиционно церковные, так и светские предметы — богословие, русский, латынь, греческий, история, география, римские древности и искусство. Большое значение имело музыкальное воспитание. В школе не только преподавалась инструментальная музыка, но и устраивались музыкальные спектакли. Вероятно, увлечение музыкой было результатом пребывания в Италии, оставившего неизгладимое музыкальное впечатление в душе Феофана Прокоповича. Преподавательские и воспитательские должности занимали, как водилось, иностранцы. Некоторое время там работал известный историк Г.-З. Байер. Во время обучения Теплов жил в доме Прокоповича¹.

Американский исследователь В. Даниэль проводит определенные параллели между судьбой и характером Теплова и его покровителя. Он отмечает, что их обоих отличало раннее сиротство, любовь к музыке и наукам, а так же сформировавшее их судьбу высокое покровительство. Самому Прокоповичу в значительной степени помогал его дядя, ректор Киево-Могилянской Академии². Только случайность помешала Теплову сделать духовную карьеру (в данном случае, вероятно, уместнее было бы сказать, что помогла ее не делать) и пойти по стопам своего наставника.

В 1730 г. Прокопович отбирает из своих школьников десять человек для специального класса Петербургской Академии наук. Теплов был одним из студентов, посланных учиться у Христиана Гросса, профессора моральной философии в Академии. Гросс приехал в Петербург из Берлина в 1725 г. по рекомендации Христиана Вольфа. Именно у Гросса Теплов получил подготовку как в натуральных науках, так и в вольфианской философии. Он преуспел в этом на-

---

¹ D a n i e l. Op. cit. P. 1-3.

² Ibid.

столько, что в 1733 был послан в Пруссию для завершения образования. За три года учебы там Теплов улучшил свои знания в латыни, немецком, французском и естественных науках. Он вернулся на родину в 1736. В том же году умер его благодетель Феофан Прокопович.

После своего возвращения Теплов служит переводчиком в отделе ботаники Академии наук. В 1738 г. он и еще два «наиболее способных» выпускника школы Прокоповича были сделаны инструкторами в Александро-Невской семинарии¹. Вместе с тем, он продолжает свое образование в Академическом университете Петербургской Академии наук. В Петербургском филиале Архива Российской Академии наук хранится его студенческое сочинение по естественным наукам, относящиеся к 1741 году².

В. Даниэль отмечает, что Теплов обладал всеми необходимыми качествами для карьеры — умом, дисциплиной и ущемленным самолюбием. Он пишет: «What appeared then and continued to assert itself in Teplov's life were certain qualities which, in combination, would play a pivotal role in shaping his career. One quality was his inner discipline and drive to excel, which his academic success, even from his first years as a student, fully demonstrated. He had an inquiring mind, which could grasp a problem quickly in all its part and in its whole. He loved nothing more than to take a difficult issue, to explore its various components, and to come up with a fresh and particular solution. Another was his tenacious effort to broaden his intellect, an effort stimulated in part by his early acquaintance with Western Europe and its critical methods of inquiry. His fascination with exploring other lands and cultures, his enthusiasm for travel, and especially his notion of going by sea to distant lands emerged as a strong theme in his student years. A third quality was his considerable ambition to overcome the hardship of his obscure birth. He gained very early an awareness that his intellectual abilities provided him with the best — and perhaps the only — method of achieving posi-

---

¹ Ibid. P. 4.

² Tentamen discriptionis et delineationis Ballotes cujusdam speciei perrarae, Cum iconibus quarundam plantarum speciminis loco profectuum suorum un re herbatia iluustri. Academiae scient. traditium a Georgio Teplov. Petropoli. Anno 1741. ПФА РАН. Разряд 1. Оп. 1.

tions of power and influence. He looked outward, rather than inward, for the ultimate measures of his self-worth and the chief sources of his identity»¹.

Однако к этому же времени относится и чрезвычайно неприятное событие в жизни Теплова, могшее стоить ему карьеры, а может быть даже и жизни. Это знакомство с А.П. Волынским (1689-1740), идеи которого по реформированию политической и экономической политики России представляли если не прямую опасность, то определенное неудобство для аннинского режима.

Волынский предлагал сократить армию, но усилить ее боеспособность, например за счет развития артиллерии, а так же за счет разумного рассредоточения ее вдоль границ. Волынский полагал, что государство должно сосредоточить свое внимание на внутренних, прежде всего экономических проблемах. Волынский со своими конфидентами так же достаточно открыто обсуждал и критиковал существующий режим и личные недостатки Анны.

---

¹ D a n i e l. Op. cit. P. 4. («То, что происходило с ним потом подтвердило, что Теплов обладал определенными качествами, сочетание которых могло сыграть ведущую роль в формировании его карьеры. Одним из них была его внутренняя дисциплина и стремление к совершенству, что демонстрируют его академические успехи, особенно в первые годы студенчества. Он обладал острым умом, быстро схватывающим проблему как целиком, так и во всех ее деталях. Он ничего более не любил, как взять трудную задачу, изучить ее со всех сторон и предложить свежее и практическое решение. Другим качеством были упорные усилия, с которыми он расширял свои познания, усилия отчасти спровоцированные его ранним знакомством с Западной Европой и свойственным ей критическим методом познания. Его увлечение исследованием других стран и культур, стремление к путешествиям и особенно его замечание о посещении дальних стран присутствует как постоянная тема его размышлений в студенческие годы. Третьим качеством было неукротимое стремление преодолеть трудности, связанные с его темным происхождением. Очень рано он приобрел сознание что его интеллектуальные способности предоставляют ему лучший, а возможно и единственный способ для достижения власти и влияния. Он более ориентировался на внешние обстоятельства, нежели на внутренние что служило для него критерием самооценки и главным источником формирования его личности».)

Теплов был знаком с проектами Воынского, который обычно читал их в небольшой компании единомышленников. Он переводил предложения Воынского на немецкий для того, чтобы познакомить с ними двор¹.

Известно, что поводом преследования Теплова было то, что он по просьбе А.П. Воынского нарисовал родословное древо последнего и, как и было велено, начал ее от Дмитрия Воынца. Позже, обвинения Воынского в том, что он пытается связать свою родословную с домом Романовых, коснулось и Теплова². Молодому человеку с трудом удалось доказать свою невинность.

Во время бурных событий 1740-41 гг., приведших на трон Елизавету Петровну, Теплов сконцентрировал свои усилия на работе в Академии Наук. В 1742 г. он был назначен адъюнктом натуральной истории, год спустя то же назначение получил М.В. Ломоносов. 1742 г. в объявлении о публичных лекциях Академии наук значилось «Григорий Теплов, адъюнкт Академии, философию практическую Волфу, порядком Тиммиговым толковать публично будет»³. Казалось бы, карьера молодого, талантливого и честолюбивого человека приобрела определенные формы. Но судьба его снова изменила свое русло, хотя, впрочем, и продолжала свое течение в том же направлении.

В 1743 г. адъюнкт Г.Н. Теплов был отправлен в Тюбинген и Париж для «усовершенствования в науках»⁴. Именным указом ему было велено «для дальнейшего и совершенного обучения и усмотрения в чужестранных академиях наилучших порядков и учреждений отправится в Вюртембергское королевство в город Тубинг, а оттуда в Париж, дабы возвратясь после четырех или пяти лет, достойным профессором быть»⁵. В «чужие края» Теплов поехал не

---

¹ Op. cit. P. 6.

² См. Ст а р ч е в с к и й А. Очерк литературы русской истории до Карамзина. СПб., 1845.

³ ПФА РАН. Ф. 21. Оп. 7. Ед. хр. 52.

⁴ ПФА РАН. Ф. 3. Кн. 75. Л. 42-52

⁵ Цит. по: Т е п л о в Г.А. / Русский биографический словарь. Суворова-Ткачев. СПб., 1912. С. 471.

просто как «стажер», но в качестве воспитателя младшего брата всесильного фаворита графа А.Г. Разумовского Кирилла Григорьевича. Непосредственной обязанностью Теплова было сопровождать пятнадцатилетнего брата фаворита в его путешествии в Западную Европу. Таким образом, в 1743 г. Теплов покидает Россию во второй раз и едет со своим молодым патроном в университеты Тюбингена и Парижа. Путешествие продолжалось три года и за это время Теплов сумел стать необходимым для Разумовского. Иного пути, кроме как «стать необходимым» и «быть при» у Теплова и не было. Плебейское происхождение делало для него невозможным обычную карьеру даже в «республике ученых», ибо в России она имела характер «империи знаний». Интеллектуальная культура носила дворянский, а следовательно, элитарный характер. Социальные структуры, производившие и распространявшие знание, способ получения образования, включавший длительную заграничную поездку, учителей, живущих в доме, покупку дорогих книг, система коммуникации «просвещенных» предполагали «дворянский образ жизни». Ученый облачался в пудренный парик и расшитый кафтан не из-за непомерных социальных амбиций, а из необходимости быть принятым в качестве «своего» в том илюминантном сообществе которое организовывало и потребляло просвещение в России, быть услышанным им и адекватно понятым.

После возвращения из-за границы 18-летний Кирилл Григорьевич Разумовский был сделан президентом Академии наук. Несмотря на высокий пост он не имел в Академии большого влияния. Реальная власть принадлежала его наставнику Теплову, получившему звание асессора в 1746 г. В. Даниэль полагал, что это назначение было результатом политики русификации Академии¹. Мне же представляется, что оно явилось одним из этапов бюрократической и административной борьбы, которая приобрела «национальные» формы не как планомерная политика «русификации» научной жизни, сколько как внешняя форма выражения административно-бюрократических оппозиций. Вообще, для XVIII века характерна ориентация не столько на «русские», сколько на «российские» кадры,

---

¹ D a n i e l. Op. cit. P. 9.

среди которых могли быть представители различных национальностей, связавших свою судьбу с Россией. Для государственно-этнологической ментальности, проявляющейся через дворянский этос, не существовало национальности «по крови». Принципиально открытый и интернациональный характер дворянства, прежде всего родовитого, ведущего свое происхождение «от Рюрика», «от Гедеминаса» и от татарских князей, с почтением и гордостью носящего иностранные титулы графов и баронов, заключающего межнациональные браки, породил особый тип сознания, которое идентифицировало себя не как «русское», а как «российское». В этом смысле, национально о(т)граничивающее «русское» является определенной оппозицией принципиально открытому «российскому», включающее в себя «русское» как существенное, но отнюдь не единственное свое проявление. Дворянский этос носил сословно-культурный характер и национальные черты служили, скорее, выражением индивидуально-личных особенностей, как цвет глаз или волос. В силу известных социально-исторических событий дворянство перестало ощущать фольклорно-этнографические традиции как основу национального самосознания и питалось более глубокими сословно-патриотическими эмоциями. Это же настроение было господствующим в образованном обществе. Поэтому, например, М.В. Ломоносов мог не любить Миллера или Шумахера как «немцев», но когда речь шла о его учителе Хр. Вольфе или его собственной жене, которая была немкой, их национальность не имела значения.

Значение Теплова стремительно росло, и он стал в академической канцелярии второй фигурой после Шумахера. Он служил главным связующим звеном между Академией наук и различными правительственными институтами.

В 1746 г. подопечный Теплова был назначен президентом Академии наук, а Теплов — его помощником, что дало ему «безграничную», как писали современники и позднейшие исследователи, власть в Академии. В 1748 г. Разумовский назначил Теплова главой новообразованного исторического департамента. В результате, Теплов нажил себе множество врагов, которые могли его обвинить в том, что он узурпировал власть.

Как академический администратор Теплов не оставил после себя доброй памяти. Практически во всех биографиях отмечается его «деспотизм», «безнравственность», «партийность», «пристрастность» и т. д. В книге Даниэля говорится, что его отрицательно характеризуют так же и иностранцы, например, английский посол лорд Букингем и французский дворянин Сабатье де Кабре (Sabathier de Cabres)¹.

Положительную характеристику Теплову дает лишь Д.И. Фонвизин. Он рассказывает, как Теплов помог ему в минуту душевных колебаний, в то время, когда он был под сильным впечатлением от беседы с графом ***, известным безбожником и вольтерьянцем. «Рассуждения его были софистическими и безумие явное, но со всем тем поколебали душу мою»², — писал Фонвизин. Вооружившись Библией (характерно, что кроме «русской Библии», Фонвизину понадобились экземпляры на французском и немецком языках «для удобнейшего понимания») и здравым смыслом автор «Бригадира» и «Недоросля» решил размышлять о Боге и «всякую досужную минуту посвятить испытанию о вышнем существе»³. В это время писатель находился в Царском Селе, сады которого и стали ареной его перипатетического богословствования. Там же он встретил Григория Теплова, который поддержал его и порекомендовал прочитать сочинение английского философа Самуэля Кларка «Proofs of the Existence and Attributes of God»⁴. Теплов с сожалением отмечает, что в России для распространения скептического взгляда на религию талант Вольтера даже излишен и приводит характерный пример, который описан в воспоминаниях Фонвизина довольно подробно. «На днях случилось мне быть у одного приятеля, где видел я двух гвардии унтер-офицеров, — рассказывает Теплов. — Они имели между собой большое прение: один утверждал, другой отрицал бытие Божие. Отрицающий кричал: “Нечего пустяки молоть; а Бога нет!”. Я вступился и спросил его: “Да кто тебе сказыв-

---

¹ Ibid. P. 131.

² Ф о н в и з и н Д.И. Собрание сочинений. Т. 2, М.-Л., 1959. С. 100.

³ Там же. С. 101.

⁴ Там же. С. 103.

вал, что Бога нет?” — “Петр Петрович Чебышев вчера на Гостином дворе”, отвечал он. “Нашел и место!” — сказал я¹. Этим сюжет, рассказанный Фонвизиным, отнюдь не завершился. Когда он выписал книгу Кларка и прочитал ее, то решил перевести на русский язык. С этим предложением он пошел к Теплому. Тот похвалил намерение, но указал на печальный опыт Н. Поповского и судьбу его перевода «Опыта о человеке» А. Попа, которая подверглась критике и значительной редакции со стороны Святейшего Синода. Поэтому он полагает, что Фонвизину лучше сделать не перевод, а более свободное изложение идей Кларка, «выписку», чтобы можно было менять ее содержание. Фонвизин приводит их разговор по поводу этого перевода: «“но неужели, — спросил я, — Синод делать будет мне нарочно затруднения в намерении толь невинном?” — “Да разве не знаете вы, кто в Синоде обер-прокурор?” — “Не знаю”, — отвечал я. “Так знайте ж — Петр Петрович Чебышев”, — сказал Григорий Николаевич»².

В академической расстановке исторических фигур на шахматной доске Теплов играл роль своеобразного «черного ферзя». Даже такой авторитетный исследователь, как П.П. Пекарский, отмечал, что Теплов не написал «в свою жизнь ни одной ученой статьи»³, что не соответствует истине. Однако не следует забывать, что цвет шахматных фигур является весьма условным и решается жребием. Настойчивость негативной оценка Теплова и постоянное противопоставление ему в качестве «белых фигур» Миллера, Ломоносова, Тредяковского вызывает некоторую настороженность. Не может ли быть такого, что эта фигура намеренно затемнялась исследователями, лепившими «светлые образы» национальных героев? Не связана ли эта оценка с социальной ролью Теплова как крупного администратора в академической системе и традиционного российского негативного отношения к любой администрации? Действительно, место «чиновника среди ученых» не очень выигрышно и обрекает

---

¹ Там же. С. 103.

² Там же. С. 105.

³ П е к а р с к и й П.П. История Императорской Академии наук в Петербурге. Т. 2. СПб., 1873. С. XVI.

персонажа, занимающего это положение, на роль «пятого колеса» в хорошо отлаженной телеге российской академической системы, триумфально продвигающейся по традиционному бездорожью. Образ Теплова — невежественного бюрократа плохо вписывается даже в контекст традиционных биографий. Добросовестно приведенный список его научных работ, куда входят сочинения по философии, музыке, медицине, экономике, ветеринарии показывает, что он был не только администратором, принимавшим «политические» решения, но и таким же энциклопедически образованным, талантливым и творческим человеком, как и прославленные академики. «Познания и занятия Теплова были весьма разнородны, — пишет М.Н. Лонгинов. — Он много занимался, например, музыкой, а также домоводством, строительством, садоводством и лесным хозяйством в превосходном и большом имении своем селе Молдовом, Орловской губернии, Карачаевского уезда, где цел донныне огромный каменный дом с обширными службами, садом, превосходными фамильными портретами, старинной утварью, большим архивом и библиотекою, достойною просвещенного человека той эпохи»¹. Он был почетным членом Императорской Академии наук и академии художеств, почетным членом Мадридской академии, действительным членом Вольного экономического общества и даже некоторое время преподавал наследнику Павлу Петровичу «политические науки».

Теплов серьезно задумывался о реорганизации системы высшего образования, которую он знал хорошо, как никто другой. В неосуществленном «Проекте к учреждению университета Батуринского...», который был направлен на создание в резиденции его патрона на Украине института, могущего придать ей столичный лоск, говорится: «Его Сиятельство, Ясневельможный и Высокоповелительный Малороссийский Гетман, граф Кирила Григорьевич Разумовский... твердое и богоугодное положил намерение, с Божьею помощию и Высочайшим соизволением Ея Императорского Величества... на предбудущие века и на память имени своему, в городе Батурине под своею собственною протекцией основать, учредить и утвердить неподвижно Университет, со всеми его упражнениями и

---

¹ Лонгинов М.Н. Г.Н. Теплов // Русская старина. 1870. Т. II. С. 195.

преимуществами, которые в самодержавном государстве оному приличны. И понеже в нем определяются такие науки, которых доселе в Малой России еще не было преподаваемо, как то: гуманиора вся, то есть, чистота латинского языка, древности, философия новая, юриспруденция, история, география, так же высокие науки, физика теоретическая и экспериментальная, все части математики, геодезия, астрономия, анатомия, химия и ботаника»¹. Теплов полагал, что Батуринский университет должен обладать всеми традиционными университетскими привилегиями, кроме того, студентам, чтобы подчеркнуть их принадлежность к элитарной «республике ученых», «дозволить, хотя бы он и не шляхетский сын был, для одобрения носить шпагу или саблю»². Наличие на Украине большого числа церковных школ, по мнению Теплова, могло бы решить проблему подготовленности студентов к обучению в университете, реально стоявшую перед университетами как в «резиденции», так и в «столице», и дало бы Батуринскому университету преимущества перед петербургским и московским. Обучение должно было быть бесплатным. Оплачивались лишь дополнительные занятия в *Collegia privata* и *Collegia privatissima*. В новосозданном университете должны были изучаться следующие предметы: «Латинское красноречие с толкованием классических авторов», «Логика, метафизика и философия практическая», «Правы натуральные и юриспруденция», «Древности и история литеральная и политическая. Генеалогия и геральдика», «Физика теоретическая и практическая», «Физика экспериментальная и математика со всеми ее частями», «История натуральная», а так же анатомия, химия и ботаника. Теплов планировал университет основательно, поэтому не были забыты типография, словолитня, книжная лавка, переплетная мастерская, оранжерея, лаборатория, больница, анатомический театр, а так же карцер, гауптвахта, портомойня, «мельня, а при ней банщик»³.

---

¹ Теплов Г.Н. Проект к учреждению университета Батуринского... Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. 1863. Кн. 2. М., 1863. Отдел «Смесь». С. 68.

² Там же. С. 74.

³ Там же. С. 84-85.

Многообразные таланты Теплова были замечены «сильными мира». Он оказался чрезвычайно важной фигурой во время государственного переворота и воцарения Екатерины II. Теплов составил самые главные документы — манифест о восшествии на престол Екатерины II, текст присяги и текст отречения Петра III. «...Все важнейшие акты, изданные в первые дни царствования Екатерины II, принадлежат перу Теплова: в самый день переворота он составил — и, пожалуй, он один только и мог составить в течение какого-нибудь получаса — манифест о восшествии и формулу присяги, и ему же принадлежит составление текста отречения Петра от престола, — акты, в которых каждое слово должно быть обдуманно и взвешено. И если в них оказались недочеты и неясности, то нужно удивляться не этому, а тому, что они достаточно удовлетворительны, ибо их Теплову приходилось писать чуть ли не стоя, составляя наспех, почти экспромтом»¹. Вместе с А.Г. Орловым он находился в Ропшинском дворце 6 июля 1762 г. в тот час, когда умер Петр III.

Даниэль довольно подробно комментирует *Сoup d'état* 1762 года. За верную службу во время переворота Теплов получил 20 тыс. рублей от Екатерины II. В июле 1762 г. он был сделан ее персональным секретарем и сохранял эту должность в течении последующих шести лет. Главной его функцией было получение петиций на имя императрицы, что сделало его центральной фигурой в ее правительстве².

Теплов получал много наград от Екатерины, в июле 1768 он был представлен ею в Сенат, получил земельное владение в районе Выборга, ордена, а в октябре 1776 — и долгожданное дворянство³.

Интересно, что у Теплова служил секретарем Ф.В. Ушаков, которого Екатерина II называла его «вскормленником»⁴. Это был тот самый Федор Ушаков, который учился в Лейпциге вместе с А.Н. Радищевым и удостоился чести быть героем философского «жития». Радищев отмечает, что именно «успехи Федора Василье-

---

¹ Теплов Г. А. / Русский биографический словарь. С. 473.

² D a n i e l. Op. cit. P. 22-25.

³ Op. cit. P. 134.

⁴ Л о н г и н о в М.Н. Г.Н. Теплов. С. 195.

вича в науках побудили тогда тайного советника Теплова взять его к себе в должность секретаря, с чином титулярного советника»¹.

Таким образом, пестрая биография Теплова как общественного деятеля оставила заметный след в истории XVIII столетия, однако Теплов как деятель культуры, Теплов-ученый, а тем более Теплов-философ, остался невыявленным, невостребованным, неоцененным. Вместе с тем, его сочинение «Знания, касающиеся вообще до философии для пользы тех, которые о сей материи чужестранных книг читать не могут» (СПб.: [Печ. при Имп. Академии наук], 1751) начинается собой не только вторую половину века, но и новую эпоху в российском философствовании, отмеченную более трактатно ориентированным типом сочинений, обращением к специфической философской терминологии, стремлением к системности и аналитичности, словом, тому, что составляло неотъемлемые признаки классического метафизического текста.

В 1750 г. книгу Теплова рекомендовал к напечатанию М.В. Ломоносов. Он писал в рапорте Канцелярии Академии наук: «...Философские учения в ней предлагаются понятным образом для всякого и весьма полезна будет российским читателям, которые, не зная иностранных языков, хотя и имеют понятие или знание о философии вообще, во всех ее частях, и для того за благо рассуждаю, чтобы она была напечатана»².

Серьезное увлечение Теплова философией Хр. Вольфа, спровоцированное его петербургскими учителями, началось, когда он был за границей, причем не только в Германии, но и во Франции. В 1739 г. в Париже, незадолго до приезда туда Теплова была переведена с латинского на французский статья Вольфа «Le philosophe roi et le roi philosophe». В ней специально рассматривался вопрос о влиянии философов на монарха. Вольф считал, что монарх должен использовать философский метод для того, чтобы понять социальный порядок и установить прочные связи между разрозненными частями общества. Философия выражает способы, которыми раз-

---

¹ Р а д и щ е в А.Н. Житие Федора Васильевича Ушакова // Избранные философские и общественно-политические произведения. М., 1952. С. 221.

² Л о м о н о с о в М.В. Полн. собр. соч. Т. 9. М.-Л., 1955. С. 631.

личные люди или социальные группы относятся к материальному миру и взаимодействуют друг с другом. Философский метод — причем для Вольфа, он такой же, как и в естественных науках, — должен помочь суверену быть более последовательным, его политике — более продуманной¹.

Идеи Теплова о службе обществу нашли выражение в сочинениях «Рассуждение о качествах стихотворца» (Ежемесячные сочинения. Май, 1755) и «Рассуждение о начале стихотворства» (Ежемесячные сочинения. Июль, 1755²). В журнале они были напечатаны анонимно, что послужило причиной того, что много лет они атрибутировались неверно³. А.А. Штамбок, доказавший, что оба сочинения принадлежат Теплову, полагал, что и те и другие «Рассуждения» являются частью одного трактата⁴.

В статьях о стихотворстве и стихотворцах Теплов пытался понять причины возникновения искусства, его цели и задачи. Он утверждает, что существуют две причины, способствовавшие развитию искусства в человеческой истории: стремление к созданию прекрасного и стремление к наслаждению. Эти стремления присущи природе человека и находят свое выражение в пении и рисовании. Таким образом, в этих двух формах человек пытается воспроизвести прекрасное и выразить глубоко спрятанные эмоции⁵.

Теплов обсуждает художественное творчество и социальные функции искусства. Он считает, что литература и живопись имеют общественное и воспитательное значение. Теплов полагает, что поэт должен быть знакомым с натуральными науками, чтобы лучше понять как устроен мир, и обогатить поэзию этим знанием. Кроме того, стихотворец должен быть искусен в философии и в опреде-

---

¹ D a n i e l. Grigorii Teplov... P. 15-16.

² См. также: История эстетики: памятники мировой эстетической мысли. Т. 2, М., 1964.

³ См. Ш т а м б о к А.А. Об авторстве рассуждения «О качествах стихотворца» (К вопросу о двух направлениях в русской эстетике классицизма) // Русская литература, 1961, № 1. С. 173.

⁴ Там же.

⁵ D a n i e l. Op. cit. P. 17.

ленном смысле популяризировать философское знание. Оно довольно часто было содержанием поэзии, поэтому «стихотворцы всегда за премудрых и ученых людей в философии почитались, как в самой древности, так и в новых веках»¹.

И наука, и искусство имеют одни и те же цели. Работа художника, чье вдохновение идет от сердца, этим ограничена. Философское понимание и художественное воображение, разум и чувство поддерживают друг друга. Они исходят из разных источников, но обладают креативной функцией и, взятые вместе, способны возвыситься до высшего уровня понимания². «Все науки и искусства начало свое восприяли нечувствительно и непременно в роде человеческом, но приращение их более знатными и полезными учинило. Науки и искусства между собою отделяются тем, что первые обращаются к пользе, а последние иногда к пользе, а иногда к единому увеселению или изощрению нашего разума, который после всегда служит руководством к познанию других вещей»³.

Даниэль отмечает, что рассуждения Теплова о взаимодействии искусства и науки были важны для него, потому что сам он так же пытался объединить этих муз. В письме, написанном 1765 г. в Совет Академии художеств в связи с избранием его почетным членом⁴ он пишет о том, что искусство не в меньшей степени, чем наука, важно для освоения мира.

В середине 50-х гг. он начал работать над собранием песен. Музыка занимала значительное место в жизни Теплова, и он не раз замечал, что это одно из его самых больших удовольствий. Он играл на скрипке и клавикордах. В начале 50-х гг. во время службы у Ра-

---

¹ [Т е п л о в Г.Н.] О качествах стихотворца рассуждение // Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие. Май, 1755. С. 376.

² D a n i e l. Op. cit. P. 17-18.

³ [Т е п л о в Г.Н.] О начале стихотворства // Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие. Июнь, 1755. С. 3-4.

⁴ См. Ш т а м б о к А.А. Об авторстве рассуждения «О качествах стихотворца». Приложение.

зумовского он организует оркестр при Глуховском дворе¹. В 1759 г. Теплов публикует сборник песен на свою музыку².

Особое место в творчестве Теплова занимают его экономические воззрения. Эта часть его научных взглядов довольно подробно рассмотрена в уже упомянутой книге Даниэля, проанализировавшего ряд неопубликованных работ Теплова³. Кроме того, как и многие его современники, Теплов не только теоретизировал по поводу того, как следует вести хозяйство, но и разработал ряд конкретных рекомендаций для этого. В книге «Птичий двор, или подробные наставления о содержании всякого рода домашних птиц, предохранения и лечения их от всяких случающихся у них болезней; а притом так же достаточные сведения о разведении, воспитании, выкармливании и обучении кенареек», он пишет «о корме птиц», «что должно делать, чтобы курицы хорошо неслись», «о высиживании цыплят», «о несении индейскими курицами яиц и о сидении на них», «как откармливать гусей», приводит чертежи устройства птичьих дворов и т. д. В предисловии он пишет: «Домостроительство вообще есть наука, а потому и дело такое, от которого польза происходит для всего общества»⁴, поэтому он считает долгом внести и свой вклад в дело общественного благосостояния и процветания.

---

¹ D a n i e l. Op. cit. P. 19.

² [Т е п л о в Г.Н.] Между делом безделье или Собрание разных песен с приложенными томами на три голоса. Музыка Г.Т. (СПб., б. г.)

³ В архиве ЦГАДА хранятся статьи Т е п л о в а «Поправление о коммерции», «Примечания о поправлении коммерции русской», «О коммерции» (Ф. 397б оп. 1, № 32), «О российской торговле», (разряд 196 № 286, 11). См. D a n i e l. Op. cit. Сюда же можно отнести сочинение Г. Т е п л о в а О непорядках, которые происходят от злоупотребления прав и обыкновенных, грамотеями подтвержденных Малороссии // Записки о Южной Руси. Т. 2. СПб, 1857.

⁴ Т е п л о в Г.Н. Птичий двор, или подробные наставления о содержании всякого рода домашних птиц, предохранения и лечения их от всяких случающихся у них болезней; а притом так же достаточные сведения о разведении, воспитании, выкармливании и обучении кенареек. Во граде Святого Петра, 1792. С. III.

В своих философских работах и, прежде всего, в книге «Знания, касающиеся вообще до философии для пользы тех, которые о сей материи чужестранных книг читать не могут» Теплов использует и развивает идеи Вольфа, его воззрения на принципы построения философской системы и разделения различных сфер знания на обособленные области с целью их лучшего познания.

Теплов полагает, что философия дает общее представление о мире, изучение ее необходимо для того, чтобы предохранить свой разум от возможных заблуждений. Изучение философии «человека делает Богу угодным, Монарху своему верным и услужным, а ближнему в сообщество надобным»¹. Он пишет не учебник, но популярную книгу по философии, дающую не только общие представления об этой науке, но помогающую сформировать мировоззренческие установки. «Мог я перевести какую ни есть Философскую систему лучшего автора, — пишет Теплов, — но мне показалось дело невозможное, чтоб все методы, сколько я их знаю, на латинском и французском языке изданные в свете, могли служить к моему особенному намерению, которое я предпринял. Словом сказать, мой не тот конец, чтоб сия книга сочинена была для школы, по которой молодым людям учиться: но для тех, которые общее познание хотят иметь о науке философской, хотя притом никаких наук не учились и учиться не намерены»². Теплов старается не злоупотреблять профессиональным жаргоном, оговаривая употребление даже тех немногих понятий, без которых невозможно обойтись, таких как: *тождество*, *правдоподобие*, *бытность*, *идея*, *предупреждение*, *предрассуждение* и проч.

Теплов отказывается от принятой в первой половине XVIII в. традиции переводить философские термины буквально, используя «кальки» («номиналисты» — «словесники», «реалисты» — «вещественники», «умозаключение» — «винословие», «философия» — «лю-

---

¹ Теплов Г.Н. Знания, касающиеся вообще до философии для пользы тех, которые о сей материи чужестранных книг читать не могут // Философский век, № 3. «Христиан Вольф и русское вольфианство». СПб., 1998. С. 212.

² Там же. С. 218-219.

бомудрие», «логика» — «словесница», «физика» — «естественница», «метафизика» — «преестественница» и т. д.), он отмечает, что некоторые понятия западноевропейской философии не имеют в русском языке соответствующих эквивалентов («метафизика», «пневматология»), а некоторые употребляются в различных смыслах, например, философском и обыденном («бытие», «материя», «вещество», и т. д.). Он полагает, что существует определенная терминология, основанная на международном «ученом языке», без которой невозможно построить научный текст. В качестве примера он приводит Цицерона и Христиана Вольфа, пополнивших философский вокабулярий специальной терминологией. Поэтому его сочинение предваряет «Объявление слов, которые в философской материи по необходимости приняты в том разуме, как приложенные к тому латинские и французские разумеются»¹.

¹ Там же. С. 207-208. Теплов приводит следующую таблицу:

	По лат	По фр.
Бытие	Ens	Etre
Бытность	Existentia	Existence
Вещество	Substantia	Substance
Вид или образ	Modus	le Mode
Вина	Causa	la Cause
Винословие	Ratiocinium sive Argumentatio	Raisonnement qui comprend la raison et la Conclusion
Взаимность	Relatio	Relation
Воображение	Perceptio	Perception
Вековое	Perpetuum siue aeternum à parte post.	Perpetuelle où éternelle à parte post.
Единство вещи	Unitas rei	Unité des choses
Заключение	Conclusio	Conclusion
Лишение	Priuatio	Priuation
Материя	Materia	Matière
Ничто	Non ens	Non être
Пребывание вещей	Duratio rerum	La durée les choses
Правдоподобие	Verosimilitas	Vraisemblance
Предвечие или безначальность	Aeternum à parte	Eternelle à parte
Предлог	Objectum	Objet
Предупреждение	Praejudicium	Praejudice
Продолжение времени	Duratio temporis	la durèe du Temps
Произведение	Effectus	Effet

Вместе с тем, там где речь качается поэтического выражения, необходимо в большей степени ориентироваться на национальную традицию. «Рассуди, что все народы в употреблении пера и в изъявлении мыслей много между собою разнствуют, — пишет он. — И для того береги свойства собственного своего языка. То, что любим в стиле латинском, французском или немецком, смеху достойно иногда бывает в русском. Не вовсе себя порабощай, однако ж употреблению, ежели в народе слово испорчено, то старайся оное исправить. не будь притом и дерзостен сочинитель новых. Хотя и свой собственный составишь стиль, однако ж был бы он чист в правописании и этимологически плодоносен в изобретении слов и речей приличных, исправен в точности их разума, в ясном мыслей изъяснении, в непринужденной краткости, в удалении от пустого велеречия...»¹

Теплов не случайно уделяет такое внимание проблеме языка. Он полагает, что причины многих заблуждений и непонимания происходят от его нестрогости, оттого, что содержание и смыслы понятий не являются строго установленными и однозначными. Теплов говорит о своих планах написать сочинение по логике, в которой можно было бы обсудить эти проблемы. «В одной я показать намерен, — пишет он, — как всякое в словах непостоянство и темность или сумнительный разум происходит от того только, что о том, о чем речь наша, имеем темное и конфузное понятие, и что понятиям между собою больше или меньше разнствующим одно имя часто случается давать. К сему я причитаю все риторические фигуры, метафоры, аллегории, в которых, ежели прилежно станем разбирать, то безмерное множество найдем противоречия»².

Понятие	Notio sive Idea	Idée
Последствие	Successio	Sucession
Свойство	Proprietas	Propriété
Случайное	Accidens sive contingens	Accidens où Contingent
Существо	Essentia	Essence
Тождество	Identitas	Identité

¹ [Т е п л о в Г.Н.] О качествах стихотворца рассуждение. С. 384-385.

² Т е п л о в Г.Н. Знания, касающиеся вообще до философии... С. 233.

Теплов предваряет свое рассуждение выяснением строгого смысла понятия «философия» и отделяя его от обыденных коннотаций. **Философия** разделяется на **теоретическую** и **практическую**. К **практической** относится **этика** и **политика**, которые показывают «должность к Богу, монарху и ближнему, обязательство самому к себе, к дому своему и проч.»¹ К **теоретической** философии относятся **физика** (понимаемая как естествознание или даже натурфилософия), логика и метафизика, которая, в свою очередь включает в себя **естественную теологию** (учение о Боге), **пневматологию** (учение о душе и духах), **онтологию** (учение о бытии).

Таким образом, объектом философского исследования может быть любое явление, принадлежащее к объективной или субъективной реальности, материальное или идеальное, реально существующее или гипотетическое. Если конечная цель — выявление причины, будь это действие закона природы или способ соединения души с телом, — это рассуждение философское, если нет, то пусть даже речь идет о философских системах (классификация их, изложение содержания и т. д.), рассуждение такого рода философским назвать нельзя. Рассуждая о различных видах познания, Теплов прекрасно понимает, что далеко не все из них могут принести немедленный эффект или «видимую пользу». Одно, например, магнитные опыты, исследование электричества «которое по сие время от всех ученых людей для одной только забавы показывается»², может быть полезно в будущем, другое развивается параллельно с бесполезным знанием, как химия и алхимия, третье может принести известность и славу, а лучше приобретать их научными открытиями, чем каким-либо иным способом.

Теплов задается мыслью о том, «в чем состоит должность прямого философа который бы сим именем назваться мог по достоинству»³. Он полагает, что тот, «кто одни только изъяснения к вещам сыскивает, или умеет правило какое в науке сочинить, тот и по мо-

---

¹ Там же. С. 212.

² Там же. С. 214.

³ Там же. С. 225.

ему мнению в философии дале ничего не изобретает»¹. Теплов пишет о том, что всякий, лишь только начинающий изучение философии, уже пытается присвоить себе звание «философа». Вероятно, эмоциональное отношение к тому, что в «и по сие время в Академиях... не одни те, которые обучают философии, но и те, которые лишь только почали учиться, называются философами»², связано с какой-то тайной (а может быть и явной) обидой. Дело в том, что Теплов, несмотря на образования, полученное в Европе, очевидные способности как к языкам, никогда не занимался преподаванием, занимая в Академии наук и в Академическом университете важные, но не ключевые административные должности. Безусловно, он был в числе первых, но не «самых» первых, а кроме того, не самых авторитетных фигур, уступая и здесь, например М.В. Ломоносову. В своей книге он сознательно подчеркивает, даже утрирует своеобразный «дилетантизм», замечая: «Все мое предприятие в том только особливую новость имеет, что я сколько возможно о философии не философскими словами буду говорить и предлагать оную таким порядком, чтобы не трудно было всякому разбирать, хотя бы кто и предводителя в том не имел»³.

Философию Теплов понимает прежде всего как метод исследования, позволяющий установить причины того или иного явления. О **философском** познании можно говорить, «когда мы о всем обстоятельно изведавши и имеючи понятия между собой отделенные о вещи или действии каком скажем, для чего оно подлинно так, а не инако сделалось, т. е. причину оногo»⁴. Вслед за Вольфом он выделяет помимо **философского** познания **историческое**, или «голое известие о бытности»⁵, и математическое, позволяющее «знать причины количество и силу»⁶.

---

¹ Там же.

² Там же. С. 227.

³ Там же. С. 226.

⁴ Там же. С. 226.

⁵ Там же. С. 228.

⁶ Там же. С. 221.

«Изъясняя мнения и мысли» своего учителя Хр. Вольфа, «славного философских частей учителя нынешнего века», в частности, обращаясь к его «Логике» или «Philosophia Rationalis», Теплов достаточно тщательно анализирует возможные способы познания. «Тройственность» познания, или возможность трех когнитивных установок во взгляде на исследуемый объект определена, разумеется, не самим этим объектом, но заключается в возможностях разума. Таким образом, «об одной вещи три человека трояко знать могут, один будет знать по исторически, другой по философски, а третий по математически»¹.

Историческое познание представляет собой знание факта. Оно очевидно, наглядно, демонстративно, а потому общедоступно. Оно не требует «остроты ума», является «легким познанием». Вместе с тем, даже историческое познание не является очевидным и бесспорным. Основываясь на чувствах, оно допускает определенную вариативность, зависящую от возможного восприятия. Именно поэтому историческое познание составляет «самый низкий градус разума человеческого, ниже которого уже никакого познания понимать не можно»². Ошибки, могущие произойти «от слабости чувств», можно отчасти исправить рассуждением. Историческое познание, полученное с помощью специально поставленного эксперимента, дает возможность увидеть причину явления, таким образом, «способ художественный к получению познания исторического часто нам открывает познание философское, особливо когда мы чрез инструмент какой находим такую правду, о которой без посредства оного уверены быть не могли»³.

Из этого можно сделать вывод о двоякой природе исторического познания. Оно может быть непосредственным и нерефлексивным («простым») или опосредованным («осмотрительным»): «Первое служит для тех, которые кроме очевидного свидетельства ничего не ищут, а другое чрез посредство разума наиболее открывается в

---

¹ Там же. С. 227.

² Там же. С. 228.

³ Там же. С. 230.

философии и математике»¹. В соответствии с этим разделением исторического познания можно классифицировать науки. Так, например, физика разделяется на «экспериментальную», или «историческую», и «философскую». В свою очередь, «в философской находим или познаваем историческим познанием явлений тех причины, которые при показании самих экспериментов открываются, и потому на экспериментах основание свое имеют, так как бы теория на искусстве»². Таким образом, историческое и философское познание соотносятся как **практика и теория**.

Историческое познание не дает знание «подлинной правды» о вещах. Обладающие им «будто что знают», но «не иначе, как через опыт, а опыт не знание делает в человеке, но только о том или о сем уверяет его»³. И далее: «Кто знает по-исторически, тот не знает, да только верит... Опыт верить его заставляет, а не знать»⁴. Таким образом, можно знать «по случаю», а можно «по разуму», можно знать «просто», а можно «с причиною».

Примером такого рода знания может служить медицина. В небольшом эссе «Рассуждение о врачебной науке, которую называют докторством» (СПб., 1774) Теплов анализирует эту область знания, убедительно показывая, что она носит скорее описательный, нежели концептуальный характер. «Хотя *рассудок* есть такое в человеке орудие, которое на всякую вещь пригодно, и оным все в свете выработать можно, однако ж редкие из тех, которые разбирают и лечат болезни человеческие, орудием сим пользуются»⁵. Он обращает внимание на то, что медицина не имеет стройной теории, а довольствуется лишь результатами неполного опыта. Особая роль, которая отводится медицине и медикам, связана не столько с успехами, достигнутыми на этом поприще, сколько с естественным желанием избавиться от болезни: «Что мы всем их рассказам слепо ве-

---

¹ Там же.

² Там же. С. 231.

³ Там же. С. 238.

⁴ Там же. С. 238-239.

⁵ Теплов Г.Н. Рассуждение о врачебной науке, которую называют докторством. СПб., 1774. С. 3.

рим, тому не иная причина, как нетерпеливость в нашей болезни, или самая боязнь смерти»¹. Врач должен отказаться от роли «ученого» и выполнять единственную возможную для него функцию «друга», ухаживающего за больным. Роль «лечения», «лекарств» и специальных предписаний чисто психопрофилактическая. «Я сам, — пишет Теплов, — когда болен, люблю присутствие докторское. Они больных умеют утешать, и я готов у них спрашивать совета, а за то и дарить, но больше права им над собой не позволю. Пускай они меня одевают и прикрывают, ежели мне то надобно, и тому подобную холью надо мною больным ведут...»²

Философское познание является более высоким уровнем постижения сути вещей, чем историческое. Она представляет собой познание причин с помощью процедур логического вывода. «Философией называем и изъясняем науку, которая в себе заключает действие разума такое, через которое кто может предложение некоторое, из праведных и прямых начал законными следствиями доказать, или называем такое знание, через которое можем вещь доказывать. через ее причины, или от известных вещей знать неизвестные»³. Если философия есть познание «довольных причин», то о философском познании можно говорить, когда «объявляем такую причину, из которой заключается. для чего что действительно есть или случайно быть может, и для чего сим, а не иным образом»⁴. Основанием для такого рассуждения является убеждение в том, что «нет в свете такого предлога, какой бы он ни был, при котором не можно иметь познания философского»⁵. Мы можем и не знать последовательность всех цепочек причинно-следственных сплетений. Разумеется, «находятся и такие вещи, которых причины хотя и суть, однако ж от силы разума человеческого утаены и исследованы нами быть не могут»⁶. Человеческим разумом невозможно постичь то,

---

¹ Там же. С. 10.

² Там же. С. 14.

³ Т е п л о в Г.Н. Знания, касающиеся вообще до философии... С. 240.

⁴ Там же. С. 241.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

что находится **за пределами** разума. Там, где кончается **разум**, начинается **откровение**. Однако это не делает познание бессмысленным, а просто определяет его границы и возможности.

Умозаключениям должен предшествовать анализ понятий, которые не должны быть ни «темными», ни «конфузными». Именно эта аналитическая работа приводит к тому, что «познание философское делает в человеке через кратчайшее время больше разума и рассуждения в делах, нежели познание историческое»¹. Вместе с тем, философское познание не может вытеснить другие виды познания. И историческое, и математическое познание необходимы для решения определенных задач, поэтому в каждом отдельном случае нужно выбрать определенный уровень познания или, за недостатком данных, смириться с тем уровнем, на который удалось выйти. В любом случае путь познания сути явлений начинается с исторического познания, продолжается на уровне философского и завершается в математическом.

В своей книге Теплов дает небольшой экскурс в историю философии. Он показывает, что и за две тысячи лет не было выработано всеми признанного и непротиворечивого учения о природе познания, человеческой сущности, основах строения общества. Польза изучения истории философских учений заключается скорее в негативном, нежели в позитивном опыте. Теплов пишет о том, что он предлагает вниманию слушателей «краткую сей науки историю» не потому, что хочет научит ею, но «чтоб показать всех противные мнения, которые до сегодняшнего времени в сей науке были, надеясь, что две противные вещи, когда вместе снесены бывают, всегда лучше изъясняются»². Впрочем, автор анализируемой нами книги не рассматривает процесс философского познания как прямолинейное восхождение по пути познания и понимания сущности бытия. Он заключает свое историко-философское эссе ироническим замечанием о том, что «не можно того в горячке сбрендить, чего бы философы до сего времени уже не сказали»³.

---

¹ Там же. С. 243.

² Там же. С. 263.

³ Там же.

В третьей и последней главе Теплов собирается описать процесс познания, или, иными словами, проанализировать «средства, надобные для употребления разума нашего в исследовании истины»¹. Одним из этих средств является **перцепция**, которую Теплов толкует не очень внятно. В тексте девятой главы он пишет о том, что **перцепция** это «понятие» (в смысле «понимание»), однако в «Объявлении слов, которые в философской материи по необходимости приняты в том разуме, как приложенные к тому латинские и французские разумеются» он пишет о том, что «perception» (фр.) или «perceptia» (лат.) это «воображение». С другой стороны, «воображением» в это время называлось не только «воображение в смысле фантазии», но и то, что в современном эпистемологическом смысле называется «представлением». Собственно «понятием» здесь названы «notio sive idea» (лат.) или «idée» (фр.). Маловероятно, что Теплов не давал себе отчет в употреблении понятий (терминов) или путал их. Я думаю, что он просто не употреблял их в строгом смысле, допуская определенную синонимию как в употреблении русского, так и «ученого» языка. Сам Теплов объясняет свои рассуждения следующим примером: «Перцепция или понятие есть самое первое дело во всей жизни человеческой. Все, что мы чувствуем, знаем, видим, делаем, должны наперед разумом понимать. Не понявши же разумом, ни до чего коснуться не можем. Но понимать есть дело так малое в рассуждении всего последующего действия, что почти действие не почато, когда мы только одно простое понятие о бытии вещи имеем. Напротиву того, столько справедливость оного нужна, что оно, то есть первое основание во всех вещах искусства человеческого. Ежели первое понятие худо учреждено или поставлено, то все последующее рассуждение как бы ни остро было, так как на лживом основании положенное, не годно. Например, будучи я уже прежде известен о часах, какая они машина, как скоро взгляну на них, то хотя не рассуждаю всех окрестностей, однако ж разумею уже, что они не животное, которое движется собою, да серебряный или золотой сосудец, в котором приведена до известного времени обыкновенная машина в движение. И таким я образом имею о сей

---

¹ Там же. С. 263.

вещи самое первое понятие, от которого производить могут все следующие заключения, то есть качество их, нужность и прочая. Человек же, например, который от роду часов не видал и не слышал про них, да, положим, что б и того знания не имел, могут ли какие быть на свете машины, которые бы оживотворяли будто какое ни есть тело не животное, то в таком случае, ежели он легкомысленно посмотрит на часы, тотчас возьмет мнение о них дикое. И напоследок как рассудит: что все, что не оживотворено, регулярно и долговременно двигаться не может, то без дальних хлопот скажет, что в сем сосудце сидит животное, которое движется, что с малыми детьми случается. От такого-то первого самого понятия и пойдут у детей детские мысли. Я сам, когда еще был очень малолетен, думал, что в стенных боевых часах есть церковь, поп, дьячок и колокольня и что в них служба маленькими людьми отправляется. Отчего сие слабое мнение? Оттого, что я о внутренности часов и машине перцепции и понятия за малолетством еще не имел, а церковь с колокольнею уже видал. Но ежели бы такое же тупое понятие и в возрастном человеке случилось, то его надобно причесть к бесчисленным глупцам»¹.

Единство мира Теплов видит в его **бытии**. «Все вещи, хотя нам известные, хотя неизвестные, то общее между собою имеют, что они пребывают. Итак, все, что пребывает, называться должно *бытие*»². Восходя по цепочкам каузальных связей и зависимостей мы приходим к идее первопричины и первоначала или Бога. Такого рода рассуждения относятся к компетенции **натурального богословия**.

Для философского осмысления вещного мира, необходимо абстрагироваться от материальных качеств и свойств вещей. Только так можно понять «существо вещи», как говорит Теплов, или ее **сущность**. Полнота бытия выражается понятием «вещество». «Все вещи, однако ж, поелику они таковы, каковых мы их видим, называются *вещество* или *substantia*; хотя они сами в себе к полному своему состоянию все имеют, хотя у других занимают», а так же «вещество называется то, когда все части вместе взятые вещь самую в

---

¹ Там же. С. 264-265.

² Там же. С. 266.

полную бытность приводят»¹. Части составляющие материю («вещество») могут быть двойкие — «одни называются образцы, другие приключения»². В определении этих понятий Теплов не очень ясен. «Образцом» он называет единицы, составляющие элементы некоей структуры, «приключением» — порядок этих элементов, их структуру. В то же время «образец» — это постоянные свойства вещи, составляющие ее сущность, а «приключение» временные, несущественный свойства («Приключение есть надлежность к телу, так как к веществу, а однако ж по воле отнято быть может, как, например, место, на котором стоит»³).

Материя («вещество») может быть «то, которое разум имеет» (Бог, человеческая душа, ангелы и злые духи) и «не имеющее сего дара», обладающее лишь телом и протяжением («расстоянием места»).

Философское представление о бытии включает в себя понятие «взаимности», «сношения», или соотношения. Так, понятие **части** требует знания того, что такое **целое** и т. д. К области «взаимности» принадлежит понятие **небытия и отсутствия**, ибо они могут быть поняты только через **бытие**.

Затруднение вызывает решение вопроса о том, обладают ли **бытием** абстрактные понятия. Теплов выходит на проблему рационализма-номинализма, обсуждавшуюся еще в Средние века, отдает предпочтение концептуализму. В этом позиция Теплова близка воззрениям Дж. Локка. Однако концептуализм Теплова лишен известной рационалистичности Локка. Теплов не считает, что универсалии являются результатом деятельности разума, напротив, он полагает, что они имеют объективный характер, обладают **бытием**. Однако, в понятие **бытие** он включает «все то, что есть и быть может, хотя нам ведомо, хотя неведомо, и что мы в бытии понимаем сопротивное *небытию*»⁴, что безусловно расширяет понятие бытия, может быть даже придает ему известную неопределенность, зато снимает проблему.

---

¹ Там же. С. 269.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 272-273.

Теплов, как и другие русские мыслители, далек от того, чтобы вдаваться в детали терминологического спора и высветлять истину прояснением понятий. «Я бы желал несколько из философии слов выкинуть, ежели бы только можно было без них обойтись, но по необходимости делаю может быть читателю трудность и темноту принятием многих терминов. Слова или термины в философской науке не закон, но принимаются по произволению»¹. Главное в философском обсуждении — это взаимопонимание между собеседниками. О понятиях всегда можно договориться.

Теплов различает уровни смыслов некоторых понятий. Так, говоря о «возможном» и «невозможном», он выявляет философскую, физическую («натуральную») и моральную «невозможность». Философская «возможность» объединяет по сути то, что соединяет возможность с действительностью, а «невозможность» это обозначение того, что называется «ничто». «Невозможность в природе» бывает разных видов. Первая предполагает противоречие между формальной и реальной возможностью, или, как пишет Теплов: «Часто случается, что вещь сама собою возможная, но к возможности ее помешательством бывает что ни есть постороннее, которое не допускает до того, что б она сталася. Таким же образом часто помешательством видим и самосложение вещи, по которому она та, а не иная быть может»². В качестве примера первого типа возможности он приводит арестанта, который имеет теоретическую возможность передвигаться, где хочет, но не имеет фактической, ибо сидит под арестом. В качестве второй — довольно забавную ситуацию, предполагающую отсутствие даже теоретической возможности. «Пример другому, — пишет Теплов, — человек, когда мыслит, тогда он чувствует, что не рукою, но головою работает. Он бы хотел и в руке иногда чувствовать сей труд, когда голова его трудна, однако ж сия вещь сама собою уже так устроена, что ее переменить невозможно. И потому сие называется через себя невозможное»³. Может быть невозможность «через взаимность», или «физическая», то есть про-

---

¹ Там же. С. 273.

² Там же. С. 274.

³ Там же. С. 274-275.

тиворечащая законам природы. Невозможность «моральная» или «нравоучительная» отражает действие, идущее наперекор разуму и здравому смыслу. «Например: разумный человек из доброй воли никогда не кинется в воду. И не только разумный, но и в дураке столько смысла есть, чтобы от добровольной смерти бегать и удаляться»¹.

Тема необходимости-случайности, или проблема того, «что необходимо надобно и что по случаю только бывает» так же занимает Теплова. Он пытается понять, что же является «совершенной нужностью», а что лишь возможным или случайным. «Необходимо надобной» называет он такую вещь, «у которой противное не возможно»², а «совершенно нужной» такую, «у которой противное крайне почитается за невозможное»³. Таким образом, «необходимо надобное» представляет собой **абстрактную**, а «необходимо нужное» **конкретную** возможность. **Случайное**, по мнению Теплова, присутствует только в мире моральных поступков и есть результат душевных движений, или свободной воли.

С проблемой бытия Теплов связывает проблему времени. Он рассматривает понятия «долгоденствия», «вечности», «предвечности», «безначальности», «бесконечности»: «В пребывании или в продолжении пребывания мы понимаем начало и конец, а ежели то отнимем, то продолжение пребывания называется вечное. Отнимем одно только начало от пребывания, то оное будет предвечное или безначальное. Возьмем прочь конец, то будет вековое или бесконечное»⁴. Время не имеет дискретного характера. Невозможно выявить «атом» времени или, как говорит Теплов, «пункт или точку невидимую», составляющую единицу времени.

Временные последовательности характерны только для материального мира. Бог находится вне времени, ибо является его творцом. «В Божием пребывании нет дней, ни моментов, ни в его свойствах каких отмен, но всегда един, всегда совершен, всегда собою самим доволен и всегда тот же. ибо время соединяется только с тва-

---

¹ Там же. С. 275.

² Там же. С. 276.

³ Там же. С. 276.

⁴ Там же. С. 278.

рю временную, которой положено от Бога начало и конец, с вечным же существом время не соединяется»¹.

Вопрос изменения во времени тесно связан с проблемой **тождества**. Могут ли существовать вещи, не изменяющиеся во времени (кроме Бога, конечно). Может ли одна вещь быть равной (тождественной) другой или самой себе в разные отрезки времени. Обыденное сознание отвечает на это положительно, однако строго, или «философски» говоря, это не так. Тождество — это понятие абстрактное, оно указывает на отношения, могущие быть помысленными, но не обязательно существующие в реальности. «Следовательно мы видим, — пишет Теплов, — что *тожество* вещи состоит только в разуме нашем, а в яве философское *тоже* не находится»². Тот или иной объект может быть тождествен сам себе только при выполнении определенных условий. Строго говоря, в реальной жизни невозможно, что бы «существо в здравом и ненарушимом своем прежде состоянии остаться могло и быть тоже, что прежде»³.

Наблюдение в природы постоянных изменения наводит Теплова на мысль исследовать феномен причинности. Он рассматривает систему категорий «причина-следствие», которое получает у него название «вина-эффект». Конечно Теплов здесь терминологически некорректен, ибо смешивает традиционно антропоморфное и «суперполисемичное» понятие «вина» и строго научное физическое понятие «эффект». Следует отметить, что в эпоху «единства физики и метафизики» понятия достаточно часто являлись достоянием двух различных сфер знания. При этом, при определенной синонимичности, они сохранили существенную часть смыслов при переходе из одной в другую. Так, категория «причина» могла выражаться понятиями «вина», «сила», категория «следствие» — «конец», «эффект», «произведение». Можно отметить так же «гуманитарный» образ таких понятий механики как «инертность» — «грубость», «леность» или «страдать», что означает буквально «испытывать воздействие».

---

¹ Там же. С. 280.

² Там же. С. 282.

³ Там же. С. 282.

Теплов «выпрямляет» каузальные переплетения, демонстрируя, что все линии сходятся в одной точке — Боге, являющимся «первой виной» всего сущего. Кроме «первовины» Теплов предлагает выделять «просто вину» и «посредство», то есть то, что послужило непосредственным орудием совершаемого воздействия. Случайность, «азард», «удача», «слепой случай», «ненарочитость», «ненарочность», по мнению Теплова, служит нам лишь «на закрытие нашего незнания»: «Когда мы не умеем прямой сыскать вины какой-нибудь вещи, то обыкновенно ссылаемся на *азард* или *ненарочность*»¹. На самом деле, все существующее в мире имеет причину, даже Бог, который есть причина самого себя. Следует, конечно, различать причину и «соединение средств». Когда одна чаша весов опускается, то другая поднимается вверх, однако причиной этого является не то, что первая чашка весов **опускается**, а то, что она **тяжелее** второй. Двигаясь по узловым точкам соединений мы можем исследовать причинные связи. Однако они не являются бесконечными: «*от вины к вине не можно поступать бесконечно*»², ибо метафизическим «концом», а точнее «началом» является Бог.

Теплов продемонстрировал, «каким образом можно рассуждать о вещах генерально, не прикасаясь их самих материи»³. В следующей книге он задумывал изложить «правила винословия» и аргументации, то есть логику, однако она не была напечатана. В точности неизвестно, была ли она написана. Возможно, вовлеченный в самый центр административной работы и политических интриг Теплов оставил занятия философией.

Личная жизнь Теплова была не очень счастлива. Первая его жена Елизавета Марковна, мать его дочерей Анны и Елизаветы, вышедших впоследствии замуж, старшая за Семена Александровича Неплюева, младшая за Ивана Ивановича Демидова, умерла в 1752 г. в Глухове. Вторая жена, Мария Герасимовна, от которой у него был сын Алексей и две дочери Наталия и Мария, оставила его и стала жить отдельно. Не повезло ему и с сыном, воспитанию которого он

---

¹ Там же. С. 287.

² Там же. С. 288.

³ Там же. С. 289.

уделил столько времени и сил и к которому относился столь тщательно, что сформулировал основные принципы в специальном сочинении «Наставления сыну» ([СПб, 1760]), обеспокоенный тем, что его сын-подросток «стал в дверях заблуждения»¹. Теплов был убежден, что воспитание формирует личность и нравственные качества человека. «Хотя народы разных языков имеющие, имеют разные нравы, разные обычаи и разные вкусы, но то бывает по причине воспитания. — пишет он. Если бы дикого и степного человека от самого рождения воспитать в истинном благонравии, и просвещении наук политических, то какова бы его природа не была, он всегда уже будет инородный своим родителям... Воспитание делает младенца иным на возрасте человеком, и не остается в нем ничего кроме лица и сложения тела, которое он по плоти приемлет»². Поэтому Теплов вырабатывает своеобразный кодекс наставлений или правил, следование которым должно привести к благополучной жизни. Он учит: «будь добросердечен», «опасайся быть корыстником на вред ближнего», «будь экономом, а не будь скуп», «одолевай нищету трудом и прилежанием», «будь храбр, а не будь забиячлив», «не допускай до себя никогда худых привычек», «не будь безумен в страсти любовной», «здоровье свое почитай первым для тебя сокровищем», «не забавляйся игрою до убытка, а паче разорения твоего», «старайся говорить кстати и осмысленно», «отделяй прямую дружбу от фамильярности», «не привыкай к издевкам». «не будь упрям по своенравию, а соглашайся по разуму», «не будь переносчиком вестей», «не привыкай быть ласкателем»³ и т. п. Однако теория и практика, как всегда и бывает в жизни, не соединились в воспитательном акте. Сын не последовал советам отца. Одна из его выходов нанесла Теплову сильную эмоциональную травму, от которой он не мог оправиться до самой смерти. Он умер в 1779 г. и похоронен в Александро-Невской Лавре, неподалеку от школы, где учился в юности⁴.

---

¹ [Т е п л о в Г.Н.] Наставления сыну. [СПб, 1760]. С. 3.

² [Т е п л о в Г.Н.] О начале стихотворства. С. 6.

³ [Т е п л о в Г.Н.] Наставления сыну.

⁴ D a n i e l. Grigorii Teplov... P. 137-138.

НЕБО И КОСМОС

Особенности космологического учения в России социально определялись тем, что все естественнонаучные исследования в это время санкционировались государством и были тесно связаны с существующими государственными институтами, прежде всего с Петербургской Академией наук и Московским университетом. Опытное знание и умозрение тогда тесно переплетались, а иногда даже соперничали. Распространение достижений новой науки было частью государственной идеологии и официально были приняты наиболее современные научные теории. Вместе с тем, они с трудом вписывались в парадигмы обыденного сознания.

Наука в России не переживала сложного и длительного процесса секуляризации, характерного для истории европейской мысли. Православная церковь не претендовала на исключительное и детальное знание того, как устроен физический мир, поэтому и не вставала, да и не могла встать на пути нового знания, в определенном смысле санкционировавшегося государством. Там, где шла речь о возможных мировоззренческих выводах, она не могла не защищать биб-

лейскую картину мира. Именно поэтому шла борьба духовной цензуры против гелиоцентризма, а так же учения о «множестве миров». Ее жертвами были, например, переводы Фонтенеля и А. Попа, поэма В. Тредиаковского «Феоптия, или Доказательство о богозрении по видам созданного естества...», «Ода о величестве Божиим» А. Сумарокова¹. Складывалась ситуация внутреннего противоречия, когда государственная церковь пыталась противостоять государственной идеологии, находясь, фактически внутри ее. Однако, это противостояние не носило принципиального характера и никогда не достигало такой остроты, как в Западной Европе.

Объективно развитие космологии в России не было направлено на разрушение теоцентрической картины мира, напротив, разработка новых представлений укрепляла ее. Естествоиспытатели видели в наблюдаемых ими явлениях доказательства премудрости Творца. Объектом исследования астронома являлся Космос — физическая ипостась «неба», поэтому ученый не мог быть бесстрастным наблюдателем этой реальности, но воодушевлялся виденным.

Развитие науки в России опережало философскую рефлексию, поэтому создание спекулятивных (гипотетических) космологических систем не предваряло научные достижения и открытия, а являлось своеобразной реакцией на них. Натурфилософские построения как бы «объясняли» существующие научные теории, которые, в свою очередь, имели статус «аксиом». Это привело к тому, что умозрительные космологические концепции присутствовали в российской ментальности наряду с научными теориями не только в XVIII-XIX вв., но и в XX в.

Онтология и космология являлись полноправными частями метафизики наряду с логикой, пневматологией (учением о душе) и естественным богословием (философским учением о Боге). В рамках космологической теории разрабатывалась методология научного познания, формировался язык и терминология новой науки, прежде всего, астрономии и физики.

---

¹ См. об этом: А р т е м ь е в а Т.В. История метафизики в России СПб, 1996. С. 216-244.

Астрономические исследования в России были связаны, прежде всего, с Санкт-Петербургской Академией наук, в которой работали крупные представители мировой астрономической науки Ж.-Н. Деллиль, по проекту которого была построена обсерватория, А.И. Лексель, Ф. Эпинус, Ф.Т. Шуберт, а также русские ученые М.В. Ломоносов, А.Д. Красильников, Н.Г. Курганов, Н.И. Попов, С.Я. Румовский, П.Б. Иноходцев.

Российские ученые много сделали для исследования небесной механики, физической природы комет, полярных сияний, зодиакального света. В стране были созданы условия для проведения серьезных научных исследований, что сделало Петербургскую Академию наук одним из ведущих центров Европы.

Политико-географические условия России позволяли установить наблюдательные пункты в Петербурге, Иркутске, Селенгинске, Тобольске и вести астрономические наблюдения фактически с разных континентов. Конечно, эти уникальные обстоятельства давали возможность для определенной политической игры, но в то же время, сыграли свою роль при наблюдении прохождения Венеры по диску Солнца в 1761 г., что позволило сделать вывод о наличии на этой планете «знатной воздушной атмосферы».

Космология в Академии наук была разделом, пребывавшем в маргинальном пространстве между философией и астрономией. В определенном смысле это были как методологические обоснования и теоретические заключения, так и умозрительные замечания по поводу научных исследований. Астрономия отличалась от теоретической физики, которая в то время была фактически неотделима от философии, своим «практическим», а потому зачастую непредсказуемым характером. С.Я. Румовский отмечал: «все науки подвержены одинакому жребию, чтобы мало помалу возрасти, со временем в большее приходить совершенство; однако иные из них скоростижнее, иные медлительнее одного достигают. Рассуждая по трудностям в астрономии встречающимся, и по числу наук для совершенства ее непосредственно нужных казалось бы, что астрономия медлительнее других должна приходить в совершенство. Ибо кроме трудностей всем наукам общих, остротою и проницанием ра-

зума человеческого преодолеваемых, с нею сопряжены такие, на преодоление которых требуется долгое время или отменная помощь, или человек совсем превозмочь не силен»¹. К этим трудностям Румовский относит необходимость проводить наблюдения ночью и при ясном небе, сравнивать результаты исследований, сделанные в разных частях света, терпеливое ожидание необходимого явления. В отличие от физического или химического эксперимента, проводимого в лабораторных условиях во время удобное для исследователя, астрономические наблюдения требуют определенного самопожертвования, пренебрежения элементарными удобствами и не всегда успешного ожидания. Все это заставляет Румовского говорить о «невольничестве, которому астроном порабощается»².

Астрономические наблюдения настолько зависели от ряда внешних обстоятельств, что порой это приводило ученых в отчаяние. Так, например, Никола Делиль, предпринял экспедицию в Березов, чтобы наблюдать прохождение Меркурия, но не смог этого сделать, потому что небо было облачно. Он пишет Гроссу: «Желая знать, остались ли мы в потере, отложив поездку в Обдорск, мы просили уведомить нас, благоприятствовала ли там погода наблюдению прохождения Меркурия, но нам сообщили, что и там небо было так же облачно, как и в Березове. Несколько дней и во всю ночь там, как и в Березове, продолжался сильный ветер с снегом, и он стих уже по прошествии времени для наблюдения. Это доказывает, что впредь не должно довольствоваться одними астрономическими наблюдениями, но что нужно советоваться и с астрологиею, когда предпринимаешь столь дальнее странствие, в надежде на ясное небо»³.

---

¹ Румовский С.Я. Наблюдения Венеры в Солнце в Российской империи в 1769 г. учиненные с историческим предуведомлением, сочиненным Степаном Румовским, Академии наук членом. СПб., 1771. С. 2.

² Там же.

³ Цит. по: Струве В.Я. О рукописи астронома Делиля, принесенной в дар Русскому географическому обществу, членом онаго князем И.А. Дол-

Следует отметить, что астроном зависел не только от природы, но и от финансовых возможностей Академии по организации экспедиций. Так было в 1769, когда ожидалось редкое астрономическое событие, как его тогда называли, «явление Венеры в Солнце». Важные решения по организации наблюдений были приняты самой Екатериной II уже в 1767 г., несмотря на то, что она была занята в это время Комиссией о сочинении Нового уложения. Екатерина сразу поняла и значение этого события, и уникальные возможности проведения исследований в Российской империи, размеры которой позволяли наблюдать его с разных точек. Она пишет письмо директору академии наук графу Владимиру Григорьевичу Орлову: «Господин граф Орлов! Увидав, что летом 1769 году звезда, называемая Венера паки будет проходить перед Солнцем, пишу к вам сие письмо, чтобы вы академии наук от меня объявили, что мое желание есть 1) что б академия потщилась сделать сии наблюдения с крайнем рачением, и что потому желаю ведать; 2) какие места империи наивыгоднейшее имеют положение и кто суть те, коих Академия назначает к сему наблюдению, чтоб ежели надобно будет там спросить, послать работников, и ежели можно принять к тому надлежащие меры; 3) что ежели при Академии нет довольного числа астрономов, что б сделать полное наблюдение в тех местах, которые изберет Академия, то я предлагаю и на себя приемлю приказать выбрать из морского флота людей, которые бы во время, остающееся до прохождения Венеры под предводительством профессоров могли приобрести большее совершенство, что б могли уподоблены быть при сем предприятии с пользою и по желанию Академии.

Вы, господин граф, сообщите мне ответ Академии и какое ее обо всем мнение, дабы я могла дать повеления на нее, что надобно, не теряя времени. Москва, 3 марта, 1767»¹.

горуковым // Записки Русскаго географического общества. Кн. III. 1849. С. 65-66.

¹ Цит. по: Румовский С.Я. Наблюдения Венеры в Солнце в Российской империи в 1769 г. С. 5-6.

Интерес, а иногда простое любопытство, которое проявляли «сильные мира» к астрономическим исследованиям, тем не менее, укрепляли их престиж. В марте 1735 г. императрица Анна Иоанновна повелела Делилю явиться во дворец, и вечером он демонстрировал «разные астрономические обсервации, причем ее величество между прочими на Сатурна с его кольцом и спутниками чрез невто-нианскую трубу, которая в 7 футов длиною была, смотреть изволила. Ее Императорское Величество объявила о сем свое всемилостивейшее удовольствие и приказала, чтоб как физические, так и астрономические инструменты, для продолжения таких обсерваций при дворе Ее Величества оставлены были»¹. Елизавета Петровна вместе со своими придворными, среди которых была и будущая Екатерина II, 25 июля 1748 г. наблюдала в Ораниенбауме солнечное затмение². Екатерина так же пыталась наблюдать явление Венеры на Солнце в 1769 г и не спала всю ночь, пытаясь увидеть это явление хотя бы частично, хотя в окрестностях Петербурга наблюдать его явление было невозможно, и она это знала³. Большое внимание астрономическим наблюдениям уделял Феофан Прокопович, который имел обсерваторию не только в своем доме на набережной Карповки, но и в своем загородном поместье под Петергофом. Он обращался к Делилю и его сотрудниками за консультациями, а также брал иногда во временное пользование инструменты из Академической обсерватории⁴.

Если астрономические исследования формировали определенный общественный интерес к занятиям естественными науками, то сами астрономы, особенно европейские специалисты, могли быть проводниками не только естественнонаучных, но и философских идей. Одним из ученых, сильно повлиявших на

---

¹ П е к а р с к и й П. История Императорской Академии наук в Петербурге Т. 1. СПб., 1870. С. 130.

² Н е в с к а я Н.И. Петербургская астрономическая школа. СПб, 1984. С. 71.

³ Р у м о в с к и й С.Я. Наблюдения Венеры в Солнце в Российской империи в 1769 г.

⁴ Н е в с к а я Н.И. Петербургская астрономическая школа. С. 71.

определенное направление онтолого-космологических идей был французский астроном Жозефа Никола (Осип Николаевич) Делиль (De L'Isle) (1688-1768), приглашенный в Петербург в 1724 г. Именно с ним можно связывать начало распространения в России идей Ньютона, которого Делиль знал лично (в 1724 г. он побывал в Англии, где встречался с И. Ньютоном и Э. Галлеем). По его совету «Начала» Ньютона приобретает Петр I¹. А. Кантемир, который учился в Академическом университете, в 1726-1728 занимался по программе Делиля. По его рекомендации он прочел «Разговоры о множестве миров» Фонтенеля. Судя по записям Кантемира он взял ее у Д.М. Голицына в феврале 1728². Н.И. Невской опубликован список рекомендованной Делилем литературы, из которого видно, что астроном рекомендовал своим ученикам книги не только по узкой специальности, но и сочинения Платона, Декарта, Гассенди, Дюгамеля, Фонтенеля, Гравезанда, Вольфа и, конечно, Ньютона³.

«В Петербурге можно было спокойно изучать научное наследие Ньютона и творчески его осваивать, выявляя и устраняя все вкравшиеся в него ошибки, — пишет исследователь истории астрономии в России Н.И. Невская. — Развитию «ньютонианского духа» способствовало и то обстоятельство, что в числе профессоров первого набора оказались такие убежденные ньютонианцы как Делиль, а также ученые, не чуждавшиеся изучения трудов Ньютона, Я. Герман, Д. Бернулли и даже Г. Б. Бильфингер»⁴.

В декабре 1735 г. Делиль подал барону Корфу следующий проект, переведенный на русский язык Тредиаковским: «Полезный проект, чтобы дать каждому С.-Петербургскому обывателю способ, как исправно заводить по солнцу стенные и карманные часы. Понеже находятся исправные меридианы в обсерватории, чрез которые всегда можно знать на всякий день прямой час, когда солнце придет на полдень, так же и чрез посредство верных часов, которые в обсерватории, можно всегда видеть прямой же час, хотя

---

¹ Там же. С. 25.

² Там же. С. 35.

³ Там же. С. 207-208.

⁴ Там же. С. 30.

бы не видно было солнца целый месяц. Того ради надлежало бы однажды выстреливать из пушки точно в самый полдень и для того надобно бы было приказать тем, которые имели стрелять с адмиралтейского бастиона, что против обсерватории, чтоб они на каждый день были готовы немного прежде полудня к выстрелу в самую ту минуту, как с обсерватории дается им сигнал, каков определен быть имеет. Можно объявить о сем и в ведомостях, что выстрел сей чинится на всякий день токмо для вышеобъявленной причины»¹. Барон Корф докладывал в императорский кабинет, но его доклад остался без ответа.²

Делиль также предложил особый, известный под его именем способ черчения географических карт. Этому посвящена статья Эйлера «De projectione geographica Delislianain mappa generali Imperii Russici usitata»³.

В марте 1728 г. Делиль произнес публичную речь, центральной темой которой были ответы на вопросы «можно ли средствами одной только астрономии установить истинную систему мира», а также «вертится ли земля?» («si l'on peut démontrer par les seuls faits astronomiques, quel est le vrai système du monde? Et si la terre tourne ou non»). Любопытно, что предполагалась напечатать речь Делиля по-русски. Она была переведена Степаном Коровиным, но осторожный Шумахер несколько раз обращался к президенту Академии Блюментросту с получением согласия на печатание и предложением получить разрешение Синода⁴. Шумахер писал 12 июля 1728 г.: «это такой предмет, который подлежит рассмотрению Синода. Если он даст разрешение на это. то в таком случае будут спокойны насчет других философских предметов, о которых появятся рассуждения со временем». Но русский перевод остался ненапечатанным⁵.

Интересно, что российским академиком мог бы стать и одиозно известный в российской литературе французский астроном Шапп

---

¹ П е к а р с к и й П. История Императорской Академии наук в Петербурге. С. 131.

² Там же.

³ Acta Academiae scientarum petropolitanae pro Anno MDCCLXXVII. P. 143-153.

⁴ П е к а р с к и й П. Указ. соч. С. 145.

⁵ Там же.

д'Отерош, который отказался ехать в Россию на весьма выгодных условиях после конфликта Академии с Делилем¹. Имя ученого вспоминается исключительно в связи с знаменитым памфлетом Екатерины II «Антидот». «К сожалению, незаслуженно забытой осталась весьма объективная информация, приведенная в книге Шаппа д'Отероша, — пишет Н.И. Невская. — Он не только рассказал об истории создания Петербургской астрономической обсерватории, но и дал довольно точный обзор выполненных там исследований. В книге была приведена таблица географических координат всех пунктов, определенных к тому времени на территории России с помощью астрономических наблюдений. Не забыл Шапп и о метеорологических наблюдениях, начатых петербургскими астрономами. Эта книга, несомненно сыграла положительную роль в ознакомлении с работами астрономов России ученых и общественности зарубежных стран»².

Некоторое время обязанности директора обсерватории исполнял профессор физики Ф.У.Т. Эпинус (1724-1802). Он не был профессиональным астрономом, поэтому его космологическое сочинение «Рассуждение о строении мира», написанное в 1759 г., возможно, под определенным влиянием вольтеровского «Микромегаса», носит достаточно спекулятивный характер. Он опровергает расхожее мнение, что самопознание важнее познания естества в пользу естественной науки. «Правда естественная наука кажется человеку странна, и отводит его от познания своих собственных выгод, — пишет он, — но не меньше то истинно, что она ведет его прямым путем к познанию всесильного, всещедрого, премудрого создателя мира»³.

В тексте, написанном от лица двухтысячелетнего старца, он позволяет себе довольно вольные космологические описания, например: «Какое приятное и чудное позорище представят четыре юпитеровых Луны (ибо столько он щедрой естества руки получил) глазам того, который еще не видывал сего зрелища? Одна из сих четы-

---

¹ Н е в с к а я Н.И. Петербургская астрономическая школа. С. 80.

² Там же. С. 61.

³ Э п и н у с Ф.У.Т. Рассуждение о строении мира. Пер. с нем. СПб., 1770. С. 6.

рех луна, которая доселе единая освещала ночь, спешит уже к западу и начинает закатываться. Уже опасаются, чтоб не погрузиться в печальную темноту; но в то же мгновение ока является на утреннем горизонте великолепнейшее, какое только себе вообразить можно, представление. Вдруг три луны с поспешностию там восходят и тройным своим светом стремятся прогнать те мрачные тени, которыми были угрожаемы жители сея планеты. Если бы населен был Юпитер людьми, которые бы находились в такой суеверии, в каком пребывают некоторые земного нашего шара незнающие народы, то провождали бы они свою в беспрестанном страхе. Не преходит там ни один день, в который бы не было затмения солнечного или лунного одного или больше. Что у нас так редко случается, бывает там зрелищем ежедневным. Коликое число причин имеют там к страху люди, которые так мало знают о истинных причинах естественных приключений, как и перуанец? Однако может быть Юпитеровы жители сходны с земными более, нежели как мы думаем, может быть обыкновенное приключение причиняет у них толь мало удивления, толь мало страха, сколько и у нас. По крайней мере многие из нас весьма легкомысленно презирают то, что повседневно видят»¹.

Эпинус полагает, что Бог наделил каждую планету определенным количеством спутников в соответствии с ее удаленностью от Солнца: «Создатель естества ко своим творениям наблюдает очень строгое правосудие. Они все имеют равное требование на его благодеяния, и одному он более благ не уделил как другому. Кому меньше надобно, тот меньше, а кому больше, тот больше благодеяний и получил от рук щедрого Творца; и если мы точно все исчислим, то сыщем, что счастье везде равно разделено. Меркурий и Венера очень близки к Солнцу. Они получают благодарное оно влияние неослабно. И так не требуют они Луны: ради чего им ни по одной и не дано. Знак расточения есть обогащать кого-нибудь ненужными дарами. Луна Земле могла быть полезна и она ей дана. Правда Марс совершает великий свой путь около Солнца в печальном уединении без всякого спутника. Непременно Луна для него не была бы полезна, и непременно естество недостаток сей ему богато

---

¹ Там же. С. 23.

наградило образом для него приличнейшим. Для Юпитера одной Луны было бы мало, ради того естество дало ему щедрою своею рукою четыре. Самой бедной из всех планет, Сатурну, достались самые богатые дары. Пять Лун дало ему естество, однако сих даров для него еще не довольно было. Чрезвычайные нужды требовали чрезвычайных даров. Тонкое и твердое кольцо окружает сию планету, и делает ей без сомнения ту же услугу, которой он бы мог ожидать от великого множества лун, окружающих оную в пространных кругах...»¹. Про смену времен года, дня и ночи Эпинус пишет: «С каким намерением Всемогущий естества создатель сей премудрый учредил порядок? Без сомнения одно, совершеннейшему между всеми существами паче всего приличное, было его главное намерение сие: чтобы все живущие и ощущающие твари сделать счастливыми, и благодеяниями ущедрить. Из того, что нам известно, можем мы безо всякого опасения заключить и о том, что нам неизвестно. Планеты земному шару во всем подобны; бывают на них перемены дня и ночи, бывают также перемены времен года. Чего ради всеильный естества владетель без сомнения для той же причины повелел им из небытия в бытие прийти. Без сомнения и они живущими и мыслящими творениями также населены, и жители их толиким же благополучием наслаждаются как и земные жители»². Эпинус предполагает, что не только звезды, но и кометы могут быть обитаемы.

«С каким намерением Творец естества создал кометы? — спрашивает он. — Вопроса сего нам не должно так оставить. Может быть они вотще в мире? Никак, он ничего напрасно не делает. Итак, они действительно надобны и полезны. — Но можем ли мы осмелиться населять их так как и планеты живущими тварями? Мы добровольно признаем, что в сем случае мы окружены со всех сторон непреоборимыми трудностями. Справедливо сомневаются, могут ли быть такие живущие твари, которых бы тела так чудно были построены, чтоб оные ни ярящимся пламенем ниже умерщвляющею

---

¹ Там же. С. 25-27.

² Там же. С. 28-29.

стужею не повреждены были»¹. Особая природа комет интриговала исследователей, которые видели в «блуждающих звездах» какое-то особое предназначение. «Многие явления их блуждающих звезд выходят из круга зрения человека. Не можно достоверно определить, водяное ли тело мира есть комета, или горящий шар; равно и на следующие вопросы нельзя удовлетворительно отвечать: населено ли сие тело тварями, когда оно то состоит в зное солнца, находясь весьма близко оного; то отлучается от сфер и находится в густой тьме, где солнечные лучи не могут уже действовать? Уже ли Судия мира определил ее к наказанию тварей своих? Разве грубая поверхность ее, которая подлежит величайшему зною и хладу, есть жилище осужденных тварей. Ужели такая блуждающая звезда когда-нибудь должна свергнуть планеты в погибель их, вытолкнув их из путей своих? Или она есть еще пустое тело, какое было Земля наша до сотворения ея, и достигнет ли она тогда цели своего определения, когда сей мир не будет уже существовать?»²

Следует отметить, что вопрос о возможности наблюдения жителей других планет обсуждался и в ученых собраниях. Так, математик Я. Герман в своей речи на публичном собрании Академии 1 августа 1726 г., которое почтила своим присутствием Екатерина I, говорил о возможности изготовить такой телескоп, через который можно будет видеть жителей других планет, *если они существуют*³.

Умозрительных предположений в духе «Микромегаса» было достаточно и в сочинениях профессиональных астрономов, которые переводились на русский язык и выполняли роль научно-популярной литературы. В качестве примера можно привести сочинение берлинского астронома И.Э. Бодде «Всеобщие рассуждения о сотворении света или сокращенное изображение астрономии, содержащее в себе обстоятельные изъяснения о состоянии Солнца, Планет,

---

¹ Там же. С. 54

² З р и т е л ь Божиих дел во Вселенной; Внимательное рассматривание мудрого порядка, красоты и совершенства Натуры во всех царствах и элементарных действиях ея. Ч. I. М., 1796. С. 37-38.

³ К о п е л е в и ч Ю.Х. Основание Петербургской Академии наук. Л., 1977. С. 107.

Земли и Луны». Описывая строение Вселенной, автор пытается доказать, что Бог создал лучший из миров. Объясняя природу Солнца, Боде полагает, что оно представляет собой своеобразную «электрическую лампочку»: возможно оно «не есть огонь, но электрический шар, в который соединил и заключил Творец свет, происходящий от сей электрической материи, чрез быстрое течение одного великого Солнца, и потом деятельно являющиеся на машину мира»¹. Чем дальше отстоят планеты от Солнца, тем больше у них спутников, чтобы освещать их поверхность. Однако маловероятно, чтобы столь совершенное творение не имело зрителя, способного его оценить. «Неужели должны сии луны освещать единственно мрачные и безлюдные степи, не пользуя светом своим никаких чувствительных и разумных тварей, могущих удивляться величию, могуществу и благодати превечного Зиждителя своего и благодарственно прославлять его?»² — спрашивает он. Даже Солнце может быть населенным: «Положим, что оно есть настоящий огонь, или светящий, но не сгорающий электрический шар, однако по предначертаниям предвечной премудрости не может быть неудобным к содержанию на себе разумных обитателей. Они, сии счастливые творения, не имеют нужды в перемене дня и ночи, но беспрестанно освещаются светом и могут посред солнечного сияния безопасно обитать под тенью Всемогущего. Вероятно ли сие, что всемогущество при устройении сего превеликого солнечного шара, не имело иных каких намерений, как чтобы парило около него в кругах своих известное количество обитаемых и против величины его совершенно малозначащих шаров в кругах их имеющих последовать за привлекательною силою его с равной легкостью... Нет! Премудрость Творца не позволяет так думать»³.

---

¹ Б о д е И.Э. Всеобщие рассуждения о сотворении света или сокращенное изображение астрономии, содержащее в себе обстоятельные изъяснения о состоянии Солнца, Планет, Земли и Луны. Сочинение Г. Боде, астронома Королевской Прусской Академии наук и члена Берлинского общества друзей испытания природы. Пер. с нем. ИВНМ КРПВМ (перевод Ивана Карпова). М., 1794. С. 31-32.

² Там же. С. 101-102.

³ Там же. С. 114-116.

«Естьли бы особливые и нам непонятные еще намерения бесконечного не делали здесь исключение! то не представил бы я себе ни одного Солнца, ни одной планеты или Луны пустыми, но всех их заселил бы разумными и на пользу им служащими творениями»¹, — восклицает он, хотя и замечает, что «Краткозрящему земному гражданину обитательность всего всеобщего (Universi) не может быть иначе как гадательною»². Вероятно, жители разных планет отличаются друг от друга очень сильно. Боде предполагает, что духовные силы обитателей возрастают в зависимости от удаления их от центра своей солнечной системы, «от Солнца своего»³. Здесь он в точности подтверждает шутливое предположение Вольтера, что «большой» житель Сириуса обладает гораздо большими интеллектуальными способностями, нежели «маленький» житель Сатурна, не говоря уже о «крохотных» землянах.

Пожалуй, самым массовым средством распространения космолого-астрономических знаний были **календари** или **месяцесловы**. Это был традиционный для России жанр распространения и популяризации естественнонаучных знаний. Одним из самых знаменитых был так называемый «Брюсов календарь», который вышел на шести отдельных листах и переиздавался несколько раз. В нем приводились расчеты Пасхи, время восхода и захода Солнца на 112 лет (с 1710 по 1821 гг.). Иногда во времена Петра календари печатались и церковным шрифтом, как календарь, изданный в Киеве в 1714 г. Там описаны небесные затмения того года с объяснением причин такого рода явлений и призывами их не бояться «обаче все сии затмения на нашем горизонте не видимы будут, и того ради не вельми их ужасаться, но паче чаяти бы благополучного, изрядного в сем году стране Российской поведения»⁴. Позже публикация этих изданий составляло привилегию Академии, дарованную ей Петром I и сохранявшуюся вплоть до 1867 г. Первый из них под названием

---

¹ Там же. С. 179.

² Там же. С. 185.

³ Там же. С. 193

⁴ П е к а р с к и й П. Введение в историю просвещения в России XVIII столетия. СПб, 1862. Т. 1. С. 312.

«Календарь или Месяцеслов на лето 1728» был издан в 1727 г. С этого времени они издавались ежегодно. Некоторое время, в силу того, что в них публиковалось много материала исторического содержания, они имели название «Календарь или Месяцеслов исторический». Кроме того, эти издания имели названия «Месяцеслов исторический и географический», «Месяцеслов исторический», «Месяцеслов географический», «Месяцеслов с наставлениями», «Месяцеслов в пользу домостроительства», «Адрес-календарь», «Дорожный календарь», «Экономический календарь», в XIX в. добавились названия «Арес-календарь или Общий штат Российской империи», «Карманный календарь», «Народный календарь», «Природный календарь», «Стенной календарь», «Месяцеслов или Общий штат Российской империи», «Карманный месяцеслов», «Санкт-Петербургский карманный месяцеслов», «Придворный месяцеслов», «Стенной месяцеслов» и т. д. В период 1785-1793 гг. лучшие из статей издавались под редакцией Н.Я. Озерецковского под названием «Собрание сочинений, выбранных из месяцесловов». Эти издания сообщали основные «календарные» сведения — простой или високосный будет год, расписание церковных праздников, дни рождения знатных особ, как российских, так и европейских, а также ожидающиеся астрономические явления — солнечные и лунные затмения, явления комет и т. п. В месяцесловах помещались популярные статьи (обычно анонимные), рассказывающие о строении Солнечной системы, о планетах, звездах и кометах. Главной задачей этих статей была популяризация астрономических сведений и борьба с предрассудками, хотя, идя навстречу читательским вкусам, эти же издания помещали и астрологические прогнозы и «рудометы» (указания, когда лучше пускать кровь). Авторы или, как они сами называли себя, «календарописцы», несмотря на обычную в таких изданиях анонимность, пытались оправдать астрологические разделы ссылками на их невинный, а иногда как бы даже «игровой» характер. «Полагаются сии правила ради тех людей, которые верят, что сила аспектов наше здравие пременити, немощным много помогает здравое увещевание и мнение, яко же о бесчисленных примеров явно, из которых слудующие есть: “некоего поселянина немощного жена приходя к лекарю просила его, что б мужа излечил,

лекарь обычайно взяв бумажку, написал в аптеку о лекарстве, и ону же жене отдав, сказал: “Сие чтобы муж твой все проглотил”. Она же мнила, что лекарь хочет, дабы муж ее бумажку проглотил. Возвращаясь в дом, мужу бумажку проглотить дает, который крепко веря, что ему сия бумажка поможет, всю хотя и с трудностью, проглотил, и скоро от тяжкой болезни освободился. То же разумеи о правилах астрологических, помощи бо иногда могут наипаче тем людям, которые сему поселянину надобны суть»¹.

Очень важной информацией было «Известие, в которые дни в императорском столичном городе Санктпетербурге почта приходит и отходит». Так, например, «**Немецкая почта**. Приходит в воскресенье и в четверг. Письма привозит из Голландии, Франции, Италии, Гишпании, Дании, Польши и из всей немецкой земли, так же из Курляндии, Лифляндии и Эстляндии. Отходит во вторник и в субботу по полудни в 9 часу вначале и отвозит письма во все вышеуказанные государства и земли.

Выборгская почта. Приходит в среду. Отходит в пятницу в полдень.

Московская почта. Приходит в субботу и во вторник. Письма привозит из всей России. Отходит в понедельник и в четверг по полудни в 9 часу в начале.

Архангелогородская почта. Приходит в среду. Отходит в понедельник в 9 часу в начале. Письма отвозит также в Каргополь и в Новую Ладогу.

Кронштадтская почта. Которая учреждена ради облегчения коммерции и способности в отправлении публичных дел, отправляется в летнее время, как долго по морю ездить можно, ежедневно, как из Санктпетербурга в Кронштадт, так и оттуда назад, по полудни в начале 10 часа, а приходит туда и сюда поутру в 7, 8 и 9 часу, потому как между Кронштадтом и Ораниенбаумом (где она через море переезжать принуждена) ветер ей противен или способен бывает»².

---

¹ К а л е н д а р ь или месяцеслов исторический и генеалогический на лето... 1730. Б. с.

² С а н к т п е т е р б у р г с к и й календарь на лето. 1743. Б. с.

В 1787 г. Федором Туманским, автором «гисторий» о Петре I был издан «Новый детский месяцеслов», который, впрочем, отличался от «взрослых» лишь названием и обзорным характером. Как и в настоящем, в нем говорилось «обо всем на свете». Так, например, в нем сообщалось, что «Греко-российская церковь начинает недели с субботы вечера. Гражданские недели начинаются с понедельника утра»¹. Или: «Европейцы все считают день с полуночи до полуночи. Астрономы от полудня до полудня. Итальянцы от захождения солнца. Турки через четверть часа по заходе солнца. Древние и все восточные народы от восхождения солнца. Жиды от захождения солнца»². Из месяцеслова дети могли узнать не только общие сведения о строении мира, но и такие сведения «О семи планетах», которые указывали на связь свойств характера людей, природных и погодных условий от господства планет. Так, например, люди, родившиеся в год планеты Сатурн, «хитры, скупы, нелюбимы, памятнозлобны, но трудолюбивы»; в год Юпитера — «счастливы, верны, милосерды и добродетельны»; в год Марса — «лживы, ссорливы и непостоянны»; в год Солнца — «высокого ума, чисты, веселы, но вспыльчивы»; в год Венеры — «очень пригожи, влюбчивы, охотны к музыке»; в год Меркурия — «слабы здоровьем», в год Луны — «непостоянны, горды, не весьма счастливы и скупы»³. Интересно описание политической системы России: «Правление кроткое монархическое. Вера первенствующая грекороссийская при терпимости прочих»⁴. В конце приводится «Летоисчисление Российское» «от сотворения мира» до «открытия в губерниях народных училищ» в правление Екатерины II. К числу «детских изданий» относится и небольшая книга Л.Ф. Сабакина «Малое здание, или Разговоры, касающиеся до астрономии, физики и механики, основанные на ясных доказательствах и самопростейших опытах... в пользу малолетних

¹ Т у м а н с к и й Ф. Новый детский месяцеслов с краткою историею, географиею и хронологию, всеобщую и всероссийскою и примечаниями из астрономии». СПб., 1787. С. 7.

² Там же. С. 9.

³ Там же. С. 58-64.

⁴ Там же. С. 209.

детей» (М., 1789). Ее автор Лев Федорович Сабакин, был представителем характерного для России сословия «самоучек»¹. Работая мелким служащим Тверского уголовного суда, в свободное время он сделал настенные «астрономические» часы². Его таланты не остались незамеченными Екатериной II, которая отправила его в Англию усовершенствоваться в науках, прежде всего в механике. Большое значение для образования имели для него сочинения «философа-самоучки», как называл его Босуэлл, члена Королевского общества Джеймса Фергюсона, книгу которого «Лекции о разных предметах, касающихся механики, гидростатики, пневматики и оптики» («Lectures on Select Subjects in Mechanics, Hydrostatics, Pneumatics and Optic», 1784) он перевел. Этот перевод вышел в России в 1786 г., хотя главы, касающиеся астрономии, а так же оптики и пневматики, были отвергнуты³. «Малое здание» написано так же под влиянием сочинений Д. Фергюсона, в частности, его «Простого введения в астрономию для юных джентльменов и леди» («An Easy Introduction to Astronomy, for Young Gentlemen and Ladies», 1768)⁴. Сочинение представляет собой диалог взрослой сестры с младшим братом, поясняющей ему основные принципы устройства мироздания и Вселенной. Очень ярко написаны страницы, где приводятся рассуждения о природе света. Подробно разбираются недостатки как корпускулярной теории света Ньютона, так и волновой Эйлера. Видно, что этот «вечный вопрос» физики не раз заставлял размышлять российского мыслителя. Слова просвещения вложены в уста молодой девушки, так же как в женские уста в «Детской философии» А.Т. Болотова⁵. В книге Сабакина астрономические знания низводятся до ясных и очевидных истин. Девушка объясняет брату

---

¹ См. о нем: К р о с с Э.Г. У Темзских берегов. Россияне в Британии в XVIII веке. СПб., 1996. С. 217-224.

² Там же. С. 217.

³ Там же. С. 218-219.

⁴ Там же. С. 221.

⁵ См.: А р т е м ь е в а Т.В. Способ философствования и традиции культуры (К 250-летию А.Т. Болотова) // Патриотические традиции русской культуры. СПб., 1993. С. 147-163.

причину лунных и солнечных затмений, смену дня и ночи, времен года, устройство Солнечной системы, используя наглядные примеры и подручные средства. Интересно, что в книге обсуждается и пресловутая проблема «перемены времяисчисления». На вопрос младшего брата, отчего «у нас календарь не переменяет? Мне кажется, что это только одного повеления стоит»¹, сестра отвечает, что это может вызвать большое недовольство «простого народа».

В литературе широко обсуждался вопрос и «о внешнем виде земли». В этом вопросе мнения английских и французских ученых, а так же их российских последователей разделились. И те и другие и третьи признавали, что Земля не имеет «совершенной круглости». Англичане полагали, «будто Земля сжатую при обоих полюсах круглость и следовательно померанцу или апельсину подобный вид имеет, а другая партия утверждалась напротив того, в том, будто вид земли к полюсам больше продолговат, и с дынею ил лимоном сходен»². Критерием истинности в вопросе о том, какому же фрукту можно уподобить нашу планету стало то, что французы со временем изменили свое мнение, «отчего можно заключить, что сии примечания весьма правильны находились, понеже французы прежнего своего с такую ревностью защищенного мнения конечно бы не отложили, ежели бы в неисправности оногo, и в истине другого тому противного мнения явным и несомненным свидетельством изобличены не были»³.

Популярные журналы часто публиковали рассуждения на темы космологии. Так, например, издававшаяся в Тобольске «Библиотека ученая, экономическая, нравоучительная, историческая и увеселительная в пользу и удовольствие всякого звания читателей» печатала статьи «Нечто о земном шаре». Помимо самых общих сведений о строении Вселенной, в ней, например, приводилось астрономиче-

---

¹ С а б а к и н Л.Ф. Малое здание, или Разговоры, касающиеся до астрономии, физики и механики, основанные на ясных доказательствах и самых простейших опытах... в пользу малолетних детей. М., 1789. С. 9.

² О в н е ш н е м виде Земли // Примечания на Санкт-Петербургские ведомости. 1738. Ч. 27. С. 109.

³ Там же. С. 110.

ское описание тех космических преобразований, которые необходимо было совершить Богу для совершения Всемирного потопа. «Дни и ночи были бы всегда равны, если бы земля не наклоняла свою ось, но всегда бы экватором своим стояла к Солнцу. Таково необходимо должно было быть положение оси ее до потопа, если бы то правда, что в то время была всеобщая весна, как то можно о сем заключить

1-е по долговременной жизни первых человеков

2-е по преданию, оставляющемуся в древних писателях

3-е по новости радуги после потопа, из чего можно заключить, что прежде не было ни дождя, ни других воздушных явлений, а обильная роса, единообразная умеренность воздуха и беспрестанное равенство. Но Бог восхотел удалить Землю на 23 градуса и наступил иной порядок вещей, открылись новые небеса и новая земля»¹.

Некий «русский автор», под псевдонимом N.N. доказывал, что неприятие коперниканской системы связано с неправильной интерпретацией библейского текста, а в конце концов, с неправильным словоупотреблением. Как известно, главный аргумент против гелиоцентризма, основанный на Библии, заключается в том, что Иисус Навин, сражаясь против своих врагов «воззвал к Господу ... и сказал пред Израильтянами: стой, солнце над Гаваоном и луна над долиною Аиалонскою! И остановилось солнце и луна стояла, доколе народ мстил врагам своим...»² Указание на то, что «солнце стояло», предполагает, что обычно оно не стоит, а движется и движется, как видно каждому, с востока на запад, в то время, как Земля неподвижно покоится, позволяя светилу освещать себя с разных сторон. Нет смысла возвращаться к поиску логических противоречий в этом аргументе. Достаточно заметить, что чудо, попрошенное Иисусом Навином и дарованное ему Богом, не противоречит ни одной из умозрительных конструкций Вселенной, так как не связано с ними,

---

¹ Н е ч т о о земном шаре // Библиотека ученая, экономическая, нравоучительная, историческая и увеселительная в пользу и удовольствие всякого звания читателей. Т. 2. Тобольск, 1793. С. 15.

² И и с. Н. 10, 12-13.

а принадлежит одной лишь Божией воле. Однако, N.N. пошел по другому пути и предположил в словах Иисуса Навина нестрогий смысл, принадлежащий обыденной манере формулировать свои мысли. Понятие «солнце всходит», «солнце движется по небу» и т. п. представляет собой не более чем застывшие словосочетания, смысл которых давно изменился. «Астрономы, как и простой народ, говорят, что Солнце восходит и Солнце заходит, и так будут говорить во веки, применяясь к общенародному мнению и к тому, как чувствам нашим представляется, хотя и уверены, что Солнце места своего не перемещает»¹, — пишет он. Кроме того, «Священное писание, когда не для открытия нам физических истин что-нибудь повествует, то изъясняет себя согласно с общенародными мнениями»².

Сведения, предоставляемые «академической» наукой, чаще всего пребывали в пространстве «посвященных». Обыденное сознание довольствовалось приблизительными формулировками проблем и почти совсем не различало «небо» и «Космос». Это видно по большому количеству популярных как отечественных, так и переводных изданий, опубликованных и распространявшихся в рукописях и посвященных космологическим проблемам. Один из них, «Библейский и эмблематический словарь», заканчивающийся на букве «К» многозначительной статьей «конец всех вещей», (судя по всему, перевод с немецкого) в статье «Звезды» отмечал определенные противоречия между священным писанием и современными астрономическими знаниями. Иисус говорил, что звезды падут с небес (Матф. XXIV, 29), «ныне возражают, что сего быть не может потому, что звезды суть великие тела мира, большие, нежели Земля. Итак, они удобнее сомневаются в словах Иисусовых, нежели в сказках астрономов, кои, однако еще не верны, даже Ниевентит еще не уверен и в системе коперниковой»³. Издания такого рода не различали так же «физику», в частности, механику, от «метафизики». Так, в статье

---

¹ N. N. О системе мира // Собеседник любителей русского слова. Ч. II. СПб., 1783. 190-191.

² Там же. С. 190.

³ Б и б л е й с к и й и эмблематический словарь». РО РНБ. О. III. N 91. С. 305.

«Воля» читаем: «...две противные центральные силы, усмотренные Невтоном в твари, суть причина (основание) самодвижения. Бог из основания своей свободы погрузил в тварь две противные силы, чтобы тварь не была от вечности, но имела начало и конец и чтобы неисчерпаемая случайность или контингенция твари имели истинное основание в свободе, но при том бы характер свободы от Бога получала в самодвижении, им истребляется пантеизм, или спинозизм из корня своего.

Самодвижением переменяет вещь состояние свое, сама собою без двигания от другой вещи, и сия действующая сила из себя самой есть в душах воля, а в телах — самопобуждение»¹.

Популярные космологические сведения публиковались в небольших книжечках, написанных от лица «простого человека» и предназначенных для народа. Так, небольшая «Книга Наума о великом Божиим мире» написана от лица крестьянина, главная характеристика которого заключается в следующем: «Бог умудрил его разумом. Разум свой просветил он наукою»². Наум представляет собой законченный образец «просвещенного пейзанина», любящего знания и разделяющего радость познания со своими ближними. Просвещенность Наума накладывает отпечаток даже на обстановку, в которой он живет. «У Наума было все то же, что и у других крестьян, но только все — и в поле и в доме было как-то лучше, чем у других»³. «Сочинение» Наума представляет собой свод популярных географо-космологических сведений. Оно включает такие главы, как «Разговор о том, что называется миром и что такое наша Земля», «Разговор о Солнце и движении Солнца», «О движении Земли, о небосклоне и о странах света, и о том, как происходит день и ночь», «О месяце или Луне и о затмениях», «О планетах и спутниках», «О солнечном и земном мире, и о том, что есть вещество, и до какой чрезвычайности оно делимо», «О звездах», «О сотворении мира». Уже устоявшиеся научные знания приобрели в этой книге

---

¹ Там же. С. 89.

² К н и г а Наума о великом Божиим мире, изданная Михайлом Максимовичем. М., 1833. С. III.

³ Там же.

популярно-популистскую форму. Автор пробует даже русифицировать и «опрощать» специальные астрономические термины, переводя их на язык обыденного сознания. Так, Солнце называется «самосветным шаром», иллюзия того, что именно оно движется вокруг Земли, — «глазным обманом», астрономия — «звездозаконием», небосклон — «оглядом», экватор — «равноденником», тропики — «поворотниками» или «солнцостоятельными кругами». Приводятся даже примеры некоторого «астрономического фольклора», возможно выдуманного самим автором. Так, Наум говорит своим слушателям, что звезду Сириус «мы, русские, называем *Петром Великим*, ибо как сия звезда ярче всех неподвижных звезд на небе, так сей русский царь славнее всех царей на земле»¹. В заключении приводится небольшой свод географических сведений, в том числе изображение земного шара «с нашей стороны», на котором помечены Европа, Азия, Африка и Россия, которой, таким образом, как бы придан статус части света.

Ф.И. Соймонов в книге «Краткое изъяснение о Астрономии» отмечал, что астрономия имеет два «камня преткновения». Это — система Космоса и «обитание в небесных корпусах»². Очевидно, что эти проблемы имели не только естественнонаучное, но и важное мировоззренческое значение. Не случайно в 1784 г. в журнале «Собеседник любителей Российского слова» появляется фантастическое сочинение В.А. Левшина «Новейшее путешествие, сочинено в г. Белеве», представляющее собой описание утопического общества на Луне. «Звездное небо над головой» заставляло задумываться над тем как устроен мир. Ответа ждали и от ученых, и от философов.

---

¹ Там же. С. 51-52.

² С о й м о н о в В.Ф. Краткое изъяснение о Астрономии, в котором показаны величины небесных тел, купно в порядке в их расположении и движении по разным системам и о величине и движении Земнаго Глобуса... М., 1765. С. 84.

ЛЕОНАРД ЭЙЛЕР КАК ФИЛОСОФ

Был ли Эйлер философом? Авторитетных высказываний, отрицающих это можно привести множество. Насмешник Вольтер в сатирическом сочинении «Едкая критика на доктора Акакию», заявлял, что «он никогда не изучал философию, о чем надо откровенно пожалеть»¹, Лагранж писал Д'Аламберу: «Наш друг — великий математик, но достаточно плохой философ»², а также, уже по поводу теологического труда Эйлера «Комментарии на Апокалипсис», что «в метафизике он ребенок»³. Подобные высказывания можно умножить, однако они скорее основаны на эмоциональной констатации того факта, что у человека, получившего прозвание *princeps mathematicorum*, не было некоей Системы, в которой он со строгой ясностью расставил бы точки над философическими *i*.

---

¹ Цит. по: Т и л е Р. Леонард Эйлер. Киев, 1983. С. 89.

² Цит. по: Б о г о л ю б о в А.Н. Механика второй половины XVIII века // Механика и физика второй половины XVIII века. М., 1978. С. 27.

³ Там же. С. 27.

Характер философии, которую развивал Эйлер, не предполагал ее систематического изложения «в чистом виде». В письме к своему коллеге по Петербургской Академии, занимавшему там некоторое время кафедру логики, метафизики и морали, Георгу Бернгару Бильфингеру, ученику и протеже Христиана Вольфа, Эйлер отвергает идею последнего о необходимости отделения метафизики от физики. Как известно, одна из главных идей Вольфа заключалась в попытке максимально упорядочить различные сферы знания, проведя между ними четкие границы. Эйлер же полагал, что «метафизическое учение должно основываться на физике, т. е. должно путем абстракции выводиться из явлений сложных субстанций, поскольку сколь бы мы не отделяли метафизические абстракции от физических, все же они ни в коем случае не могут прямо противоречить друг другу»¹. И действительно, метафизические рассуждения естественнонаучные изыскания связаны в его сочинениях довольно тесно. Развивая механическую теорию движения тел, прежде чем перейти к расчетам и формулам, Эйлер излагает свое понимание проблемы пространства, места, движения. Он задается вопросом, в дальнейшем обстоятельно исследовавшимся Кантом, — способны ли мы постигать что такое пространство и место посредством чувств и полагает, что такого рода понятия есть результат размышления². Само название его работы «Теория движения твердых тел, выведенная из первоначальных принципов нашего познания и примененная ко всем движениям, которые могут иметь этого рода тела» (1765) показывает место философских предпосылок для формирования физической теории.

Некоторое «смещение» философских и естественнонаучных проблем и методов было свойственно не только Эйлеру, но и многим его коллегам. Философские аргументы часто использовались в физике, равно как научный опыт — для решения философских проблем. Способ познания казался одинаковым во всех областях, каж-

---

¹ Эйлер Л. Письма к ученым. М., 1963. С. 16.

² См.: Франкфурт У.И. К вопросу о критике учения Ньютона о пространстве и времени в XV в. // Механика и физика второй половины XVIII в. М., 1978.

дое новое открытие высветляло вожделенную и всеобщую Истину. В мыслительной традиции последних трех четвертей XVIII века существуют два философских направления — одно с явно выраженным естественнонаучным акцентом («философствующие естествоиспытатели»), другое, занимающееся философскими проблемами чисто умозрительно, прибегая чаще у умозаключению, чем к опыту.

Российские мыслители XVIII века предполагали, что они преодолели односторонность монистических течений. Указанные направления, а в нашем контексте их можно назвать «линией Эйлера» и «линией Вольфа», соотносились друг с другом вовсе не как противоположные философские направления, а по типу «части» и «целого», где «целым» была философия, а «частью» — метафизика. Метафизика рассматривалась не как метод противоположный диалектическому, а как один из разделов философии, основным методом которого является умозрение. Таким образом, объектом философского исследования может быть любое явление — принадлежащее к объективной или субъективной реальности, материальное или идеальное, реально существующее, или гипотетическое. Если конечная цель — выяснение причин, будь это действие закона природы или способ соединения души с телом, — это рассуждение философское, если нет, то пусть даже речь идет о философских системах (классификация их, изложение содержания и т. д.) рассуждение такого рода философским назвать нельзя. Другими словами, не объект исследования, а способ рассмотрения определял с философией мы имеем дело или нет.

Из этого видно, что Эйлер бесспорно был философом в том смысле, какой придавался этому понятию в XVIII веке, и даже отчасти метафизиком. Бесспорной его заслугой является разработка проблем методологического характера.

Выше уже приводилось мнение самого Эйлера, полагавшего, что физика представляет собой эмпирическое основание для метафизики. Он настойчиво утверждал, что теория предваряет опыт, гипотеза — открытие. Обращаясь к маркизе дю Шатле, подруге Вольтера и автору научных трактатов, он писал, что гипотезы «являются

единственным способом, в результате которого можно прийти к достоверному познанию физических причин»¹.

В ряде своих работ и прежде всего в знаменитых «Письмах о разных физических и философских материях, писанных к некоторой немецкой принцессе» (а именно, к маркграфине Софии-Шарлотте Бранденбургской, юной родственнице Фридриха II) Эйлер продемонстрировал связь философских и физических представлений, в то же время, по возможности четко отделив их естественнонаучный смысл от метафизического. Так, анализируя учение о возможности множества миров и полемически противопоставленное ему вольфиантско-лейбнецианское положение о наилучшем из миров, Эйлер показывает, что в данном случае мы сталкиваемся с элементарной логической ошибкой — подменой тезиса, так как понятие «мир» в первом случае рассматривается как физическое, а во втором — как философское понятие. В физическом смысле мы подразумеваем по «миром» или систему звезд с планетами (именно такие «миры» имел в виду Фонтенель, когда говорил о их «множестве»), или планетарную систему «Землю со всеми животными ее обитающими, и в рассуждении сего каждая планета и каждый спутник равное право имеет сим именем называться, потому, что больше нежели вероятно, что каждое из сих тел так как и Земля обитаемо»². Мир как единство — это иное понятие: «В сем смысле слово мир берется в философии, где за главное основание полагается, что один только мир, который заключает в себе все, что ни создано прежде, что ныне созидается, и что впредь создано будет»³. В отличие от Вольфа, который разделял физику от метафизики по формальному признаку — объекту исследования, Эйлер пытается провести содержательный анализ. Правда это удастся ему далеко не всегда. Порой физические и философские категории у него как бы «перетекают» одна в другую. Таково понятие «силы», которую Эйлер рассматривает как «причину» изменения положения тел. «По-

---

¹ Эйлер Л. Письма ученым. С. 276.

² Эйлер Л. Письма о разных физических и философских материях. СПб., 1768. Ч. I, С. 241.

³ Там же. С. 242.

неже всякое тело, — пишет Эйлер, — по естеству своему сохраняет и покой и движение и не может состояние его переменено быть как от внешних причин, то отсюда следует, что неотменно потребна какая-нибудь внешняя причина, чтоб состояние его переменилось, а без того оно веки пребыло бы в одном и том же состоянии. Отсюда происходит, что сия внешняя причина называется *сила*¹. Мы видим, что здесь в одном ряду стоят физические («покой», «движение», «сила») и философские («естественное состояние», «причина») понятия, а приведенный фрагмент представляет собой как бы «сплав» принципа детермизма с первым законом Ньютона.

Общеметодологические принципы служили для Эйлера своеобразным критерием его научной теории. Так, он отвергал утверждение Ньютона, согласно которому притяжение есть свойство материи, прежде всего исходя из того, что это противоречило его философским представлениям: «Между тем, сие мнение, что притяжение есть существенное свойство материи подвержено толико другим неудобствам, что почти невозможно дать ему места в философии. Лучше думать, что то, что называется притяжением, есть сила, заключающаяся в тонкой материи, всю небесную обширность наполняющей, хотя нам и не известно, каким образом она сие производит. Надобно привыкать признаваться в незнании многих и других вещей»². Эйлер полагает, что основывая свои знания лишь на наблюдениях, мы никогда не сможем прийти к истине. Так, например: «Показавши, что закон необходимо истинен и что все тела сами собою сохраняют всегда то же состояние, еще напоминаю, что ежели бы мы в рассуждении сего на одних опытах утверждаться хотели, не призывая в помощь рассуждения, то бы надлежало заключить совсем сему противное и утверждать, что все тела имеют склонность переменять беспрестанно свое состояние, потому что в свете других примеров не видим»³. Вольфианско-лейбнизианское утверждение о том, что движение есть неотъемлемое свойство материи, а точнее каждой ее частицы — монады, Эйлер отвергает, ибо оно ос-

---

¹ Там же. С. 298.

² Там же. С. 303.

³ Там же. С. 304.

новано на «чистом умствовании» и не подтверждается ни теорией, ни фактами. Таким неотъемлемым свойством кроме протяжения и непроницаемости является инертность («грубость»). Он считает, что вопрос о движении, как неотъемлемом свойстве материи делит философов на две «секты» — тех, кто полагает, что любое тело стремится к покою и прекращению всякого движения, и тех, кто считает, что «тело по естеству своему силится беспрестанно изменять свое состояние, т.е., когда оно в покое, то силится, чтоб прийти в движение, а когда движется, то беспрестанно стремится переменить скорость и сторону, в которую движется»¹. Первое утверждение легко уязвимо — если перестать учитывать сопротивление среды, оно перестанет соблюдаться, второе противоречит физическим опытам. Эйлер выдвигает третье — неотъемлемым свойством тел является *сохранение* состояния, инертность («грубость», «ленность»). Спор о «неотъемлемом» свойстве материи есть, по сути, спор между физикой и метафизикой, хотя сами его участники не всегда это сознавали. Он свидетельствует о том, что натурфилософская картина мира начинает постепенно расслаиваться. Поэтому правы по сути оба его участника. Эйлер — как представитель науки, Лейбниц — как философ.

Натурфилософия выработала ряд синтетических категорий, которые использовала то в философском, то в естественнонаучном контексте. Это: «материя», «движение», «свет», «причина», «естественное состояние», «душа», «протяжение», «время» и т.д. Одной из них было понятие «эфира», сыгравшее важную роль в развитии физических и метафизических представлений того времени.

По мнению Эйлера, эфир «есть также жидкая материя, как воздух, но несравненно одного тона»². Иными словами это один из видов материи, другим ее видом является «тело». Свойствами тел являются протяжение, непроницаемость и инертность. Эфир этими свойствами не обладает, зато он обеспечивает притяжение и распространение света. Эйлер спорит с Ньютоном, высказавшим мнение, что природа света заключается в истечении с поверхности све-

---

¹ Там же. С. 295.

² Там же. С. 73.

тящегося тела некоего вещества («лучей», как «части» солнечного тела) и отражения его от тел, которые сами не являются источником света. Это привело бы к тому, что Солнце и другие звезды быстро «иссякли» бы, теряя такое количество вещества. Он мыслит иначе. Частицы Солнца, сотрясаясь, производят импульс, направленный в разные стороны. Он через эфир передается другим телам, поверхность которых начинает вибрировать вместе с источником света. Сила, сотрясающая частицы Солнца, нам пока не известна, но «сие нимало не противно здравому рассуждению»¹. Эйлер не был бы ученым, если бы не просчитал, что воздух не может передать кратный скорости света импульс: «К произведению чувствительного гласа, надобно, чтоб в одну секунду сделано было больше 30 и меньше 3000 трясений... воздух для грубости своей не может в одну секунду совершить 3000 трясений. Толь высокий глас совсем бы исчез. Равным образом должно думать и об эфире; три тысячи сотрясений в секунду, издаваемых в рассуждении эфира есть малое число: надлежит сотрясениям быть несравненно скоропостижнее, и несколько тысяч в одну секунду совершаться, чтоб могли действие произвесть в эфире и подвергнуть его к сотрясению»². Светящийся мир предстает перед нами как огромный музыкальный инструмент, где Солнце или звезды — огромные колокола, заставляющие звучать в унисон все другие. Эта «музыка сфер» находится за пределами человеческого слуха, мы воспринимаем эти явления как зрительные. Картина, нарисованная Эйлером, впечатляет. Пульсирующие пространства, гармонизирующие поверхности, готовые подхватить и умножить «первозвук». Свет в рассуждении эфира есть то же, что звук в рассуждении воздуха»³. Он есть волна, импульс, свойство, идея, возбуждающая ум, а не «внедряющаяся» в него извне.

«Волновая» и «корпускулярная» теории света были тесно связаны с гносеологическими представлениями эпохи. Во-первых, здесь сказан был живущий в христианской культуре образ света как символа знания и истины (отсюда — просвещение, иллюминатство, «свет»

---

¹ Там же. С. 85.

² Там же. С. 85-86.

³ Там же. С. 101.

знания и т.п.), во-вторых, последовательное проведение единого метода во всех областях познания.

Эйлер полагает, что душа (также как и свет) не является каким-то особым видом материи. «Душа моя не пребывает, — пишет он, — но только действует»¹. Наивны попытки найти «седалище» души — «полно было бы вопрошать: «Где дух вмещается?», ибо как скоро с духом соединено будет место, то тем самым припишется оному протяжение»². Поэтому «ничего не может быть страннее, как утверждать, что материя может мыслить»³. И далее: «Мыслить, рассуждать, умствовать, чувствовать и хотеть — суть качества с естеством тел несовместные, и существа ими одаренные должны быть совсем отменные. Оные суть *души и духи*, а существо, в высокой степени оными обладающее есть Бог»⁴. (Напомним, что свойствами тел являются протяжение, грубость (инертность), непроницаемость — «качества всякое чувствование исключают»⁵).

Эйлер активно возражает Лейбницу, полагающему, что материальный мир построен из протяженных монад. «Точка, сколько бы раз мы ее не взяли, — пишет он, — не составляет линии, а подавно объема тела, одинаково относится к мыслящим и не мыслящим точкам. Пусть монады — духи. Несколько духов, вместе взятых, могут составить компанию, ассамблею, совет, сенат, но никак не протяжение»⁶. Думается, что Эйлер не совсем понял Лейбница, который конечно не был так примитивен. Если для Лейбница отношение тела и души есть отношение элемента и структуры, что позволяет установить между ними состояние гармонии, то Эйлеру, не могущему согласиться с возможностью качественного перехода от монады к материи, такое объяснение явно не подходит, как и декартовская сис-

---

¹ Эйлер Л. Письма о разных физических и философских материях. СПб., 1768. Ч. II. С. 53.

² Там же. С. 52.

³ Там же. С. 2.

⁴ Там же. С. 2.

⁵ Там же. С. 3.

⁶ Цит. по: Лурье С.Я. Эйлер и его «исчисление нулей» // Леонард Эйлер (1707-1783). Сб. статей и материалов к 150-летию со дня смерти. М., 1935. С. 65. Прим.

тема случайных причин. Он представляет себе «вещественное действие души на тело и тела на душу, так, что тело, посредством чувств преподает душе первые понятия о внешних вещах, и что душа, действуя непосредственно на нервы в том самом месте, где они начинаются, в членах тела нашего производит движения»¹. Между телом и душой он помещает некую среду, способную не только воспринять материальный импульс, но и передать, и преобразовать его. Аналогия с волной и эфиром здесь очевидна.

Будучи убежден в том, что данные чувства находятся в соответствии с материальным миром, Эйлер пишет своей ученице: «Я бы желал преподавать В[ашему] В[ысочеству] орудие, которым бы можно было бороться против идеалистов и эгоистов и доказать, что есть вещественный союз между чувствованиями нашими и предметами, но чем больше о сем помышляю, тем больше чувствую свое бессилие»². Он приходит к выводу, что логическим путем доказать правильность убеждений сторонников того или иного направления нельзя: «Невозможно уверить о бытии тел такого человека, который упорно хочет отрицать оно»³. Ему остается лишь шуточно заметить, что «пес, который, видя меня, лает, совершенно уверен о бытии моем, ибо присутствие мое рождает в нем обо мне понятие. Посему пса сего не можно назвать идеалистом»⁴.

Сам Эйлер придерживается дуалистической точки зрения. Такая позиция дает ему возможность решить вопрос о происхождении в мире зла. Ведь если бы мир состоял только из материи, он был бы подобен машине, делающей только то, что заложено в нее мастером, и в происхождении зла следовало бы винить «первомеханика» — Бога, недостаточно хорошо отладившего эту машину и допустившего в ее работе серьезные сбои. Так мыслил, например, Вольтер, когда в «Поэме о гибели Лиссабона», написанной по пово-

---

¹ Эйлер Л. Письма о разных физических и философских материях. СПб., 1768. Ч. II. С. 10.

² Там же. С. 72.

³ Там же. С. 72.

⁴ Там же. С. 73.

ду катастрофического землетрясения, ставит вопрос о том, что никто, кроме Бога не мог быть творцом мирового зла:

Но как постичь творца, чья воля всеблагая,
Отцовскую любовь на смертных изливая,
Сама же их казнит, бичам утратив счет?
Кто замыслы его глубокие поймет?
Нет, зла не мог создать создатель совершенный,
Не мог создать никто, коль он творец вселенной.
Все ж существует зло¹.

Эйлер полагал, что источником зла не может быть ни Бог, ни материя. Оно может появиться в результате активности души, которой присуща способность проявлять свою волю, также как телам свойственно протяжение и непроницаемость. «Воля всякому духу есть свойство толь естественное, что ни сам Бог отнять от него не может, равно как не может тело лишиться притяжения или грубости, не уничтожая оног»². Воля, в свою очередь, есть способность совершать поступок самостоятельно, возможность неоднозначной реакции, в том числе и ошибочной, на ту или другую ситуацию. «Воля влечет за собой возможность грешить; посему, когда Бог ввел в мир духи, то от того самого произошла и возможность греха, и невозможно бы было отвратить оног как испровержением или истреблением оных. Таким образом, исчезают все жалобы против греха и против плачевных следствий от него истекающих, и благодсть Божия избавляется от всех нареканий»³.

Создав два вида существ, Бог управляет ими по-разному. Материальными телами — с помощью законов механики, а душами — с помощью заповеди. Дух не может быть принужден к чему-либо — это его свойство. В противном случае для Бога не было бы ничего более легкого, чем превращение всех грешников в праведников. «Бог инако действует на тела и инако на духи. Что касается до тел,

¹ В о л ь т е р. Философские сочинения. М., 1988. С. 721.

² Э й л е р Л. Письма о разных физических и философских материях. С. 45.

³ Там же. С. 22.

то он предписал им законы движения и покоя, по которым все в них перемены должны следовать непременно, и тела не иное суть, как существа страждущие, кои сохраняют свое состояние, или непременно должны повиноваться взаимному одного на другое действию... Духи, напортив того, не подвержены ни малейшему принуждению, и Бог предписанием только заповедей ими управляет»¹.

Мир материальных тел уже завершен, в отличие от мира духа, где гармония еще не достигнута: «В рассуждении тел воля Божия уже совершенно исполнена, но в рассуждении существ одушевленных, как человеков, часто бывает сему противное. Когда говорят, что Богу угодно, что б мы любили друг друга, то сие произволение есть совсем другое: оно есть заповедь, которой люди должны бы были повиноваться, но сколь мало оную исполняют! Бог человека к исполнению и не принуждает, ибо принуждение противно было бы воле, которая составляет существо человека, но к исполнению сея заповеди хочет убедить побуждениями, на спасении его основанными, и человек волен исполнять или не исполнять оную»². И далее: «Не можно иначе управлять духами, потому что в них принуждение места иметь не может. Итак, какие духи преступили потом сии заповеди, то они сами тому виною и сами должны в том ответствовать; Бог ни малейшего в преступлении их не имеет участия»³. Таким образом, «в мире заключаться будут два рода приключений, одни, в коих духи никакого участия не имеют, будут телесные и зависящие от самой машины, как движения и явления небесные, кои непременно следовать должны, так, как движение в часах и зависит единственно от первоначального установления мира. Другие, зависящие от душ человеческих и других животных, сопряженных с их телами, уже не будут необходимо нужны как прежние, но зависеть будут от воли и от произволения существ душами озаренных»⁴. Именно такая «двойственность» мира делает его непохожим на механизм. Подобная «двойственность» свойственна и человеку, по-

---

¹ Там же. С. 35.

² Там же. С. 35-36.

³ Там же. С. 40.

⁴ Там же. С. 30.

этому неправомерно уподобление его машине. Рассуждения Эйлера отрицают не только возможность жесткого детерминизма, внося в рассуждения о мире элемент непредсказуемого, но и отрицают в конечном итоге концепцию божественного предопределения — одно из оснований протестантизма. Необходимость и случайность принадлежат у него разным сферам — необходимость телесной, а случайность — духовной. Но мир един и поэтому они связаны в единое целое.

Интересны размышления Эйлера о природе языка и его роли в познании. Он пишет: «Язык нужен для человека не только для того, чтоб другим сообщать свои чувства и мысли, но для удобрения разума и распространения своих знаний. Ежели б Адам один был в раю, то без помощи языка пребыл бы в глубоком незнании. Язык ему был потребен не столько для отличения знаками вещей, чувства его поражающих, сколько для означивания общих понятий, которые бы он оттого приобрел, чтоб сии знаки ему служили вместо самых познаний»¹. Невозможно помыслить о какой-нибудь вещи, иначе, как в форме понятия, но понятия — это всегда некоторое общее знание. Если бы для каждого предмета необходимо было бы особенное слово, то язык был бы бессмысленным: «Слова каждого языка означают общие знания, и редко можно найти такое слово, которое бы означало одну особенную вещь»². В самом понятии нет ничего вещественного, «оно есть деяние души»³. К способностям души относятся также: «чувства» (ощущения и восприятия), «воспоминание» (представление), «внимание», с помощью которого душа приобретает простые понятия, «отделение» (анализ и синтез, абстрагирование и умозаключение). Понятия могут быть простыми и сложными. «Понятие простое есть то, в котором душа ничего не находит; чтобы различать могла и никакого различия в частях не усматривает», а «сложное понятие есть воображение, в котором душа может различать многие вещи»⁴. В зависимости от внимания

---

¹ Там же. С. 93-94.

² Там же. С. 90.

³ Там же. С. 74.

⁴ Там же. С. 78.

они также могут быть темными и ясными. Если «почти невозможно помыслить о самой вещи не имея слова, которое бы с оною сопряжено не было»¹, то в естественном языке обычно отсутствуют и слова для обозначения вещей, которые народу-носителю этого языка неизвестны. Так, «в русском языке не было слова изобразить то, что мы на французском называем Justice»².

Эйлеру не свойственны односторонность эмпиризма и рационализма. Он не согласен с тем, что понятия могут быть своеобразными «отпечатками» в тонкой материи мозга. Если бы это было так, то как бы мы могли забывать и вспоминать, спрашивает он. Понятия — это результат обобщения чувственных данных. «Познания наши не ограничены чувственными понятиями, — пишет он, — сии самые понятия приведенные, через отделение рождают в нас общие понятия, которые заключают в себе великое множество других неделимых понятий, и коликое множество понятий сооружаем о качествах и случайностях вещей, которым ничего не соответствует, чтобы было телесно, как, например, понятие о добродетели, премудрости и проч.»³ Эйлер называет три источника истин: это физическая достоверность, постигаемая нами через чувства, логическая достоверность — через рассуждения и моральная — через исторические факты, поэтому и истины можно условно разделить на чувственные, мысленные и исторические (основанные на мнении других людей). В процессе познания мы не можем постигнуть сущности отдельных вещей во всей ее тонкости. Познание конкретного всегда не завершено и может быть продолжено до выяснения новых и новых подробностей. Это обстоятельство вызвало к жизни «секты, кои утверждают, что нет ни единой вещи, которой бы сущность нам была известна»⁴. Он полагает, что отчасти они правы, ибо обозначают реальную существенную проблему невозможности абсолютного познания.

---

¹ Там же. С. 94.

² Там же.

³ Там же. С. 146.

⁴ Там же. С. 193.

С характерным для представителя естественных наук сциентизмом, Эйлер критически относится к гносеологическим возможностям метафизики, пренебрежительно называя ее «пустым умствованием». Сами ее понятия, по его мнению, служат лишь для того, чтобы запугать ясные и четкие положения, а также создать иллюзию собственной значимости. Он пишет: «...Весьма трудно и кажется поносно философу признаться в незнании своем о чем бы то ни было. Выгоднее защищать наивеличайшие нелепости, особливо когда кто имеет дар затмевать оные непонятными словами, коих никто разуметь не может»¹.

Опыт, наблюдение — вот, по его мнению, единственное, что может служить доказательством истинности или ложности того или иного утверждения.

Таким образом Эйлер вновь доходит до черты, где уже окончательно расходятся пути философии и науки. Сам он еще принадлежит эпохе «синтетических» мыслителей, «вынужденных» быть энциклопедистами, но его последователи и ученики должны были сделать выбор. Прав оказался Вольф — математика и физика пошли разными путями.

Петербургская Академия сыграла в жизни Эйлера огромную роль. И не только потому, что он отдал ей значительную часть своей жизни (с 1726 по 1740 гг. и с 1766 по 1783 гг.). В это же время в Петербурге созданы были уникальные условия для научной работы. В 1740 г. Эйлер принял приглашение прусского короля Фридриха II и до 1766 г. работал в Берлине. Однако он не порвал с Петербургской Академией, оставшись ее иностранным членом, и активно сотрудничал в математическом отделе этого журнала, благодаря чему тот «сохранил свою репутацию одного из ведущих физико-математических изданий Европы»². Когда он в 1766 г. покинул Берлин, Фридрих II язвительно писал д'Аламберу: «г. Эйлер, до безумия

---

¹ Там же. С. 96-97.

² К о п е л е в и ч Ю.Х. Эйлер — член Петербургской Академии наук, действительный и почетный // Развитие идей Леонарда Эйлера и современной науки. Сб. ст. под ред. Н.Н. Боголюбова, Г.К. Михайлова, А.П. Юшкевича. М., 1988. С. 56.

любящий большую и малую Медведиц, приблизился к северу для большего удобства к наблюдению их. Корабль, нагруженный его х, z, его k, потерпел крушение — все пропало, а это жалко, потому что там было чем наполнить шесть фолиантов статей, испещренных от начала до конца цифрами. По всей вероятности Европа лишится приятной забавы, которая была бы ей доставлена чтением их»¹.

Екатерина, приглашая Эйлера вернуться в Россию, понимала его уровень как ученого. Она писала канцлеру Воронцову: «Я дала бы ему, когда он хочет, чин (зачеркнуто: коллежского советника), если бы не опасалась, что этот чин сравнивает его со множеством людей, которые не стоят г. Эйлера. Поистине, его известность лучше чина для оказания ему должного уважения»².

Обладая феноменальной работоспособностью (по подсчетам Р. Тиле, Эйлер делал примерно одно серьезное открытие в... неделю, был автором 760 статей и 40 книг!³), и счастливой способностью, о которой писал И. Бернулли, «отвлекаться без досады от самых сложных выкладок и потом опять так же легко возвращаться к ним и находить прежнюю нить»⁴, Эйлер, тем не менее, нуждался в социальных институтах, могущих соответствовать его одаренности. В его судьбе счастливо соединились две линии — личная гениальность и общественная потребность в гении.

«Для России чрезвычайно характерно, — пишет В.И. Вернадский, — что вся научная творческая работа в течение всего XVIII и почти всего XIX веков была связана прямо или косвенно с *государственной организацией*»⁵. Это высказывание можно отнести и к XX веку, когда могучий Левиафан с такой же легкостью уничтожил условия, порождающие Разум, с какой когда то их насаждал.

---

¹ П е к а р с к и й П. История Императорской Академии наук в Петербурге Т. 1. СПб., 1870. С. 292

² Там же. С. 291.

³ См. Т и л е Р. Леонард Эйлер.

⁴ П е к а р с к и й П. История Императорской Академии наук в Петербурге. С. 296.

⁵ В е р н а д с к и й В.И. Очерки по истории естествознания в России в XVIII столетии // Труды по истории науки в России. М., 1988. С. 66.

Способность работать с гениальным результатом — дар редкий, но недостаточный. Современная наука требует много больше того, что в свое время было представлено Эйлеру в России.

Станет ли опять Петербург «раем ученых» и одним из интеллектуальных центров мира, вероятно это в равной степени зависит и от того, насколько мы будем «богаты», и от того, насколько «просвещены». Еще основатель Берлинской Академии наук, покровитель искусств прусский король Фридрих II когда-то говорил: «В наши дни сплошь и рядом случается, что если европейское правительство не заботится о развитии науки, то в короткий срок, не превышающий столетия, оно останется позади своих соседей»¹. Не стоит дважды убеждаться в верности этого замечания.

---

¹ Цит. по: Т и л е Р. Леонард Эйлер. С. 134.

СИСТЕМА МИРА ПРОФЕССОРА БРАУНА

В деловой бумаге М.В. Ломоносова «Определение канцелярии Академии наук о переустройстве университета» можно прочитать: «В философском факультете философию преподавать имеет профессор Браун, экспериментальную физику он же, Браун»¹. Университету по штату полагался один профессор, преподающий одновременно философию и физику (попутно заметим, что областью научных интересов указанного Иосифа Адама Брауна (1712-1768) были еще астрономия и метеорология). Кроме того, он открыл свойство замерзания и ковкости ртути, был автором «De insigni viribus telluris mutationibus» (СПб, 1756); «De admirando frigore artificiali, quo mercurius est congelatus» (СПб, 1760); «De atmosphaerae mutationibus praecipuisearumque praesagiis» (СПб, 1759).

---

¹ Л о м о н о с о в М.В. Полн. собр. соч. Т. 9. М.; Л., 1955. С. 558.

Браун был энциклопедичен в своей преподавательской деятельности в лучших традициях вольфианства¹. Следует отметить, что основной своей специальностью Браун, вероятно, считал метеорологию, хотя помещал философские введения даже в работы по этой столь «прикладной» науке². В отчете о работе за 1765 год он раздельно отмечает свои занятия *Qua Academicus* и *Qua Professor in Universitate*. «Как академик» он занимается метеорологическими наблюдениями и экспериментальной физикой, а «как профессор университета» — чтением лекций по рациональной философии³. В 1759 г. он, судя по всему, был единственным, кто выполнил указание М.В. Ломоносова о том, что все профессора должны представить в Канцелярию Академии наук краткое изложение собственных курсов представил введение в философию под заголовком «*Idea Philosophicae generalis*»⁴.

Несмотря на преподавательскую неразбериху в Академическом университете, «теоретической и практической философии профессор» Иосиф Адам Браун исправно учил студентов. Его имя присутствует в сохранившихся расписаниях лекций академического университета — «Санктпетербургской Академии публичных наставлений» на 1748, 1761, 1762, 1766 гг.⁵ в качестве профессора, который не *собирается* читать лекции, но что

---

¹ Хр. Вольф во время пребывания М.В. Ломоносова в Марбурге вел занятия по 16 предметам — логике, философии, естественному праву и праву народов, политике, географии, хронологии, астрономии, математике, теоретической физике, механике, оптике, гидравлике, военной и гражданской архитектуре, пиротехнике. См. К у л я б к о Е.С. М.В. Ломоносов и учебная деятельность Петербургской Академии наук. М.-Л., 1962. С. 44.

² См. об этом: А р т е м ь е в а Т.В. История метафизики в России. СПб., 1966. С. 190-191.

³ ПФА РАН Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 294. Л. 177.

⁴ См. М а т е р и а л ы для биографии Ломоносова. Собраны экстраординарным академиком Билярским. СПб., 1865.

⁵ См. ПФА РАН. Фонд 3. Оп. 1. Ед. хр. 119. Л. 143-144; ПФА РАН. Фонд 3. Оп. 1. № 825. Л. 74; ПФА РАН. Фонд 3. Оп. 1. № 826. Л. 6; ПФА РАН. Фонд 21. Оп. 7. Ед. хр. 116. Л. 1.

является чрезвычайно важным — «продолжает иметь свои философические лекции... так как и прежде»¹.

Немногие профессора в то время могли похвастаться тем, что называется «посещаемостью», а на философские лекции Брауна ходили, как правило, все студенты². Под его руководством проходил философский диспут, ознаменовавший первый выпуск Академического университета, в котором принимали участие такие известные ученые как Ф. Яремский, Н. Поповский, А. Барсов. Это событие было отмечено. Так, газета «Санктпетербургские ведомости» за 10 сентября 1753 г. № 73 писала: «Сего месяца 7 числа поутру в 11 часу по определению его Ясневельможности гетмана и Академии наук господина президента, графа Кирилы Григорьевича Разумовского, в здешнем Университете при присутствии разных знатных персон и многих других слушателей, публично диспутовал под предводительством профессора Брауна студент Антон Барсов о следующем вопросе: “Могут ли законы гражданские, надлежащим образом учрежденные, противны быть законам естественным?” Причем по случаю высочайшего дня тезоименитства Ее Императорского Величества, студенты Филипп Яремский и Николай Поповский читали речи, первый “О философии Цицероновой”, а другой “О несправедливом презрении нравоучительной философии, особливо у древних философов, прежде Сократа бывших”, и в заключение он же всенародные желания о здравии и благополучии Августейшей покровительницы Академии изъявил стихами латинскими и российскими»³.

Добросовестность Брауна не раз отмечалась как исследователями, так и его современниками. Так, М.В. Ломоносов пишет в конце 40-х годов, что «течение университетского учения во все пресекалось, кроме профессора Брауна, который читал беспрерывно философские лекции, несмотря на нелюбление за то

---

¹ ПФА РАН. Фонд 3. Оп. 1. Ед. хр. 220. Л. 3.

² ПФА РАН. Фонд 3. Оп. 1. Ед. хр. 220. Л. 27.

³ Санктпетербургские ведомости, 1753. № 73, 10 сентября. С. 587-588.

от Шумахера...»¹, в конце 50-х он опять отмечает «долговременные прилежные лекции»² Брауна, а так же «всегдашнее старание о поучении российских студентов и притом честная совесть особливой похвалы и воздаяния достойны»³. Е.С. Кулябко отмечает, что «с 1754 по 1757 лекции студентам читал один профессор И.А. Браун»⁴.

В «Санктпетербургского университета публичных наставлений на первую половину 1766 г.» читаем: «Иосиф Адам Браун, теоретической и практической философии профессор, окончив прошедшего году введение во всю философию, такожде Логикку и первую часть метафизики, в первые шесть месяцев нынешнего года по понедельникам, вторникам и четверткам с 9 по 11 час поутру преподавать будет прочия ее части, а по пятницам в те же часы философскую историю метафизически толковать будет по употребленным здесь к сему сокращенным Тиммиговым Философским наставлениям, а историю философскую по расположению первоначальных ее оснований Гейнекциеву, кои находятся в первых основаниях его Логикки и Нравоучительной философии»⁵.

Попытка охватить «всю философию» в одном сочинении была характерна для эпохи энциклопедизма. Так, Ломоносов предполагал изложить общую теорию «корпускулярной философии» в «Системе всей физики» и «Микрологии» (1763-1764), однако успел набросать лишь предварительный план этих работ. Он хотел выстроить гармоничную и непротиворечивую картину мира, показав, что «все связано единою силою и согласованием природы»⁶. Главная идея задуманного произведения

---

¹ Л о м о н о с о в М.В. Полн. собр. соч. Т. 10. М.; Л., 1957. С. 283.

² Там же. С. 61.

³ Там же. С. 293.

⁴ К у л я б к о Е.С. М.В. Ломоносов и учебная деятельность Петербургской Академии наук. С. 110.

⁵ ПФА РАН Ф. 21. Оп. 7. Ед. хр. 116. Л. 1.

⁶ Л о м о н о с о в М.В. [Заметки к Системе всей физики и «Микрологии»] // Полн. собр. соч. Т. III. С. 491.

отражена в проекте оформления титульного листа, своеобразного аллегорического «эпиграфа», разработанного и описанного Ломоносовым довольно тщательно: «В картуше под титулом представить Натуру, стоящую главою выше облак, звездами и планетами украшенную, покрытую облачною фатою, в иных местах открытую, около ног — Купидоны, иной смотрит в микроскоп, иной с циркулом и с цифирною доскою, иной на голову из трубы смотрит, иной в иготь (иготь — ручная ступка. — Т.А.) принимает падающие из рога вещи и текущее из сосцов ее молоко. Все обще сносят на одну таблицу и пишут ее. Надпись: Все согласуется»¹. Следует отметить свидетельства об интересе Ломоносова и к логике. Так, А.А. Константинов — зять Ломоносова утверждал, что последний является автором сочинения под названием «Логика доселе неизвестная»².

Естественные науки и философия казались достаточно близкими и использовали обычно один и тот же метод. Эту близость прекрасно иллюстрировали сочинения самого Брауна. В неопубликованном сочинении, хранящемся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН, «Речь о знатнейших переменах земли, говоренная в публичном собрании Академии наук Профессором филозофии Иосифом Адамом Брауном июля 1 дня 1756 года»³ он дает фактически энциклопедический обзор представлений о мире, а так же о том, «какова была земля с самого начала, и какое было оное первое ее состояние»⁴. Задача, стоявшая перед Брауном усугублялась тем, что одновременно существовал целый ряд равноправных, но не пересекающихся точек зрения на происхождение (творение) Вселенной. Это заставило Брауна предварить онтолого-космологическое рассуж-

---

¹ Там же. С. 495.

² Кулябко Е.С. В книге *Замечательные питомцы Академического университета* (Л., 1977) приводит этот факт, ссылаясь на дневник И.М. Снегирева (Русский архив. 1902. Кн. III. С. 17).

³ ПФА РАН. Фонд 3. Разр. II. Оп. 1. № 97. 58 лл.

⁴ Там же. Л 8.

дение формулированием принципов научного познания. Браун говорит о двух родах познания — «испытании», куда относится «простое примечание», «искусством произведенное наблюдение» и «опыт» и «рассуждении и разуме», к которым принадлежат «познание вещей вообще», «причины из рассуждений об оных» и «произведение из сего всеобщих впредь быть действий»¹. Естественно, что вопрос происхождения Земли и описание начальных этапов ее существования может быть исследован лишь в умозрительном предположении. Браун пытается выстроить универсальную схему познания «начал», включающую в себя как библейскую и мифологическую, так и научную картину мира. Выявление соотношения «мира и Бога» принципиально необходимо, ибо оно выясняет вопрос о (перво)причине. Браун отказывается рассматривать атомистическую гипотезу о происхождении мира в античном ее варианте, полагая, что основывание рассуждения на «слепом случае» есть «философическая басня» или «сонное мечтание»².

Мало обозначить необходимость принципа детерминизма, следует объяснить каким именно образом соотносена Причина со следствиями. Браун рассматривает три архетипических модели или «генеральных мнения» такого соотношения. Естественно, образ *l'origine du monde* представлялся профессору Брауну несколько иным, чем позже великому Curbet. «Некоторые думают, — пишет он, — что мир произведен от Бога таким же образом, каким происходит и проистекает из источников река... или как из Солнца лучи света истекают...»³. Однако такой мир есть не что иное, как «сам Бог, распростертый по всей вселенной...»⁴, она как бы «удваивает» Бога, отождествляет его с Вселенной. Иная точка зрения, предполагает, что Мир и Бог находятся в отношении не тождества, а зависимости. Бог придает Миру некую интенцию к становлению и развитию, оставая-

---

¹ Там же. Л 8, об.

² Там же. Л. 12.

³ Там же. Л. 13.

⁴ Там же.

ясь как бы «душой мира». Третья модель рассматривает Мир и Бога как не зависимые, но взаимосвязанные субстанции. Мыслители, придерживающиеся этой концепции, по мнению Брауна, «очень близко подошли к самой правде, хотя оной совершенно не достигли»¹. «Они ясное различие положили между Богом и материей сотворенной и сотвориться имеющей, приписали Богу творение и строение вселенной из такой материи, которая от него совсем отдалена и никакого с ним соединения не имеет, и которая была от начала мира сама от себя, а не от Бога произведена»².

Все указанные теории имеют один недостаток, они основаны на принципе «из ничего ничто произведено быть не может». Существует два типа творения. Творение как изменение формы или «вида и фигуры», и творение как придание статуса бытия. Последнее возможно лишь для Бога. Однако, это утверждение слишком очевидно и ничего не дает для понимания процесса творения. Этот процесс пытался описать Декарт с помощью знаменитой теории вихрей, но «сию теорию мира и земли больше за остроумную, нежели за основательную почитать должно, ибо невероятно, чтобы происхождение телу всего мира из частей, и всей системе света подлинно так учинилось»³.

Браун полагает, что ошибка Декарта заключается в том, что рассматривает Вселенную как математическую модель, «полагал он сущность тела в едином токмо протяжении, и тем самым уничтожил он разность между натуральным и геометрическим телом»⁴. «Не имеется в самой вещи геометрии о качествах натурального тела. Натуры свойства, расположение тела к произведению сих или других действий надлежит определять и заключать из учиненных испытаний, то есть из примечаний и опытов, без которых успехов в натуральных вещах учинить невозможно, хотя испытаний и произведений из них следствия, соединенные с основания-

---

¹ Там же. Л. 14.

² Там же.

³ Там же. Л. 18.

⁴ Там же. Л. 18 об.

ми во многих случаях предполагают совершенства явлений изъяснения. Сего ради не должно думать, что физическое явление по надлежащему истолкованию, когда из многих способов предложен будет один, коим еще получить бытие могла или может, ежели притом не показано будет, что из многих возможных сей, а не другой в натуре место иметь может, чем не токмо возможность, но и самая действительность изъяснений доказывается»¹, — пишет Браун. Конечно, математическое описание Вселенной, как геометрическое исчисление фигур, в ней содержащееся, придает теории пресловутую «ясность и очевидность», однако оно не выходит за пределы гипотетического предположения. Собственно, в такое «вихревое» происхождение мира не верил и сам Декарт, он лишь пытался объяснить, а точнее описать процесс творения в логике понятий и придумать соответствующие термины, описывающие эту логику.

Объясняя происхождение нашей планеты, Браун предлагает *вернуться на землю* и попытаться исследовать геологические и астрономические аспекты, связанные с ее существованием. Он называет их соответственно «внутренними» и «внешними»: «Причины, кои вид Земли переменить могут, или обыкновенно переменяют, можно разделить на *внутренние* и *внешние*. *Внутренние* в самой Земле содержатся и составляют части оной, а *внешние* от союза Земли с другими частями и телами сей Вселенной, и от систем и строения Мира зависят»².

Главнейшие *внутренние* причины изменения Земли — представляют собой известные субстанции — воздух, воду и огонь, однако поменявшие статус *четырёх стихий* (вместе с землей) на статус материальных причин. К *внешним* причинам относятся космические взаимодействия, прежде всего с ближайшими — Солнцем, Луной, кометами. Сюда же Браун относит и сопротивление эфира.

Браун останавливается прежде всего на внутренних причинах, обсуждая вопрос о особой плотности центра Земли. Эта

---

¹ Там же. Л. 19-19 об.

² Там же. Л. 27 об.

гипотеза позже была подтверждена исследованиями Н. Маскелайна (1732-1811), определившего в 1774 г., что средняя плотность Земли более, чем в два раза превосходит плотность гранита, а затем уточнена Г. Кавендишем (1731-1810). Текст Брауна был написан еще до того, как были сделаны эти открытия, однако уже тогда мыслители предполагали о наличии у Земли некоторых участков «сверхплотности». Естественно, что в такой ситуации рассуждения о центре Земли могли носить только спекулятивный и гипотетический характер. Браун приводит мнение авторитетов, предполагавших, что центр Земли представляет собой огненный (Декарт) или водяной (Водвард) шар, а может быть и «великий магнит», однако позволяет себе лишь единственный вывод заключающийся в признании того, что центр земного шара является наиболее плотной его частью.

Браун не согласен так же с тем, что нахождение окаменевших морских видов в горах или пустынях объясняется случайностью (занесены сильными порывами ветра, или людьми) или же тем, что так было «от самой Земли сотворения»¹. Он считает, что это «с естественными законами не сходно»². Хотя и очевидно, что как внешние, так и внутренние факторы достаточно сильно влияют на внешний облик Земли, остается неясным — какой она была в момент творения, такой как в настоящее время, или же ее нынешний облик представляет собой результат действий природных сил. Странников первой теории очень смущают различные геологические находки, прежде всего окаменевшие растения, животные, или их отпечатки, свидетельствующие о том, что и сама поверхность Земли и виды, на ней обитающие претерпели сильные изменения. На этот счет существует две точки зрения. Первая говорит о том, что различные окаменелости были созданы вместе с землей, а вторые, что они сформировались в земных недрах постепенно, как кристаллы. Странники второй теории видят в природе некую силу, которая «забавляясь» может создавать отпечатки растений,

---

¹ Там же. Л. 40, об.

² Там же. Л. 41, об.

раковин, животных. Такое явление получило название «естественных забав». Природа, развлекаясь, создает материальные образы иного, ушедшего в прошлое мира, заставляя ученых выстраивать гипотетические модели и воссоздавать образ, заданный ее царственной прихотью. Именно этим могут объясняться «странности» классификации в систематических изданиях XVIII века, которые на самом деле отражали не «поэтическую вольность составителя», а строго обоснованную позицию. Так, например, в «Словарь минералогический, старанием Вольного экономического общества изданный» (СПб., 1790) попадают такие «минералы», как «кирпич», окаменевшие «шишки древесные», «рога овечьи», «коренья», «черви», «птичьи кости ... ногти ... гнезда». «Камни малеванные, с изображением разных искусством сделанных вещей» различаются и вовсе в соответствии с характером рисунка — «с человеческим изображением», «с изображением разных животных... земноводных ... рыб — насекомых — четвероногих ... птиц ... червей» и т. д. В отдельную группу выделены «камни, представляющие развалины городов, стен, зданий и проч.»¹

Сам Браун явно не считает, что Земля была сотворена с морскими раковинами на горах и «камнями малеванными» в ее недрах. Строгий немецкий профессор не склонен рассматривать Природу как будуар капризной женщины, забавляющейся игрой с формами минералов, видами «прозябений» и родами животных. Он резонно замечает: «Ежели, положим, что таковые тела внутри земли произрастать могут, то нет никакой достаточной причины для чего бы равным образом в недрах земных не росли медали и другие тела, кои из земли выкапывают, то есть ... целые леса и города? Когда на вершинах гор и на других местах подлинные морские раковины и другие подлинные животные части находятся, что для чего равным образом положить нельзя, что и сии тела в недрах земных и из земли наподобие грибов произрастать могут?

---

¹ См.: С л о в а р ь минералогический, старанием Вольного экономического общества изданный. СПб., 1790.

И ради чего б, как баснотворная древность выдумала, и самые люди из земли и внутрь земли не могли рождаться?»¹

Браун согласен с мнением, согласно которому значительные изменения земной поверхности являются результатом глобальных перемещений водных масс Мирового океана. Последний, в свою очередь мог изменить свое положение от перемены центра тяжести Земли. Браун, как и многие его современники связывает эти эволюции с всемирным потопом и грехопаданием. Первоначально Земная ось была перпендикулярна плоскости орбиты, но после того, как роковое недомыслие Евы нарушило тончайшее равновесие сил, она изменила свое положение. Наклон земной оси является, таким образом, астрофизическим выражением первородного греха. Однако Браун не увлекается физикалистской интерпретацией книги Бытия. Он согласен, что все действия Бога объяснимы с точки зрения, самим же Богом созданных законов природы, однако предпочитает не углубляться в эту, заведомо спекулятивную сферу. Так, он не склонен обсуждать, каким образом Богу пришлось манипулировать силой тяжести, чтобы устроить «универсальное наводнение». Он так же отказывается обсуждать вопрос о характере Всемирного потопа, является ли он «универсальным» или «местным», «естественным» или «чрезъестественным». Браун понимает, что на определенном уровне понимания и постижения все «естественное» становится «чрезъестественным». однако для работы на этом уровне методы науки не годятся, поэтому он предпочитает пребывать в сфере «естественных» событий, проверяемых явлений и логических умозаключений.

Интересно, что Браун ориентируется на британскую и, прежде всего, ньютонианскую космологическую традицию, обращаясь к сочинениям известного английского натуралиста и врача Джона Водварда (1665-1728), автора «An Essay towards a Natural History of the Earth and Terrestrial Bodies...», выдержавшего ряд изданий на английском и латинском языках, шотландского философа и лингвиста, Джеймса Бурнета, лорда Монбоддо (1714-1799), автора

---

¹ Там же. Л. 42.

многотомных исследований «Ancient Metaphysics; or, the Science of Universals, with an appendix, containing an examination of the principles of Sir Isaac Newton's philosophy» (эта работа была подарена им Екатерине II и хранится в Российской национальной библиотеке с дарственной надписью автора) и «The Origin and Progress of Language». Браун так же называет Вильяма Вистона (1667-1752). Ньютон указывал на него как на самого достойного своего преемника. Он написал «Hraelectiones physico-mathematicae» (1710) — популярное изложение системы Ньютона. Своими сомнениями относительно учения о Троице он навлек на себя преследования и был удален с кафедры. К концу жизни перешел к баптистам и проповедовал приближение тысячелетнего царства. Вероятно, Браун имеет в виду прежде всего его «Theory of the earth» (1696).

Ориентация немецкого профессора на британских авторов несколько колеблет современные представления о безраздельном господстве немецкой метафизики в российских академических институтах.

Особенно подробно Браун останавливается на причинах землетрясений, что более чем естественно в 1756 году, после знаменитого Лиссабонского землетрясения 1755 года, заставившего мыслителей разных стран вернуться к обсуждению вопроса о благодати Божией¹. Браун не затрагивает проблемы теодицеи. Его интонации заставляют вспомнить И. Канта, опубликовавшего в «докритический» период небольшую статью «О причинах землетрясений». Кант рассматривает в ней природу землетрясения 1755 года исключительно с точки зрения ученого-естествоиспытателя, высказывая соображения о том, что «некоторые предосторожности» по отношению к всеобщим бедствиям имеют статус «дерзких» и «тщетных». Однако, землетрясения для мыслителя отождествляются не столько с Божиим гневом, сколько с его премудростью, ибо в космологической концепции Канта они выполняют важную и необходимую функцию «обновления» жизни на планетах. Браун так же считает, что именно землетрясения меняют облик земли, однако он относится к этому явлению нейтрально,

---

¹ См. об этом: Артемьева Т.В. История метафизики в России XVIII века. С. 55-65.

фиксируя его, но не оценивая. В этом смысле он явно на пути отделения философского и даже натурфилософского дискурса от научного, хотя это и самое начало такого пути.

В работе, посвященной достаточно специфической проблематике, — «Слове о главных переменях атмосферы и о предсказании их...» он ставит прежде всего вопросы общеметодологического характера, размышляя о том, что такое познание, предвидение, теория, изменение.

Так, например, говоря о «изменении вообще» Браун, стремясь к полноте, тщательно перечисляет всевозможные виды и типы «перемен»: «Перемены как в моральных телах, то есть в свете моральном бывают, так и в физическом свете в великих и малых телах всегда случаются... Видим мы перемены в великих телах небесных, в солнцах и в землях. Видим мы их в частях, во первых в их атмосфере всегдашние примечаем переменны, которые клонятся к совершенству всего мира и всех оногo жителей»¹, а так же: «Республики, царства и империи переменам подвержены; и случается, что иногда хорошо учрежденные республики и гражданские правительства приходят в худо учрежденные или управляемые на лучшее обращаются»². Последний пассаж вызвал раздражение у Ломоносова, который, несмотря на многообразие научных интересов, придерживался вольфианского принципа разделения различных областей знания. «Рассуждения о правлениях весьма к сему случаю неприличны, — писал он. — И на что такое постороннее дело мешать? Говорил бы он о своей материи, а что до витийства надлежит, того ему Бог не дал. По моему мнению, должно это все отменить и каким-нибудь образом иное начать»³. Миллер перевел этот отзыв на немецкий язык (Браун не знал русского) и препроводил Брауну. Тот, обидевшись, отметил: «что касается витийства, то, ду-

---

¹ Браун И.А. Слово о главных переменях атмосферы и предсказании их. СПб., 1759. С. 3.

² Там же. С. 2.

³ Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 634.

маю, что Бог наделил меня им, как и всякого другого»¹. Аудитория стала обсуждать вопрос о том, что некоторые выражения Брауна пришли в противоречие с догматами греческой веры, так как помазание и царство и коронование суть таинства. Дело дошло до президента Академии и речь Брауна была опубликована с купюрами.

В мыслительной традиции последних трех четвертей XVIII века существовали два философских направления — одно с явно выраженным естественнонаучным акцентом («метафизическиствующие естествоиспытатели»), другое, занимающееся философскими проблемами чисто умозрительно, прибегало чаще к умозаключению, чем к опыту. Философия находилась на метауровне, поэтому и физические теории, доказывающие философские положения, и умозрительные изыскания, обосновывающие физические истины «работали» на нее.

---

¹ П е к а р с к и й П . История Императорской Академии наук в Петербурге Т. 2. СПб., 1873. С. 647.

ПОСЛЕСЛОВИЕ В ЖАНРЕ АВТОРЕЦЕНЗИИ

Разумеется, данная книга не может претендовать на исчерпывающее раскрытие заявленной темы. Ее разделы и мыслители, в ней упомянутые, заслуживают специального внимания и более фундаментального исследования. Так, нами даже не поставлена проблема о философских сюжетах в биологии, лишь вскользь упомянуто о развитии философии языка и явно недостаточно сказано о философии истории. Натурфилософия и метафизика мыслителей такого уровня, как Г.-Б. Бильфингер, Л. Эйлер или В.К. Третьяковский, должна быть изучена на уровне солидного монографического исследования в контексте общеевропейской философской традиции. Кроме того, уже давно сформировалась общественная потребность в современном прочтении трудов М.В. Ломоносова и внеидеологической и полной интерпретации их философского смысла, что ни в коей мере не может быть удовлетворено данным изданием. Немало новых находок может принести работа в архивах и библиотеках. Хочется верить, что это будет со временем сделано. Автор сожалеет об этих лакунах, хотя и не претендует на их заполнение.

В данной работе проблема скорее обозначена, чем разрешена. Нам хотелось не только указать на забытые, непрочитанные или недостаточно адекватно прочитанные тексты, но обратить внимание на то, что фактически все сочинения рассматриваемой нами эпохи насыщены теоретическими введениями, философскими обобщениями, мировоззренческими выводами. В это время физика еще не отделилась от метафизики, этика от политики и права, эстетика от теории искусства. Поэтому и научный трактат и даже студенческий учебник могут быть использованы как объект историко-философского исследования, философский подтекст конкретнонаучного менталитета. Именно это иллюстрируется, публикацией сугубо *научных* текстов Иосифа Адама Брауна.

Играющее с Абсолютами подсознание неизбежно лежит в основе любого, даже самого *строгого* дискурса. Поэтому философские смыслы не обязательно *прописываются*, иногда они просто *подразумеваются*. Чтобы понять их часто достаточно сменить угол зрения и выработать иную стратегию прочтения. Так картины Эшера проваливаются в глубину или прорывают плоские границы поверхности исключительно по прихоти наблюдателя (и, разумеется, замыслу автора), выбирающего свою *точку зрения*. Сочинения ученых XVIII века — физиков, математиков, ботаников, географов в значительной части результат философского умозрения — ведущего метода «философского века», поэтому должны быть прочитаны не только как *научные* изыскания, но и как *философские* размышления.

Петербургская Академия наук сформировала особую атмосферу научного поиска. Она была абсолютно искусственным и, в определенном смысле, фантастическим (впрочем, как и сам Петербург) образованием, но и замечательным созданием организационного гения и творческого усилия. Задуманная как интеллектуальный **perpetuum mobile** она действительно сохраняла инерцию непрерывного движения, очень часто не благодаря, а вопреки складывающимся условиям. Отмечая в 1999 г. 275-летие Академии наук, вряд ли следует останавливаться исключительно на панегирических перечислениях достижений. История раз-

---

вития российской науки и российского образования всегда была наполнена не только полетами пытливого разума, но и разочарованиями неудавшихся начинаний, бестолковостью властных решений и дискретностью традиций. В этом контексте особенно непростая судьба была у философии, которая честно выполняла непростую роль «царицы наук».

Эта книга была написана при эмоциональной, практической, интеллектуальной и компьютерной поддержке моего мужа и коллеги Микешина Михаила Игоревича, а процесс ее создания с пониманием и терпением воспринимался моими детьми — Ярославом и Игорем. Я очень благодарна моим близким за это. Она завершалась и редактировалась мной в исключительно благоприятной и вполне философской атмосфере *the Netherlands Institute for Advanced Study in the Humanities and Social Sciences*.

Я благодарна сотрудникам *Петербургского филиала Архива Российской Академии наук* за предоставленную возможность работать с документами. Надеюсь, что ее возможно будет продолжить и в будущем.

ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ ИЛЛЮСТРАЦИИ

И. А. Браун

**РЕЧЬ О ЗНАТНЕЙШИХ ПЕРЕМЕНАХ ЗЕМЛИ,
ГОВОРЕННАЯ В ПУБЛИЧНОМ СОБРАНИИ
АКАДЕМИИ НАУК
ПРОФЕССОРОМ ФИЛОЗОФИИ
ИОСИФОМ АДАМОМ БРАУНОМ
ИЮЛЯ 1 ДНЯ 1756 ГОДА¹**

Почтеннейшие всякого сана и достоинства слушатели <...>
Кто древнейшие и новейшие испытания тщательно рассматривает и справедливо рассуждает о внешнем и о внутреннем земли строении, тот нимало сомневаться не может, что земной шар, который мы населяем, первоначально своего состояния не токмо не сохранил, но и весьма велик и различные претерпел перемены. Но весьма трудное есть дело определить справед-

---

¹ ПФА РАН. Разряд II, оп. 1, № 97. 58 лл. Рукопись представляет собой переплетенную тетрадь, подготовленную для печати, но не опубликованную. На обложке надпись: «Речь о знатнейших переменях земли, говоренная в публичном собрании Академии наук профессором философии Иосифом Адамом Брауном июля 1 дня 1756 года. Печатано при императорской Академии наук». Приводится в некотором сокращении. Сокращены, главным образом обширные цитаты, повторы, детальные описания историко-научного характера и панегирические отступления. Орфография и пунктуация в большинстве случаев приведены в соответствие с современными правилами, в ряде случаев выделены абзацы, подчеркивание заменено на курсив.

ливо, какова была земля с самого начала, и какое было оное первое ее состояние, какие причины произвели так различную и так далекую от оной перемену. Сия задача еще и по сие время достаточного решения получить не могла, хотя учением знаменитейшие мужи и много различных тцаней и приемов на то употребили.

Сему удивляться не должно, ибо потребно истолкование сих вопросов оснований, чтобы по их о деле сем заподлинно что сказать и утверждать можно было. Посему должно думать, что путь к точному показанию сих вещей еще не весьма способен.

Всем известно, что человек всякое познание вещей или посредством чувств не весьма точно, или посредством разума и дарованного ему рассуждения натурального споспешествовать должен. Первый род познаний называется *испытание*, туда принадлежат деяние как простое примечание, так и искусством произведенное наблюдение и опыт; второй род состоит в *рассуждении* и *разуме* до которого принадлежат познание вещей вообще, причины из рассуждений об оных и произведение из того всеобщих впредь быть действий, когда рассуждением нашим по известным некоторым обстоятельствам достигаем не избегая к чувству нашему не подвержены вещи, так что где пределы чувству нашему кончаются, тут рассуждение разумом начинается. Хотя же сверх сего и никакого другого способа к снисканию собственным трудом познания вещей не имеется, однако ж знание другого человека нам сообщено и нами познано быть может так, что из чрез посредство другого оное себе получить в состоянии.

Наблюдение и опыт сам собой не имеют в себе надлежащие основания, ниже такими твердыми правилами быть могут, по которым бы кто к известным началам, а неизвестному и искомому первому состоянию земли нашей и о разных и великих бывших на ней переменах рассуждением нашим дойти и заключить можно было. Какой же нам в познании первоначального оного состояния земли остается больше способ. Не иной, как только такой, по которому от большей части догадками до подлинного дела доходить должно. Чего ради не надлежит удивляться, что для решения сих вопросов, толь многие и так различные между собою произошли мнения и толь разли-

чались учения и образы начале бытия Земли и всей населенной как в древнейших, так и новейших учителей предложения.

Хотя богодуховенный писатель Моисей сообщил нам о сотворении Земли и всей Вселенной известие, которое различные повествователи различным образом изъясняют, однако ж оное так *генерально* написано, что по оному вопросы наши решены быть не могут. Древних философов учение о начале бытия вещей, о первом их состоянии и образе, так же о строении и произведении тел сего света и о начале бытия Земли можно по моему мнению, удобно привести в следующий род, хотя [нрзб.] и великое множество находится и все весьма различны между собой кажутся. Некоторые из них, хотя и весьма немногие философы никаких произведений, никаких начал вещей и всего света не признавали, думали, что все вещи в свете имеют свое бытие от собственной своей силы и в самой предвечности не зависят не от какого начала, а посему весь Мир сам в себе получил свое бытие и к своему производству не требует другой посторонней силы или споспешествования.

Отсюда удобно познается, что вымышляющие себе такое вещей бытие, такой Мир, имеющий свое бытие у себя самого, подлинно боготворят самой Мир и составляющие его части. Сие древнейших погрешение в новейшие времена паки возобновлено было и обыкновенно *Panteismus* — боготворением Мира называется. Ибо не тогда Божество в мыслях своих представляем, когда о существе каком думаем, что оно бытие свое от собственной своей силы, и следовательно от самой предвечности без всякого произведения и без всякого начала имеет. По справедливости заключается, что вечное существо бытие имеющее, должно получить оное или от собственной своей силы, или от посторонней, то есть от того существа, в которое от самого себя имеет свое бытие. Но ежели б боготворящие Мир по надлежащему рассматривали Натуры свойства к перемене сего Мира и содержащихся в нем вещей, то б легко познать могли, что Мир божественные свойства всего больше не приличествуют, и что в нем необходимо нужного происхождения от себя самого некоторым образом, и никаких слепцов к тому совсем не находится, ниже в тех вещах, которые вместе и вдруг многие состоят, ниже в тех, которые одна после другой поодиночке следуют. Ничего такого не обрета-

---

ся по всей Вселенной, что бы необходимо так быть должно было, как оно есть, и что б оно само по себе иначе быть, следовательно тому же и не быть не могло. Сами законы движения в Мире сем такого свойства суть, что они к нему образом быть могут, следовательно нет в том противности Nature, что тела сего Мира инде движения, кроме извечных иметь могут, когда они сами только по себе в рассуждение приняты будут. Ежели же что такое свойство в себе имеет, что оное быть и не быть может, и чему все равно, что иначе быть противу того, как оно есть или совсем никак не быть, то оное необходимого, следовательно и собственного по самом себе бытии иметь и не может, но бытие его от сторонней силы, то есть такого существа происходить долженствует, которое бытие свое само от себя имеет.

Некоторые думали, что в Мире ничего кроме вещей по одному только случаю учинившихся не находится. Они воображали себе, что вся материя, из которой состоит сия Вселенная составлена из нераздельно малых частиц, которые они *атомами* называли, и по их мнению от различного движения, попаданий дружка на дружку, взаимного сцепления и соединения оных частиц в пустом Мира пространстве сия система света произошла и устроилась. Из сего далее удобно заключить можно, что система Мира от случайного движения и разделения атомов паки разрушится может и долженствует. И по сему бесчисленное множество других миров во всей вечности рождаться и делаться могут и долженствует так, как то и от самой вечности неисчислимы такие миры уже и действительно произведены были и стояли и паки разрушались. Сия теория о бытии Мира хотя весьма различна кажется в рассуждении первой выше сего объявленной, однако же, ежели рассмотреть и исследовать самое об их основание, то очень малая между ими разность находится. Ибо в сей теории полагается, что материя, то есть атом в пустом пространстве Мира движущиеся имеют сами от себя свое бытие, которое прежде века началось и чрез неисчетные веки продолжается. Но что же бы сие другое было, как только, что атом и от него произошедший и могущие произойти миры делать существом, или паче бессчетным существам от себя самих бытие свое имеющими, то есть богами. Хотя же последователи сему мнению и у-

верждали, что Божественная Натура и свойства суть отменные от Натуры и свойства атомов и произошедших от них тел сего Мира, однако ж полагали, что так же Натура в произведении и строении миров никакого участия не имеет. Ибо они думали, что божественная помощь в строении сей Вселенной есть не нужна и излишняя, так же и величие и благополучие Божественного Естества противно трудится в произведениях и строениях миров. Но таковым преблагеннейшим естествам лучше приличествует быть праздным от всякого дела, что труд назваться может. Сего ради они определили место оному вне пределов сего Мира, дабы оному от движений атомов не сделалось никакого беспокойства к [нрзб.] обстоятельств совсем излишне бы дело здесь пространно доказывать несправедливость сего учения о происшествии Мира. Ибо, кроме того, что о сей системе то же сказать можно, что объявлено о преждереченной, в рассуждении первого ложного ее начала, она не имеет и их в чем подлежащего союза, как то есть необходимо нужное бытие, случайное движение атомов и слепой случай. По сему разумеется, что вся сия система не что иное есть, как философская басня, или сонное мечтание. Между тем, легко видеть можно, каким образом авторы могли попасть на сие мнение о происшествии Мира. А именно, понеже можно происшествие, фигуру и сложение одного или многих тел в уме представить, оттого, когда положится в дело некоторое количество материи такой, которая б имела себе давним каким-нибудь порядком движение, то от того заключили, что система Мира таким образом не токмо произойти могла, но и неотменно долженствовала, а каких ради причин, о том уже выше сего объявлено. Что же правила случайного движения атомов совсем только [нрзб.] суть, так как и атомов от собственной своей силы бытие свое имеющие? О том думать без должного опровержения их, кто сомневаться не будет, потому что сии две вещи, конечно, один другой противны и не совместны. И понеже в сем произведении и строении Мира Божественный разум и Божественное провидение никакого участия не имеет, то удобно явствует, что об нем того сказать не можно, что в нем вещи для чего-нибудь: или на какой-нибудь конец сделаны были, что однако ж из сходственного согласования между собой действий, вещей и взаимного их употребления всегда и довольно явст-

вует. По силе сего сложения Мира, глаза не для зрений, уши не для слышания сделаны, но по случаю так сделалось, что они к сему делу удобными стали, таким же образом и во всех других вещах сделалось, в которых, напротив того, явственно видно взаимное руг друга употребление, которое легко показывает, что все к общему и своему концу склоняется и что одно ради другого благоразумно и предусмотрительно сделано и устроено. Не хочу я здесь упоминать о других многих нескладностях, которые из сего сложения Мира следуют.

Другое генеральное мнение о сложении Мира, происшествии его от Бога утверждает, но в рассуждении способов происшествий на многие роды разбивается, потому что происшествие Мира от Бога разными способами представить себе можно. Некоторые думали, что Мир произведен от Бога таким же образом, каким происходит и проистекает из источников река, исток жития влажности, или по мнению некоторых, так, как из Солнца лучи света истекают, или другим таким образом. Но как бы кто не воображал себе происхождение Мира от Бога, токмо такой Мир не что иное быть имеет, как сам Бог, распростертый по всей Вселенной и все части оного будут части Бога, и хотя они по видимому имеют свое начало, однако ж их вечное бытие не откуда, как от самого Бога зависеть должно. Сего ради, по силе сего положения, Мир — есть дело Божие, но при том обще и всему Богу, и, ежели он когда-нибудь вберется или возвратится опять в самого Бога, то бытие его перестанет. Почему сия теория, понеже она Бога и действующей, отчасти и материальной причиной Мира, следовательно Мир самим Богом поставляет, хотя и отменнейшим исполнено от прежних положений образом, что до главного дела надлежит, к тому же погрешений как и прежние находятся.

По мнению некоторому Мир, имел другое начало. А именно, представляли они в уме своем из материи Божественной силой озаренную, своей собственной силой от самой предвечности пребывающей, смещенную и нестройную без всякого порядка, который обычно *chaos*, то есть *смещением* называется. Сия материя божественной оной силой, как бы в себя включенной начала двигаться, расширяться и соединяться различным образом, от чего и Мир и все в нем вещи устроились и произведены стали. По силе сего учения о начале бытия мира, Бог есть душа мира, которая из материи такой

же обычной, как и сама, вечна есть. Мир сей аки некоторое тело себе устроил, то есть она оживотворяет и управляет. Хотя по сей теории различие между собой материей мира и между самим Богом явственней изъясляется, нежели по вышеупомянутым, потому что, по силе оной. Материя, аки начало страдательное, а Бог, аки начало действующее, представляется и в рассуждение приемлется, однако же она потому несправедливая, что два начала, именующие бытие от себя самих полагаются, а оное, аки необходимое друг для друга нужное, между собой совокупляется. При том так же Бога, аки существо вне мира быть должствующее с самим миром, только другим образом смешивается.

Другие лучше мудрствовали, нежели все вышеобъявленные философы, и должно думать, что они очень близко подошли к самой правде, хотя оной совершенно не достигли. Они ясное различие положили между Богом и материей сотворенной и сотвориться имеющей, приписали Богу творение и строение Вселенной из такой материи, которая от него совсем отделена, и никакого с ним соединения не имеет и которая была от начала мира сама от себя, а не от Бога произведена. Отсюда явствует, что и сия теория есть неосновательна, потому что она определяет материю, хотя отлично от Бога, только от него независящей и от самой предвечности своей собственной силой пребывающей. Посему она полагает так же два первые начала, хоть не соединенные, но различные между собой. С сих все почти древнейших философов учения о общих началах и происхождениях всех вещей, следовательно и Земли нашей, состоят.

Сии суть самые главные о сложении мира теории, к которым все прочие легко привести можно, да и самые темнейшие, и понятия весьма трудные происхождения Божова, которые ни что иное есть, как разные сложения мира в [нрзб.] предложенных истолкованиях и понятиями представить можно же. Но каким образом сие учинить могло, что ни один из столь многих и так славных древних философов, не попал на сие мнение, чтобы мир и все находящиеся в нем вещи сотворением произведены были? Препятствием тому было оное правило: *что из ничего ничто произведено быть не может*, которое начало хоть и справедливо, но оно имеет свои пределы, и на одном только искусстве утверждается. Что наукой и руками че-

ловеческими производится и произвестись может, то делается всегда из материи, которая наперед быть должна. Наука и искусство один только вид и фигуру в вещах производят, и по сему одному часть только бытия их, или лучше сказать, один только образ, то есть, что б вещь и материя уже имевшаяся сим или иным образом дела сделать может. Подобным образом и происхождение или рождение натуральных вещей всегда делается из материи, которая прежде их была. Ибо в сих производных одна только материя уже имеющая свое бытие сию или другую фигуру, тот или иной вид на себя принимает, а что до существа и бытий оной касается, то ничего вновь в ней не производится. Следовательно, в вещах искусством и натурой произведенных, в коих один только вид устрояется или переменяется, общепомянутое оное правило справедливо, потому что произвождение и превращение форм или вида вещей всегда заключает в себе бытие наперед материи. но когда говорится о самом бытии вещей, то оное правило в общем и совершенном своем знаменовании есть несправедливо. Ибо в таком случае в силе вышереченного умствования, *всякая действительно пребывающая вещь свое бытие или от себя самой, или от сил существа самим собой пребывающего иметь долженствует.* Когда же известно, что предбывшие вещи не имеют никаких свойств, кои приличествуют существу от себя самого имеющему свое бытие, то неотменно оные должны получать свое бытие от существа своей собственной силой пребывающего. Но каким бы образом они бытие свое должны были другому, когда б оное уже сами имели? Сего ради все вещи неотменно сотворены от Бога быть должны, ибо сотворену быть не иное что значит, как получить свое бытие от другого и посему сотворение можно назвать как обыкновенно и называется, произведением вещей из ничего. Утвердивши общие происхождения вещей и всей Вселенной из сотворения Богом, спрашивается теперь о произведении фигуры и вида вещей и всего мира, то есть непосредственно ли оный вид и фигура произведены от Бога, или посредственно, непосредственно ли Система мира и частей оной получили от него бытие своего вида, или чрез такое ж происхождение, какое примечаем и в воздушных явлениях, камнях, планетах, животных и в других произведениях, что все делается от действий Натуры и от прочих,

так называемых [нрзб.]. Но хоть бы непосредственно или посредственно вид сего света от Бога зависит, однако ж система одного равномерно творение Божие быть имеет. Обыкновенное происхождение воздушных явлений, планет, зверей и человека за создание Божие почитать надлежит давно, как бы оные непосредственно от Бога произведены были, ибо действие Натуры есть действие Божие, следовательно величество Божие не мало не умаляется, хотя положим, что сотворенная материя сей Вселенной через некоторый род производений и натурального действия, или что она непосредственным Божиим действием превращена в сию Систему мира, ибо в обоих случаях она от Бога начало свое имеет и потому создание Божие будет.

Некоторые думают, что Системе мира лучше произведение, нежели сотворение мира приписывать должно, и что система одного не в рассуждении своего мира, и расположении таким же образом произойти и устроится могла, каким ныне части одной на земле нашей происходят, рождаются и устроятся. Сюда принадлежит особливо Картезий и его последователи. По его мнению, сотворенная материя чрез сообщенное ей от Бога движение на частицы различной величины и фигуры разделилась, которые круговым своим движением произвели различные вихри, коих в центрах от соединения некоторых частиц тише прочих обращающихся произошли тела сего света. Какие тела с самого начала сим образом произведены, все естеством своим огненные были, как есть Солнце и неподвижные звезды и каждое из них свой вихрь имело. Некоторые из меньших вихрей большими к себе притянуты, и таким образом меньшие тела в средние больших вихрей движение свое продолжить и около других тел обращаться принуждены были, отчего неотменно различие солнечных систем произойти должно было, как то произошла и наша Солнечная и планетная система. Когда планеты помалу угасать начали и на оных черные пятна, какие в Солнце обыкновенно примечаются, умножились, а наконец как внутренние только части оных горели, и посему составляли огненный центр, вся их поверхность покрылась черною коркою, то они в темные тела претворились <...>

Сие и прочее тому подобное остроумно и особливо Картезием истолковано, но о том здесь упоминать нет никакой причины. По моему мнению всяк легко усмотреть может, что сию теорию Мира и Земли нашей больше за остроумную, нежели за основательную почитать должно, ибо невероятно, чтобы происхождение телу всего Мира из частей, и всей системе света подлинно так учинилось, как Картезий себе вообразил. Сам Картезий тому верить не хотел, но только думал, что система мира сим образом произойти могла, когда помышлял, что посредством сего положения можно удобно изъяснить явление сей Вселенной, исследовать естество и свойства телу, познать и определить оные действия.

Если бы для изъяснения явлений телу и сей Вселенной ничего больше не требовалось, как только предложить какой-нибудь способ, коим вещь получить бытие может, то на них бы явления истолковать, и на них бы в натуральных вещах трудностей избежать не можно было. Поистину, давно бы уже физическая система такое ж без всякого препятствия совершенство получила, какое ныне имеет совершеннейшая всех наук система геометрии, самые достаточные доказательства в себе содержащая. Картезий, привыкши к геометрическим воображениям, думал, что в физике, или натуральной науке, как и в геометрии довольно только одного рассуждения о протяжении тел в исследовании естества и свойстве оных, и в изъяснении явлений. Сего ради полагал сущность тела в едином токмо протяжении, сим самым уничтожил он разность между натуральным и геометрическим телом.

В математическом теле, то есть в таком, в коем только количество и величина протяжения в рассуждении принимается, довольно для истолкования природы свойств и принадлежностей тела, каким-нибудь образом происхождение фигуры и математического тела себе представить. Мало важности в том содержится представляет ли кто себе происхождение цилиндрического тела чрез движение параллелограмма около прямой линии, так как около оси, или через параллельное движение круга вниз по прямой линии, или еще другим каким-нибудь образом. Как из оногo, так и из сего произведения все равно изъяснено быть может хоть иногда одно другого бывает плодovитее в произведении оттуда следствий.

Но натуральные явления не такого простого сложения, что б оные то же как в геометрии, но теории из первых начал произвести и изъяснить можно было. Не имеется в самой вещи геометрии о качествах натурального тела. Натуры свойства, расположение тела к произведению сих или других действий надлежит определять и заключать из учиненных испытаний, то есть из примечаний и опытов, без которых успехов в натуральных вещах учинить невозможно, хотя испытаний и произведений из них следствия, соединенные с основаниями во многих случаях преобладают совершенства явлений изъяснения. Сего ради не должно думать, что физическое явление по надлежащему истолкованию, когда из многих способов предложен будет один, коим еще получить бытие могла или может, ежели притом не показано будет, что из многих возможных сей, а не другой в натуре место иметь может, чем не токмо возможность, но и самая действительность изъяснений доказывается.

Когда в сферической астрономии представляется и полагается сия Вселенная аки превеликий шар, который около своей оси обращается, то бываемые в сей видимой Вселенной явления, посредством сего положения изъяснить и причину оных показать можно.

Но кому неизвестно, что принятое мнение о Системе мира, аки о пустом шаре, в центре которого мы находимся, есть несправедливо, хоть и нельзя прекословить, что бываемые в сем мире явления оттуда произвести можно. Хотя в таковых толкованиях чаще случается делать ошибки, нежели как мы по большей части думаем, однако ж понеже в натуральных вещах очень много еще неизвестного находится, и чего совершенно истолковать невозможно, то не бесполезно кажется иногда для исследования справедливости, предполагать многие и различные способы, какими вещи получить бытие могут, хоть притом доказать и нельзя, что сей, а не другой способ есть, или быть может основателен, причем того только надобно оберегать, чтоб не положить неизвестного за известное, возможного за действительное, и не смешать между собой степеней очевидности. Ибо случаться может и многаяжды случалось, что из многих предложенных образов, коими вещи произведены быть могут и самой истиной был найден, или такой, который протчих лучше, вероятнее и ближе к правде подходит <...>

Тела разрушаются и исчезают, однако ж оные совсем не уничтожаются. И самая малейшая материи частица бытия своего не теряет. Разрушившая тело причина, какой бы она не была, раздробляет только части оною, а того признавать не может, чтоб некоторая его частица в ничто обратилась. Следовательно, количество материи никаким разрушением умалено быть не может, и всегда непременно пребывает, но только иногда тот, и иногда другой вид и форму на себя принимает, и в весьма различных видах глазам нашим представляется так, что очень трудно оную материю распознать, но и учинить того многожды невозможно бывает, разве когда она вся на части свои раздроблена будет. И потому всяк удобно разуметь может, что хотя таковые на Земле перемены беспрестанно бывают, однако ж вид ея мало от оных переменяется.

Понеже я о сих их и им подобных переменах и превращениях, которые их внешнее, их внутреннее Земли строение много переменить не могут, предлагать не намерен, то должно будет посредством известия и разума, то есть, заключая по признаку в естестве находящемся, рассуждать о тех переменах Земли, кои могут ее состояние превратить в другое и обыкновенно превращает. Ибо о чем нет ни примечаний, ни исторических доводов, сей недостаток самое естество обыкновенно награждает, показывая следы и признаки аки действия, называющие свою причину. Сего ради, ежели строение и сложение Земли ныне примечаемой обстоятельнее рассмотрим, то оттуда весьма явственные признаки, о коих может быть и самые древнейшие истории не упоминают учинившихся на Земле превеликих перемен <...>

Причины, кои вид Земли переменить могут, или обыкновенно переменяют, можно разделить на *внутренние* и *внешние*. *Внутренние* в самой Земле содержатся и составляют части оной, а *внешние* от союза Земли с другими частями и телами сей Вселенной, и от систем и строения Мира зависят. *Главнейшие или внутренние причины* перемен вида Земли суть: *воздух, вода и огонь*, кои иногда все купно, иногда каждая порознь действуют. *Внешние причины*, которые состояние и строение Земли переменяют, могут быть тела сего мира, а наипаче те, которые составляют нашу планетную систему, а именно Солнце и Луна, и во первых, кометы, когда бывают в близо-

сти с Землей, или с другой солнечной нашей системой, или с Солнцем. Сюда наверное принадлежит и сопротивление эфира (т.е. самого тончайшего воздуха), в котором движутся все тела сего мира. Но сии внешние причины так устроены, что заподлинно не известно, учинил ли когда он знатную перемену земли, и имеет ли впредь оную учинить, хотя некоторые и не без вероятности догадались, что знатнейшие перемены случившиеся на земле, сим причинам приписать должно <...>

Но какие именно суть оные перемены, и их главнейшие причины, которые такие и столь великие разорения земли, столь великие и так далеко простирающиеся поражения и падения учинить, и так ужасные действия произвести могли, что везде почти плант¹ и живописные с землями и с камнями перемешаны и занесены на самые высочайшие горные вершины!

Сей, во первых есть самый славный и самый трудный вопрос, который решить покушались весьма разумные и учением знаменитые люди, однако ж еще и по сие время дать не могли совершеннейшего решения, то есть такого изъяснения, кое бы со всеми явлениями совершенно согласовало.

Понеже удобно думать можно много способов, коих посредством си различного рода слои с содержащимися в них вещами произведены и устроены быть могли, то не надлежит тому удивляться, что для истолкования сих явлений, произошли многие и весьма различные между собой мнения, системы и теории <...>

Некоторые думают, что сии окаменевшие планты и животные никогда не принадлежали к подлинным животным и произращениям, но всегда равно как и прочие камни принадлежали к минералам и камням.

Напротив того, другие признают, что сии окаменевшие произрастения и животные иногда подлинно такие были, какие ныне мы видим, а в сии не природные им места занесены некоторой силой. Сии две системы суть самые генеральные, кои посредством помянутые явления обыкновенно изъясняются, а что третья система быть не может, то всяк довольно разумеет из инде явствующего ум-

---

¹ П л а н т ы — растения

ствования: *Названные окаменевшие вещи неотменно или подлинными камнями всегда были, или подлинно такие тела, какие изображают и некоторой силой приведены в такое состояние.* Но понеже сии две системы на многие виды паки разделены быть могут, то из оных произошли различные особенные теории. Ежели кто прекословить будет, что которые тела окаменевшими называем, иногда в самой вещи не бывали такими морскими телами, на какие извне походят, но неотменно оные в самой земле или созданы, или родились. И посему те, которые думают, что по крайней мере горизонтальные и равномерно от центра земного шара расстоящие слои, купно и с каменными морские тела изображающими произведен при самом земли сотворении. Но кажется, что сия догадка, или маловероятна, или совсем на правду не походит. Ибо (не упоминаю, что не можно сыскать никакой подлинной тому причины, для чего такие, коим плантам и животным сотворения со всеми подобиями) не токмо точное оным подобие, всех частей расположение и пропорция, но и химические операции доказывают, что сии каменные планты и животные в некое время подлинно такие были, и после срослись с другими телами. Сверх того кажется, что и расположение самих слоев, и явственные признаки действий, происшедших от вторых причин в рассуждении разного рода материи и положения, и не сходствуют с тем, чтобы оные в начале мира сотворены были, потому что последователи сего мнения в других подобных слоях естественные силы, аки причины таковых действий признавать [должны]. Которые же думают, что таковые каменные произведения и животные в земле рождаются и возрастают, принимают механическое некое строение и естественную геометрию, которая в обращении в стекло материй в фигурах снега и в различных видах камней действие свое оказывает, но кажется, что с естественными законами не сходно, чтоб посредством такового механического способа стройные тела производились. Не много от сих последователей в мнении своем разнятся и те, кои полагают играющую Натуру и некоторую пластическую или постоянную силу, которая, забавляясь, устраивает и производит помянутые тела, и посему оные называются у них *естественными забавами*. Кажется, что равным образом умствуют о сих явлениях как сии философы, кои приемлют не-

которую потаенную силу, так и те, которые все естественные явления обыкновенно изъясняют посредством особливых природных сил, как то: прозябение¹ плант толкуют чрез силу и душу произрастательную, рождение и питание животных изъясняют посредством рождающей и питающей силы, тако же и о прочих произведениях рассуждают. Но как бы явление натуре истолковать не можно было, ежели б сей умствования образ, который в прежние, учением не очень просвещенные времена, был весьма употребителен, а в нынешние из употребления вышел, принять и возобновить можно было. Ежели, положим, что таковые тела внутрь земли произрастать могут, то нет никакой достаточной причины для чего бы равным образом в недрах земных не росли медали и другие тела, кои из земли выкапывают, то есть <...> целые леса и города? Когда на вершинах гор и на других местах подлинные морские раковины и другие подлинные животные части находятся, что для чего равным образом положить нельзя, что и сии тела в недрах земных и из земли наподобие грибов произрастать могут? И ради чего б, как баснословная древность выдумала, и самые люди из земли и внутрь земли не могли рождаться? Сего ради другие философы сие обстоятельнее рассмотрев и исследовав, принуждены были принять другое нижеявствующее мнение: то есть, что сии животные и сии произращения иногда в самой вещи такие тела были, какие изображать, и на какие фигуре своей и видом походить. Но в сем случае паки рождается следующий, весьма трудный вопрос, каким образом сии морские тела зайти могли в те места земли, и какая сила, и какая причина произвела таковые перемещения? К решению сей задачи первоначальные тел частицы, то есть *воздух*, *вода* и *огонь* вспомоществовать могут. Не упоминал я здесь о мнениях тех философов, которые думают, что семена планет и животных подземных парами занесены будучи на Землю и в горы, там произросли, или что животные сами собой на горе зашли, иные — землю засыпаны, а иные обыкновенным образом живот свой окончили, или что рыболовы ели на горах морские раковины, и там оставили оных черепицы. Ибо сии мнения суть совсем невероятны.

---

¹ П р о з я б е н и е — произрастание, рост, растение.

Выше сего объявлено, что жестокое движение воздуха и бурные ветры обыкновенно великие перенесены и временем ужасные действия производят. Но неизвестно, каким образом и самый жесточайший ветер, восхитив плант и животные с самого дна морского, занести мог на вершину гор, на полевые и между ними лежащие места? Ибо из наблюдений явствует, что и жесточайший ветер до малой глубины океана обыкновенно проникает. Понеже и сия догадка не очень надежна кажется, то другие весьма знаменитые писатели думали, что движение вод было главнейшая сила и причина всех сих перемен и явлений. Но в сем случае паки различие мнения рождается, потому что различными образами приключаться может такое вещей смешение и неправильность между горами и землями. И посему иные вообразили себе в уме некоторый великий Океан, который покрыл всю поверхность Земли и от стечения воды с гор в зеленые скважины умалился и который быстрым в нужные места стремлением вод земляные и морские настиг, с собой восхитил, перенес на другое место, и чрез различные свои оседания произвел различные слои с морскими телами перемешанные. Ежели сие в самом деле рассудить, то сомневаться не можно, чтоб сим образом некоторые морские тела, на самых вершинах гор и на других местах не могли остаться и от учинившихся различных оседаний не зайти внутрь гор и в матерую землю.

Но, спрашивается, в какие подземные места она вода девалась? Где находится подземный оный Океан? Остались ли некоторые оного признаки? На сии вопросы, едва надежное, и отчасти вероятное решение дать можно, и посему довольно явствует, что и сие мнение непреодолимые затруднения в себе содержит. Сего ради другим философам, кои хотя и старались помянутые затруднения опровергнуть, однако ж того учинить не могли, за благо рассудилось принять иное бесперерывное Океана прехождение с одного места на другое, отчего то делается, что где прежде было морское дно, там теперь матерая земля находится, и, напротив того, где была прежде земля, водой не покрытая, там извне разливается море. И посему великий Океан на том месте, с которого перешел на другое, неотменно оставляет морские тела и своим движением беспрестанным течением и разлитием различные оседания и смешанные с мор-

скими телами слои производит. Заподлинно известно, что Океан не всегда хранит свое определенное место, однако ж из самого сравнения древней и новой географии явствует, что переходение Океана так велико быть не может, как некоторые писатели подтверждают, но по силе сего толкования неотменно должно Океану несколько раз перейти всю поверхность земного шара, потому, что одинакое расположение земель во всех почти местах находится. Понеже некоторые полагают, что беспрестанное прехождение Океана с одного места на другое есть правильное и медлительное по известным правилам, но сколь много тысяч лет потребно к сему прехождению!

И таким образом великий Океан изойти мог на вершине высочайших гор, на коих морские остатки находятся. Защищающие сие мнение думают, что они последний вопрос удобно истолковать могут, объявляя, что сие может и должно учиняться от перемен центра тяжести земного шара и от перемены направлений тел к центру земли; сие бы изъяснение достаточно было, ежели бы некоторые признаки справедливости показаны были, хоть бесспорно направление всех тяжелых тел к одной точке Земли не соединяются, ежели по строгости геометрической о сем деле рассуждать, но в сем случае оная строгость не принадлежит к самому делу. Не упоминая о других мнениях, в коих предписывается земле некоторое движение, подобное битию человеческого сердца, и некоторое стеснение и расширение внутренности, или в коих самая земля уподобляется животному (коего мнения многие древние писатели были) и умалчивая о прочих сим подобных выдумках, которые все без основания приемлются, и никакими доводами не подтверждается. Положим, что с одной стороны материя земли чрез прилитие вод умножается, а с другой стороны чрез отступление частиц, кои вода с собой уносит умалется, и поелику тяжесть с одной стороны прибавляется, а с другой уменьшается, и некоторым образом теряется с обеих сторон равновесие, потому что земля тяжелее, нежели вода, однако ж сия сухих мест и вод взаимная перемена не столь велика кажется, чтобы от того некое всегдашнее переменение центра тяжести произойти могло.

Некоторые с большой вероятностью думают, что явление земных расположений и знатнейшие перемены земли истоков можно посредством некоего универсального наводнения [представить]. Сие толкование, как кажется, много утверждается на священной и светской истории. Сюда до первых принадлежат оные славные английские философы Бурнет, Водвард и Вистон¹, которым многие ученые люди или совсем, или отчасти в истолковании сего трудного вопроса последовали. Сии три философа сходствуют между собой в том, что оное наводнение, о коем Священное писание упоминает, предельное состояние земли переменяло и причинило сие, сколько из наблюдений явствует, строение и расположение земного порога, но различно тому быть, каким образом оное наводнение учинилось. Неприлично здесь упоминать об оной распре, которая состоит в следующем: было ли оное наводнение, о котором Священное писание объявляет универсальное, или местное, естественное или чрезу-естественное? Ибо сии рассуждения не принадлежат к сей материи. Каждое мнение знатные защищают философы, сего ради я здесь рассуждать имел каким образом по мнению помянутых авторов по всей земле наводнение натурально могло и паки может уничтожить.

Бурнет — первый сочинитель земной теории представлял себе в уме особенное некоторое творение и происхождение Земли, дабы изъяснить, каким образом наводнение по всей земле могло натурально учиниться. Самое великое затруднение универсального натурального наводнения Земли состоит в том откуда бы взялось то-ликое множество воды, которая бы всю поверхность Земли покрыть

---

¹ В о д в а р д — Woodward, John (1665-1728) известный английский натуралист и врач. Автор «An Essay towards a Natural History of the Earth and Terrestrial Bodies...» (L., 1695, 1702, 1723, etc. также и на латинском языке); Б у р н е т — Burnet, James, Lord Monboddo (1714-1799), шотландский философ и лингвист, автор «Ancient Metaphysics; or, the Science of Universals, with an appendix, containing an examination of the principles of Sir Isaac Newton's philosophy», 1799; В и с т о н, Вильям (Whiston) (1667-1752) — английский ученый и богослов, священник, автор «Hraelectiones physico-mathematicae» (1710) — популярного изложения системы Ньютона, «Theory of the earth» (1696).

могла, когда количество известных нам вод к тому не довольно. Сего ради Бурнет первое происхождение и строение Земли нижеследующим образом себе вообразил. Первое состояние земли, по его мнению, было некоторое смешение, то есть некоторый безобразный, грубый и беспорядочный корпус, в котором различного рода материи между собой перемешаны были. Материи сего корпуса по законам тяжести разлучились между собой так, что оттуда произошли три особенные разделения земные. Итак, по силе законов, тяжести тел и равновесия первое место около центра заняла тяжелейшая материя, и посему тверже и плотнее в рассуждении протчих сделалась, второе место составила вода, как не столь тяжелая материя, а третье место заняли масляные частицы, плавающие по воде, с которыми соединившись упавшие с воздуха пылинки в твердую некую корку претворились, отчего произошла земная поверхность совсем гладкая, ни гор, ни долин, ни морей не имеющая. Во время потопа, когда ось земли наклонилась (ибо до того времени эклиптика (или солнечный путь) с экватором одинакое положение имела) и верхняя корка земли солнечным жаром и теплотой сожженная треснула, то вода из средней стороны Земли изрыглась, и всю земную поверхность покрыла. Сим образом верхняя страна Земли умягчилась, и Земля в некоторое смешение, в каком была она с самого своего начала, переменилась, в коем всякого рода материи, паки перемешаны были. Потом стелющаяся вода произвела на поверхности Земли неровности холмов, гор, ям, морей и различные слои, смешанные с морскими телами.

Кажется, что сия теория о происхождении Земли весьма остроумна и изрядна, однако ж ежели оную обстоятельнее рассмотреть, то не очень основательна и добротна быть имеет. Ибо в сей теории земли много полагается без всякого основания, а наипаче, что принадлежит до происшествия Земли из смешения различных материй по законам равновесия.

Весьма бы продолжительно было упоминать здесь о всех затруднениях, которым сие положение подвержено, о коих довольно объявляют другие авторы, а наипаче Водвард, который посредством другого положения старался опровергнуть все затруднения Бурнетовой теории о земном происхождении. Водвард не подтверждает,

что б Земля с самого своего начала не имела никаких неравноностей, никаких гор и пригорков и никаких морей. Ибо все сие необходимо нужно было человеческому роду и протчим животным. Но чтоб другим образом вероятнее показать, что универсальное наводнение на земли могло учиниться, то Водвард подставил себе в уме, что с самого начала внутри Земли был великий некоторый водяной шар, который с внешним океаном имел сообщения. Во время потопа из сего водного шара вода выступила, когда всемогущий Бог несколько уменьшил тяжесть оной, которую потом паки возвратил, и земную поверхность таким же образом, как она и прежде была, вновь устроил, а разрешение и смешение материй от жесткого вод движения и стечения внутрь Земли последовало. Отсюда удобно явствует, что Водвард полагая уменьшение и увеличение тяжести вод, чудеса и чрезвычайные приключения умножает. Весьма бы он удобнее подтвердить мог, что потоп произошел чрезъестественного действия, как поставить почти принуждены бывают многие другие писатели, кои думают, что тот на Земле был универсальный.

Вистон иногда в самой земле не нашел достаточного множества воды, которой бы вся земная поверхность могла быть покрыта, то положил, что оная произошла из хвоста комету, которая очень к Земле приблизилась, и сим образом главнейшие явления Земли посредством действий происшедших от универсального наводнения земной поверхности остроумно изъяснить старался. Но не токмо заподлинно неизвестно, но так же и невероятно, содержится ли вода в хвосте комет., о чем уже от других авторов довольно объявлено, и посему не трудно разуместь можно, что надлежит думать о сем положении и теории, которой посредством помянутый автор старается оказать универсальное наводнение земного круга.

Впрочем, как об оном похождении, о коем в Священном писании упоминается сомневаться не можно, местное ли оно было, или универсальное, естественно ли, или чрезъестественно, так и о действиях онога на земле учинившихся спорить нельзя, и без сомнений многие явления оному приписать должно. Но давно уже доказано, что все явления переломившейся и разрушившейся земли и все расположение земного шара вообще изъяснить невозможно посредством единого наводнения, потому что очевидные огня действия,

наипаче в ошалевших рыбах и в мягких камнях, в которые оные заключаются и другие многие в слившихся материях признаки огня находятся. Сего ради другие философы полагают в подземном огне главнейшую причину явлений и знатнейших перемен земли и утверждают, что слой и развалины оной учинились больше от действия огня, нежели от наводнения и оседания вод. Из вышеобъявленных уже довольно явствует, что были некоторые авторы, кои полагали, что земля в первоначальном своем состоянии горела, и посему почитали они корпус земного шара за Солнце или за часть оною, как за горящую комету. дабы оттуда главнейшее явление земного разложения истолковать можно было.

Некоторым кажется, что бывший некогда пламенной и огненной земли признаки находятся в составляющих земной шар частицах, которые почитаются у них за огарок, произошедший от растопления первоначальной земли, и посему само земли основание стеклянное полагает потому, что дикие камни, кремни, земли и всякие каменья, расположившиеся силою огня в стекло превращаются и следовательно земляные материи по видимому в стекле предел свой имеют, при том же и песок, простейшая часть земли, содержит прозрачные камешки, то есть стекло от движения изможденное, или во время самого слития, или в другое какое-нибудь так устроенное. И посему, что находится на земли, наипаче чистое и первообразное, и что ближе подходит к сложению диких камней, то тем больше противится действию огня, а самым жесточайшим жаром растопляется и в стекло обращается, а зажигательным зеркалом в стекло претворяются такие материи, кои, впрочем и в плавильных печах не распускаются.

Такое земляной материи распушение довольно показывают огнедышащие горы, ибо огненные реки, которые, как примечено, многожды из оных проистекают не из чего состоят, как из земных материй, жестоким образом растопленных, что и самое стеклянное искусство показывает. Понеже догадки о первоначальном состоянии Земли, Солнцем ли она была, или его частью, или горячей кометой, состоят из одних положений, которые кроме одной возможности в себе никакого основания не содержат, то по мнению других авторов, сии действия надлежит наипаче приписать подземному ог-

ню, который весьма явственно в огнедышащих горах и в других ужасных действиях виден.

Древнейшие и новейшие исследователи довольно показывают, что подземный огонь целые острова с находящимися на них горами из недр земли извергнул. О таких примерах упоминает Сенека, Плиний, Кирхер, Варений¹, и другие писатели. Самый новейший тому пример есть на Греческом море, архипелагом называемый новый остров, произошедший 1707 году, марта 23 дня. Так же известен нам пример новой горы, происшедшей в неаполитанском владении на Путенском поле 1538 года, сентября 30 дня. Перед тем временем с сентября 29 на 30 число вырвавшиеся из Земли густые пары поднимались на воздух, потом расступилась земля и извергла из себя столько камней, пеплу и песку, что из сих соединившихся в одну кучу материй, нарочитая гора восстала. Изверженными материями исполнено было Ле Кренское озеро, коего раковины, по свидетельству *Марциаллоу* и *Горациеву* за деликатное кушание у роскошного римского народа почитались.

А остальная часть озера обратилась ныне в болото, наполненное тростником. Сему подземному огню, который может горы и острова выбрасывать и вновь производить различные материи из огнедышащих гор [которые он] из огнедышащих гор обыкновенно извергает, должно наипаче приписать главнейшие и знатнейшие перемены, что уже многие доказать старались, а наипаче сии новейшие времена славный итальянец *Антоний Лазарь Мор* в особенном сочинении не без успеху изъяснить сии перемены, посредством подземного огня старался². Сей автор начало всех гор и всей поверхности земной производит от подземного огня и от извержения

¹В а р е н и й (Bernard Varenius, 1622?-1650) — голландский географ; К и р х е р (Kircher Athanasius, 1602-1680) — немецкий ученый, занимался естественными науками, а так же физикой, теологией, лингвистикой; П л и н и й [Старший] (Caius Plinius Secundus, 23-79) — римский ученый-натуралист; С е н е к а , Луций Анней (Lucius Annaeus Seneca, ок. 4 до н. э. — 65 н. э.) — римский философ и ученый. В данном контексте имеются в виду его «Исследования о природе».

²А н т о н и й Л а з а р ь М о р (Antonio Lazzaro Moro, 1687-1764) — итальянский натуралист.

материй из огнедышащих гор по примеру новых островов и новых гор, кои многожды сим образом из земли происходили.

Помянутый автор думает, что из сих особенных примеров о начале и происхождении всей поверхности земли водой не покрытой заключать может по силе следующего философского *Невтонова* правила: *Одинакие суть причины натуральных единого рода действий, и те только натуральных вещей причины принимать должно, кои служат к достаточному изъяснению явлений.*

По толкованию и теории той сего писателя, первоначальная земля имела правильную фигуру без всякой неровности, то есть без гор, и без долин. Сию Землю в первом ее состоянии окружала вода, которая сим образом универсальный некакой Океан устроила. Из сего Океана произошла матерая земля не от уменьшения моря, и стечения вод в подземные места, но от некоего, из воды выступления материи, посредством теплоты и огня подземного. Первообразное морское дно поднялось наверх и оттуда произошли первейшие горы, кои состоят из дикого камня и первоначальное морское дно изображают. Сии первейшие горы выбросили из себя различные материи, которыми первоначальное морское дно наполнилось, и оттуда произошло новое земли сложение, кое или ровное место, или новые горы паки составило, а наипаче когда изверженная из огнедышащих гор материя умножилась, и паки силой подземного огня поднялась кверху. Впрочем, по сему происшествию поверхности матерой земли истолковать можно, различие земель, слой и способ, коими морские и другие тела на вершине гор и в земные слои зайти могли, также изъяснить можно соленый и горьковатый вкус морской воды, хребты гор, простирающиеся, как из наблюдений явствует почти всегда посреди лежащих стран, находящихся, по некоторым местам, сварившиеся в каменной корке рыбы, чужестранные животные, кои временем выкапываются из земли и произведенные искусством человеческим тела и прочие многие сим подобные вещи. Бесспорно кажется, что сие знатнейших перемен земли изъяснение посредством подземного огня и извержений огнедышащих гор есть достаточнее всех прочих теорий, хотя и сие так же имеет в себе некоторые затруднения, но оные здесь предлагать исследовать краткость времени не допускает. Без сомнения, в сем толковании

многие явления подземному огню приписываются, кои произошли от разлития вод как сие явствует из очевидных оседаний вод. Сего ради в истолковании знатнейших перемен земли, приписывать должно иные явления разлитием воды, иные — бурным ветрам, иные, и может быть большую оных часть, подземном у огню, о чем ныне пространно объявить не можно, ибо дальнейшее исследование сего дела неотменно требует особенного времени.

Но откуда происходит сей подземный огонь и каким образом столь ужасные действия производить может! Не должно, как Картезий¹ думал, полагать, что теплота и огонь подземный исходит и центра земли, и оттуда по Кирхерову мнению, поднимается кверху, чрез огненные каналы. Без сомнения, оный теплотайный огонь недалеко от поверхности земной отстоит. Ибо в подземных местах находятся такие материи, кои от различных причин разными образами загореться могут. Везде внутри земли находятся такие материи, которые *серяными* называются, не ради того, что такое же сложение имеет, какое ординарная сера, но в общем смысле всякое тело серяным называется, которое как сера удобно загореться может.

Примечательно, что кремниевые жилы далеко по земному шару простираются, и в некоторых местах оные так умножились, что имеют великую силу теплоту принимать и по применению каких-нибудь влажностей, действительно загораться могут. Различными образами теплота и огонь, как то обыкновенно бывает, произведены быть могут, что народное испытывание и сам опыт показывают. Но кажется, что все они заключаются в одном некоем генеральном образе, то есть в *явном* и *сокровенном* трении. Всяк довольно ведает, что от ударения стали в кремень происходит искра, а что в колесницах (колясках и в других) машинах от скорого движения колеса нагреваются и наконец загораются и другие бесчисленные таковые примеры, кому неизвестны быть могут?

Сокровенное трение наипаче бывает в смешениях влажностей и в соединении твердых тел с жидкими. Негашеная известь, положенная в пресную воду сильно кипеть начинает, свежее сено, в скирды

---

¹ Картезий (René Descartes, 1596-1650) — французский философ и ученый.

(копны) плотно сметанное, ежели подмокнет, то так жестокий жир производит, то наконец действительно загорается.

Смешанные между собою жидкие холодные тела не токмо теплоту, но много ж и огонь рождают, как то многочисленные опыты показывают, так что оные закипают и одно другого изжняет¹. Сюда также принадлежит произведение огня электрической силой, кое нам подает пример обоих объявленных третий. Сего ради не должно сомневаться, что в пещерах земных подземные материи от единого и сокровенного трения нагреваться и загораться могут, ибо в оных пещерах серные тела различным образом с другими материями соединяются и перемешиваются. Материи от теплоты и огня в дыму и пары обыкновенно распускаются, кои тогда заперты бывають. то ужасающую в себе имеют силу. Одна малейшая капля воды, обращенная в пары, произвести может очень большое действие, нежели толикое ж количество пороха, как из самых опытов явствует. Ибо пары, приостекшие из подобной капли в 14 000 раз больше занимают места в рассуждении оной капли. Посему сомневаться не можно, чтоб от кипящих или действительно зажженных, в подземных материях не рождались какие-нибудь пары, а что оные действительно там находятся, то довольно подтверждают пары, исходящие из огнедышащих гор, рудокопных ям и других сим подобных мест. Сего ради, понеже таковые исходящие из земли упругие пары с безмерной силою расширяются и распространяются, то где их находят, они проходы и пустые места в оные с великою силою стремятся и выходы себе ищут. Ежели ж они ни выходу вон, ни проходу в нанудобнейшую сторону сыскать себе не могут, то, вскипев, и учинив сильный удар, потрясают около лежащие стороны и колеблющееся (волнующееся) движение в них происходит, или наподобие пороха в подкопах или в подземных проходах зажженного, разрывают свои своды и сим образом путь себе отворяют. Отсюда по пропорции количества исходящих паров, и по положению, качеству и величине земных сводов и внутренней пустоты места, обыкновенно рождается различное трясение поверхности земной, отчего находящиеся на таковых местах строения или потрясаются или со-

---

¹ Изжняет — изгоняет, уничтожает.

всем опровергаются. Откуда делаются на Земле великие расселины или пропасти, и по сокрушении сводов земных оседает матерая земля и горы разрушаются подобным образом и рождаются могут горы, острова и другие явления. Понеже трясения земли происходят от упругих паров, рождающихся от подземного тепла и огня, посредством трения серных материй произведенного, то явствует, что показанные от различных авторов разные причины не столько различуют между собою, как казаться могут. Ибо иные исхождение серянных паров почитают за причину земного трясения, что за справедливость принято быть может, только другие пары, а наипаче водные отсюда не включены были. Ныне сие трясение производят от кремнистых жил, потому что великое их множество в подземных местах, повсюду находится, которые жилы присовокупившись к влажным материям кипеть начинают, и производят пары удобно зажигающиеся. Ныне за основательнейшую причину трясения земли почитают ветер и пар подземный, то есть когда нагретый воздух получив упругливость наподобие бурного ветра, где только может сквозь протекнуть силится. Можно так же и электрическую силу почесть за причину, поколику она служит к истолкованию молнии и грома. Но понеже между многими образами, коими удар произведен быть может, единый только действительно находится, то есть электрическая сила, то надлежит в сем деле иметь осторожность, дабы электрической силе без разбору не приписать всех явлений, которые может быть от других началось в ноябре месяце прошедшего года. Итак, весьма вероятно, что большая высота моря при том же и дожди отчасти спомоществуют к производству трясения земли. Понеже подземный огонь толь различными образами от столь различного смешения (совокупления) материй обыкновенно производится, то удобно явствует, что трясения земли и подземных пожаров так же как и других огненных явлений на атмосфере случающихся наперед предсказать невозможно, ибо нету еще постоянных тому законов и причин, кои б наперед узнать можно было. Но несмотря на то некоторый в Америке астролог предпринял сие важное дело, о чем объявляет Бургед в своем сочинении «О фигуре

Земли»¹. Кажется, что ни предсказания самым делом исполняются, и помянутый автор сие опытами (испытаниями) доказывает. но такие испытания, какие часто в астрологии и в прочих подобных искусствах обыкновенно предлагаются, не что иное суть, как заключения наперед выдуманнные, кои в испытаниях не содержатся Ибо может быть, как и обыкновенно случается, что многожды по случаю предсказание исполняется, а что по случаю бывает, того человеку наперед узнать невозможно. Но не надлежит нимало удивляться, что в такой стороне какая есть *Перу*, предсказания о загорании огнедышащих гор и о трясении земли многожды с окончаниями сходствуют, ибо сия страна изобилует огнедышащими горами и трясение земли почти каждую неделю обыкновенно случается, а предсказания с окончаниями не сходствующие в рассуждении, как обыкновенно бывает, не принимается. Сказывают, что славный древний философ *Ферецид*² предсказал трясение земли по возмущавшейся воде и по испускающей из себя серный запах, что самое было б ближайшим и основательнейшим сего приключения признанием, ежели б сие в самой вещи так учинилось.

Что объявлено о предсказаниях подземных пожаров и трясений земли, то ж самое сказать можно и о всех будущих знатнейших переменах земли и всей Вселенной, поколику оные от естественных причин приключаться имеют. Нет сомнения, что б на земле и впредь перемен и возобновления случиться не могли, но какие оные и когда быть имеют, того, как кажется, человеческий разум не в состоянии определить и предсказать из натуральных теортических оснований. Могут о сем быть и обыкновенно бывают догадки, но

---

¹ Вероятно, речь идет о Луи Бургете (Bourguet, Louis, 1678-1742), известном французском ученом, авторе работ «*Traité des pétrifications*» (1742), «*Dissertation sur la pierres figurées*». Названную Брауном работу «О фигуре Земли» нам найти не удалось.

² *Ферецид* (Ферекид, Pheresydes, пер. пол. IV) — греческий автор мифологической теории образования мира из стихий воды (Океан), земли (хтоническое божество Офион), неба или воздуха (Крон). В качестве разумной производительной силы выступает Зевс.

онные по большей части, кроме единой возможности никакого основания не имеют.

Без сопротивления огненное тело угаснуть может. И посему некоторым вероятно казалось, что вся планетная система когда-нибудь разрешиться имеет от угашения солнечного огня., то есть, когда Солнце пятнами своими покроется и померкнет. Напротив того, другим правдоподобно кажется, что планеты и Земля мало-помалу ближе к Солнцу подходят и таким образом оные наконец по прошествии многих веков от его загорятся, и может быть с им соединятся. Кажется сим авторам, что основание сей догадки содержится в сопротивлении эфира движению планет препятствующего. Некоторые думают, что земля наша некую универсальную перемену претерпеть имеет от приближающейся к ней комете, которой для подтверждения своей теории, действия у нее уже определены по законам притягания. Другим кажется, что в самой земле находится имеющий быть универсальной перемены подземного огня и универсального движения Земли, или такожде от универсального наводнения. Стоические философы много предлагали о будущем сожжении не токмо Земли, но всего Мира, и думали, что обновления сего мира бывают посредством случающихся в определенное время сожжений, не упоминая о их других столь важных мнениях. Понеже Натура ничего не делает втуне, но все по предписанным от Бога законам по исполнению всеблагих его намерений, ибо действие Натуры есть действие самого Бога, то должно думать, что все будущее не токмо земли, но и других тел, сего Мира перемен и самые, как нам кажется, его разрушения, имеют быть такими в частях сей Вселенной несовершенствами, кои к большему совершенству всей системы мира способствовать будут, так, что система сего мира весьма ясно доказательства Божественных совершенств преподавать имеет, и тем самым познание и увеселение разумных существ бесконечно умножаться имеет. Хотя и кажется, что перемены земного шара, приключающиеся от трясения земли по большей части разрушают и повреждают сложение земного круга, однако ж и очевидную при том приносит пользу. Ибо от сих премен новые острова, новые горы, новые целебные источники обыкновенно происходят и сообщается полям новое плодородие и прочая. Притом же, когда по мне-

нию некоторых посредством подземного огня поверхность земли восстала из глубины моря, и к обитанию пристойна и способна учинилась, то коль великая польза и коль изобилующие выгоды от подземного огня и от трясения земли роду человеческому последовали <...>

И. А. Браун

**ОТВЕТ НА РЕЧЬ ГОСПОДИНА ПРОФЕССОРА ГРИШОВА
О ВЕЛИЧИНАХ И РАССТОЯНИЯХ НЕБЕСНЫХ ТЕЛ,
ГОВОРЕННАЯ ГОСПОДИНОМ ПРОФЕССОРОМ БРАУНОМ¹**

Подвержены переменам науки и знания, почтеннейшие слушатели! и в совершенство, которое имеют, или иметь могут не приходят, разве чрез различные перемены, через различные приращения, чрез различные совершенства степени. Науки рождаются, имеют свою младость, возрастают и получают совершенный возраст не в прошествии одного лета, но чрез многие веков тысячи. Находятся в них многие изобретения во всяком веке, и один век другого изобильнее в том бывает, так что в ином одном большие в науках делаются, нежели в других многих. Отчего происходит, что некоторые из них темными, а другие знатными и славными веками по справедливости названы. Склонности человеческие к упражнению в науках, и к приведению оных в большее и лучшее совершенство в разные веки разные бывают, иногда большие, иногда меньшие, потому какое об них когда старание или небрежение будет, и какие случаи к тому будут способствовать, или противные случатся. Отчего делается, что в одно время у разных народов или у одного народа в разные

---

¹ Публикуется по изданию: «Речи, говоренные в публичном собрании Академии наук... сентября 6 дня 1755 года». СПб., 1755 с некоторыми сокращениями. Г р и ш о в (Grischow Augustin Nathanael, 1726-1760) — астроном, член Петербургской Академии наук, приглашенный из Германии.

времена разное упражнение в науках происходит, которое удивительным образом по подобию некоторого странствия переменяется. Странствуют науки от одного народа к другому и странствование их от большей части таким образом делается, что откуда оне вон пойдут, там чувствуется в них упадок, и часто совсем исчезают, напротив же того в том народе к которому они придут, удивительную в нем произведут перемену, и приращениями своими удивления достойными чудный Божий промысел в себе покажут. История о науках всех веков исполнена перемен сего рода, также и нынешний наш век и самая Россия служит тому доказательством, в которой при владении благополучно царствующей, и по примеру Августейших своих родителей щедропитающей и покрывающей науки Великой государыни Императрицы ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ, все благородные знания и науки в лучшее приводятся совершенство, и знатные получают приращения, к которым прежде и доступу почти никакого не было. Но о таковых переменных случаях наук здесь больше говорить непристойное к нашему намерению есть дело, а больше должно предложить о бывших в системе света обстоятельствах, к чему читанная теперь речь подает случай, в которой все перемены в одной системе, что до расстояний и величины тел небесных касается, подробно исчислены. Науку сию о расположении светил небесных как натуральная философия, или физика, так и астрономия каждая к себе присвоает. Оне обе о расположении светил небесных рассуждают, только таким образом, что астрономия только законы светил небесных устанавливает, а физика естественные причины явлений светил оных, и натуру тел небесных объявляет и толкует. Что же сия часть физики великой важности есть, никто в том спорить не может, но как бы она была бесплодна и несовершенна, и как бы бедно ее состояние было, если бы ей не вспомоществовали изобретения астрономические, из которых одних все ее бытие произошло и начало.

По сей причине самые древние греческие философы Талес и Пифагор¹, основатели ионической и талической философии, и их последователи, о приведении в совершенство сей системы света науки всеми силами старались, также и прежде их египтяне, халдеи и протчих народов ученые люди, которых греки варварскими философами называли, в исследовании законов движения тел небесных, и натуры их и порядку в положении их на небе все свои тщания употребляли, о чем история философии свидетельствует, и из самой сей речи довольно явствует.

Почему начало всей науки древностью своею никакой другой науке не уступает, в чем и дивиться не для чего, когда пользу и нужду, которые нам все науки изобрели, возьмет в рассуждение. На ней основание свое имеют хронология, география, гидрография и мореплавательная наука, о которых кто не знает, сколь великие пользы они роду человеческому приносят. Географу, мореплавателю и хронологу, в великой бы тьме и заблуждении находится должно было, если бы они не имели себе водителем и помощником науки звездные, и как бы история без географии и хронологии стоять могла, когда все предложения ее о делах и всяких случаях, без аккуратного описания мест и времени, которые показывают, где, что и когда делалось, весьма неизвестны и темны быть должны, но не здешнего есть места о сем подробно следовать и все пользы описывать, которые сия наука приносит. Чего ради не упоминаем здесь о изрядном ее вспоможении в просвещении и умножении разума человеческого, когда употребляемые в ней способы рассматриваем, и по предписаниям их также и в других науках и учениях, и в познании совершенств наисовершеннейшего Творца натуры по наисовершеннейшему сложению сего мира поступаем. Но о сем в последующих говорить случай иметь будем. Когда же мы наидревнейшее начало сея науки аккуратнее рассмотрим, то ясно увидим, что и она так же, как и прочие науки от самых малых начал чрез разные перемены и различные успехи пришла в то совершенство, в котором ныне находится. Она началась от самых простых и общих примеча-

---

¹ Т а л е с (Фалес из Милета, ок. 625 — ок. 547 до н. э.) — древнегреческий философ, один из семи мудрецов; П и ф а г о р (2-я пол. 6 в. — нач. 5 в. до н. э.) — древнегреческий философ.

ний, которые всяк мог делать, кто только на небо посмотрит. Когда же мы на небо ночью смотрим, то великое множество светлых тел на оном усматриваем, которые все к нему будто как к пустой какой сфере прибиты кажутся, у которого земля будто в середине находится, а они будто все равно от нее отстоят, и разный свет и разные величины имеют. Сверх же сего некоторые из них всегда в одном положении между собою стоят, а иные места свои в рассуждении других переменяют, только так, что по некотором времени опять в то же стояние приходят, но все сии тела вместе в 24 часа около земли нашей, как около центра сферы небесной обращать видятся, умалчивая другие их обстоятельства, все сии явления всяк простым глазом на небе видеть может. К сим простым примечаниям после присовокуплены другие аккуратнейшие, для делания которых требовалось уже некоторое искусство и инструменты, почему вымышлены и найдены разные инструменты и махины для примечания переменных высоте звезд и для измерения их, как то есть астролябии, квадранты, секстанты и прочая. Для определения же времени, в которое звезды какое свое движение совершают, употреблены часы, и из них тот род часов лучшим и способнейшим усмотрен, которые с маятником сделаны и в новейшие времена Гугением¹ изобретены. Также преизящное изобретение к приращению астрономии было телескопы или зрительные трубы. Подлинно что с того времени, как в трубы на небо смотреть стали, совсем другой вид на оном усмотрен, и астрономия совсем в другое состояние переменялась. В оныя бесчисленное множество звезд усмотрено, которых простым глазом совсем не видно, найдены новые планеты подле старых, которые всегда с ними вместе ходят, и оттого спутниками названы. Примечено также, что новые звезды являются, которых прежде на небе не было, и что, напротив того, иные которые прежде были, пропадают и не возвращаются, а иные опять являются и прочая.

После сего к квадрантам и другим частям циркула приделаны зрительные трубы, и в оныя вставлены микрометры разных родов,

---

¹ Г у г е н и й (Huygens Christian, 1629-1695) — голландский физик и астроном.

отчего наблюдения с совершенством инструментов и сами в большее приходя совершенство ж, удивительную аккуратность получили. Одни опыты и примечания никакой науки составить не могут, ибо наука требует порядочного связания и соединения правд первоначальных и производных, и собрания правд умствованием изыскуемых, почему к науке кроме опытов и примечаний требуется еще рассуждение и умствование, которым связание правд устанавливается, так что потому примечания и рассуждения началами наук обыкновенно называются. Итак, посему всяк ясно видит, что примечания, как простых, так и астрономических одних к составлению звездной науки не довольно было. Должно было умствованием находить причины виденных явлений, то есть из примечаний должно было производить следствия, которые по приложении к ним правил математических сделались сами основаниями, из которых множество других правд и заключений следовало, и так далее. Сим образом произошли разные правила и задачи, и связание между правдами астрономическими к составлению науки потребное установлено, так что она ныне никакой науке и никакой системе правд известностью своей совершенством не уступает. К исследованию правды не всегда прямой путь отворен, но часто через многие околичности, и часто после многих заблуждений, и через различные дороги и способы до оной дойти позволяется. Равным образом и в науке о системе света примечания, а отсюда выведенные заключения не всегда прямым образом к исследуемой правде приводили, и привести могла, но различные деланы были опыты, различные от многих способы с различным успехом к исследованию оной употреблены были, как и из самого говоренного слова о стараниях находить расстояния тел небесных довольно видеть можно. Многажды погрешность одного была другому предводительством к правде, что так же и в других науках случается. Сего ради кажется, что непристойное есть дело поругаться погрешностям наших предков, которые в исследовании правды упражнялись, а наипаче, ежели они своими погрешностями к изобретению правды лучшую дорогу показали. Понеже их потомкам находиться бы было самим в заблуждениях, ежели б они наперед их не погрешили. Когда примечания и отсюда произведенные следствия недовольны были к получению желаемого, то

первые основатели астрономии за благо рассудили употребить добровольные положения, и подлинно прекословить не можно, что сия наука великую получила пользу от таких положений. Ежели же бы они не похотели принимать оных, то очень далеко бы сия наука отстояла от сего совершенства, которое она ныне имеет. Из оных положений ближайший приступ сделался к правде. Ибо примечания, к которым сии положения подали случай, оные им подтверждали, показывая сходство между ими и явлениями, или опровергали, показывая несходство между ими, и таким образом другой путь к исследованию отворяли. Итак, не к способам ли находить правду причислить должно и употребление добровольных положений. И для чего бы сему способу употреблять добровольные положения в физике и в других науках, так же как и в астрономии, не последовать. Сего бы ради рассудили бы себе те, которые думают, что все добровольные положения из физики и из других наук выключить должно, праведно ли они то делают? Сие подлинно, что ради злоупотребления добровольных положений, прямого их употребления, как и в других вещах, так и здесь, отвергать не должно. Правда, что многие в науках несправедливо употребляли положения, ибо они за доказанную правду почитали пустые выдумки и сумасброды. Но я говорю о прямом употреблении, и то таком, какое в астрономии делается, а не о злоупотреблении. О вероятности и невероятности добровольных положений рассуждать должно из принадлежностей к правде в оных находящихся, и таким образом добровольные положения будут путем не к погрешностям, как в злоупотреблении оных бывает, но к изобретению правды. Как сие в астрономии и самым делом сделалось, и всяк рассматривая происшествия астрономии видеть может.

Систему света двояким образом представить можно: во-первых так, как она нам кажется, и как по-видимому в наших чувствах представляется, потом — как она есть по рассуждению ума нашего. Отсюда произошло, что астрономия на две части разделилась, из которых первая сферическою, а другая теоретическою названа. Сферическая астрономия представляет видимую систему света, а теоретическая — подлинную, как она в самом деле быть должна, сколько об ней по сие время известно сделаться могло. А понеже

видимая система света отворить должна путь к подлинной системе мира, так как она в самой вещи есть, то, во-первых об ней рассуждать должно, потом исследовать причины сих явлений, которые ежели известны будут, то и подлинную или теоретическую систему найти можно. Видимая с земли система света всем одинако кажется, и всегда одинако казалась, ибо к познанию оной требуется только употребление чувств, но теоретическая система в рассуждении различного познания степени, которое всяк имел, и иметь мог, различным образом у разных астрономов представлена. Но что же, разве система света в самом деле не так находится, в каком нам кажется, и как в глазах наших воображается? Совсем не так. Ибо по видимой системе света представляется вся вселенная наподобие пустого шара, на котором все небесные тела утверждены, и в центре которого стоит Земля наша, около которой весь небесный шар со всеми телами движется и обращается. Но система света, умственная или теоретическая найдена совсем противна видимой системе. Ибо по оной небесные тела неодинакое имеют от Земли расстояние, но весьма между собой различны [как сие из читанной речи разуметь можно] и найдено, что величины сих тел весьма превосходят те, которые мы на Зеле видим, ибо многие тела несравненно превосходят собою величину всей земли нашей, хотя они нам с что те тела, которые планетами называются, подобны земле нашей, а все оные небесные тела, которые неподвижными звездами называются, суть солнцы. Однако ж по силе сей системы, сии превеликие тела и планеты не около Земли обращаются, но сама Земля вертится около своей оси, и сие видимое оных движение делает. По силе сей системы в системе планет Земля не стоит, как кажется в середине тел небесных, но сие почти срединное место Солнце занимает, около которого планеты в различные времена движутся, и не упоминая теперь о других различиях и с тем между собою, нашу солнечную систему составляют. Сего ради видимая система мира весьма разнствует от той, которую мы в уме воображаем, или лучше сказать, что они совсем между собой противны. Но понеже подлинная система света так много разнствует от видимой системы, то не должно ли признаться, то она и самому искусству противна, потому что она от самых чувств и их представлений разнствует? Сие возражение великой

важности покажется тем, которые помощью одних чувств все определить хотят и которые обыкли рассуждать из чувств о свойстве вещей, и довольствоваться одним их показанием, а разумных рассуждений ни сами не употребляют, ни других слушать не хотят. Таковым людям все, что ни утверждается о сей системе, и о строении всей вселенной, показалось бы ложное и совсем несходное с правдою дело, ежели б предсказания небесных приключений в их некоторой вероятности не возбуждали. С изумлением, почти удивляются сходству предсказанных явлений, с самим приключением. Предсказываются затмения Солнца, Луны и прохождения планет Меркурия и Венеры чрез Солнце, что во многие вперед годы предсказано быть может, ибо справедливость предсказаний сбывания их оказывают. Равным образом по астрономическим основаниям найти можно, какие и когда прежде были небесные явления. Понеже в таковых справедливостях все по нужде согласится долженствуют, то могут купно и к тому приведены быть, чтоб поверить, что все то, что подтверждается о расположении сей системы основания своего не имеет.

Но каким образом за справедливость что-нибудь почесть должно, что чувствам и искусству противно? Посему чувства подвержены обманам, потому что они представляют систему света другим образом, нежели как она находится в самой вещи, и для сего чувствам никогда верить не должно, отсюда все сумнительно и неизвесно быть должно, и сия наука может отворить свободный путь к неразрешимым сумнительствам. Может непременно все то, что чувства представляют, быть сумнительно, то есть, в самой ли вещи находимся, или только нам так кажется? При начатии астрономии было сомнение, справедливое ли и натуральное оное общее около Земли движение всей небесной сферы или только видимое? Также сумнительно было, что движение Солнца, которое собственным называется, подлинное ли есть или видимое только, ибо в чувствах наших таким же образом представляется движение, хотя и Земля вместо Солнца будет обращаться около своей оси, и ходить около оною. И понеже чувства сего познать не могут, потому что в обоих случаях одинаким образом кажется движение. То неотменно сомневаться должно было, которое движение есть справедливое? Но древние в

сем сумнении не долго были и оное всеми силами разрешить старались, ищучи многие принадлежности к правде, и следуя основаниям совокупности справедливого искусства с разумом, хотя они, ради недостатку спомоществований не скоро сии сумнения могли оставить. Но ежели бы они затруднением в исследовании истины воспящены были, и для сей притчины, как обыкновенно тогда делалось, восхощели бы вдаться в вечную сумнительность о бытии вещей, то бы без сумнения бедное было ныне состояние астрономии. Ложное сие есть возражение, что видимая система мира основана на искусстве и опытах. Приписывается здесь искусству то, чего в нем не находится и с ним смешивается то рассуждение, которое по справедливости оттуда не следует. Все оное искусство основано на сем несправедливом умствовании и рассуждении, то есть, каким образом и каковы собою вещи в чувствах наших представляются, такие они в самой своей натуре быть должныствуют. Несправедливость сего рассуждения всяк увидеть может, кто только похочет рассудить о известных ему самому видимых вещах. Сколь часто тела издали совсем иначе кажутся, нежели как они есть в самой вещи. Часто делается, что две вещи в одинаковом от нас расстоянии кажутся, у которых бывает великая разность между их расстояниями. Многие тела издали кажутся круглыми, которые в самой вещи квадратные, также иные малыми, которые в самой вещи весьма велики, а другие в движении находящиеся, которые в самой вещи стоят недвижимо. Находится таких привидений великое множество, которых причины оптика, то есть наука и видении исследывает, и которые отсюда оптическими обманами названы. Еще древние философы постановили некоторую философию привидений, которая изыскивает оных причины, и следовательно, различие между оптическими и физическими правдами [как ныне называют] в себе содержит. Ибо подлинно правда, что вещь различным образом в чувствах наших представляется, поколику различное оной от нас расстояние и положение будет, и посему таковое привидение конечно назвать должно оптической истиною. Сего ради в видимой системе света многие оптические истины содержатся, поколику она в самой вещи чувствам нашим представляется, хотя оттуда заключить и не можно, чтобы сие так же и в самой натуре было, потому что одна и та же вещь в раз-

---

личном положении зрителя, всегда различным образом показать долженствует. Кажется, что и сама оптика для астрономии найдена, дабы в исследовании справедливой системы света найти можно было причины видимой системы мира. Сего ради инаким образом система мира покажется, ежели зритель в Солнце будет, иначе опять ежели в Меркурии, иначе, когда будет на Венере, иное, когда будет смотреть с Марса, иначе, когда с Юпитера, иначе с Сатурна, иначе с кометы, иначе с разных неподвижных звезд. Во всяком том различном положении различно и система света видеться будет. Как то сравнительная астрономия изрядно представляет приключения всей вселенной, поколику она с Солнца, с планет и с неподвижных звезд видимы бывают.

Хотя же подлинная система света от видимой и оптической весьма разнствует, однако не надобно, чтобы особливые названия находящимся в ней вещам бываемым в общем житии употреблять, итак по справедливости в ней удерживаем мы взятые от видимости и из оптических правд речения, как то делать и самое Священное Писание обыкло, когда оно упоминает о явлениях небесных. Не погрешаем мы, когда говорим, что Солнце, Луна и все звезды восходят и заходят и некоторое общее движение около Земли имеют, хотя оное есть только видимое и оптическое, и зависит от движения Земли, однако мы говорим, что Солнце по эклиптике движется по созвездиям Овна, Тельца, Близнецов и других знаков, а планеты иногда неподвижно стоят, а иногда возвратное движение имеют, хотя все сие по теоретической системе света, только по видимому и оптическим образом кажется. Кто же не знает, что к познанию истинной системе света, во первых служит познание расстояний и величин тел небесных, ибо, порядок и пространство системы от сего познания зависит. Расстояния планет от Солнца величество нашей Солнечной системы показывают. Ибо, ежели известно будет расстояние самой дальнейшей планеты, то найдется и диаметр всей Солнечной системы, следовательно и пространство оной. В нашей Солнечной системе Сатурн самая дальнейшая планета, и следовательно, ежели дано будет его расстояние от Солнца, то как кажется, купно известна будет и величина всей нашей системы. И конечно, сие бы таким образом было, ежели б кроме обыкновенных планет,

никакие необыкновенные кометы к нашей системе не надлежали. Но понеже и кометы принадлежат к нашей системе, и величину оной делают неизвестною, потому ниже числа, ниже расстояния оных точно еще не определено, для того что они далее Сатурна около Солнца движутся в больших и продолговатых эллиптических кругах, так что и близко к Солнцу приходят и потом весьма далеко от него паки удаляются. Сего ради величина нашей Солнечной системы еще совершенно неизвестна, хотя в том и никакого нет сомнения, что между Сатурном — самую далечайшею нашей системы планетою и ближайшею неподвижною звездою почти бесконечное содержится расстояние. Хотя же бы и величина всей нашей Солнечной системы совершенно была нам известна, то однако ж из того еще думать не должно, что будто бы оттуда и всю величину системы всего света удобно познать можно. Ибо кто дерзнуть может определить число всем звездам неподвижным и расстояние оных между собою. Чем совершеннейшие бывают астрономические трубы, тем большее число оных находится, и без сомнения большее оных множество есть, которых мы не видим, и не знаем, так что по достоинству нам сказать можно, что число сих небесных тел бесчисленно и бесконечно. Почти нечувствительный неподвижных звезд параллакс довольно показывает, что оные почти бесконечное от Солнца и от Земли расстояние имеют. Ужасное есть расстояние от Солнца, самой ближайшей звезды, и без сумнения все прочие не меньшее между собою расстояние имеют. Из оптических оснований доказать можно, что ежели б с самой ближайшей звезды посмотреть на нашу систему, то вся она для малости своей из глаз пропадет и исчезает. Солнце тогда покажется, яко неподвижная первой величины звезда, а некоторая планета не будет видима. Чего ради все оное пространство, которое содержится в нашей системе, оттуда за одну точку почитать должно. Толь ужасное и все силы воображения нашего превосходящее есть пространство всего света! И кто ж бы дерзнул определить пределы оногo, и не удивляться оной бесконечной величине, которая весьма достойна бесконечного Творца. Древние весьма в тесные пределы включили величину света, они положили, что расстояние ее простирается только до неподвижных звезд, про которые думая, что они все в равном от нас расстоянии

находятся, положили их отдаление весьма малое, то есть только 14000 земных полудиаметров. Но кто не видит, что сицевое¹ представление мира не весьма пристойно и достойно есть бесконечного одного величества. Но еще достойнейшее будет творение системы света бесконечного одного существа, ежели мы еще о следующих рассудим и рассмотрим. Планеты все суть тела подобные Земле нашей, и потому такие же земли, и Земля наша так же планета. Сего ради можно по планете Земле рассуждать и о прочих планетах. Землю нашу населяют люди и животные, и на ней все то содержится, что до их сохранения, нужды, способности и приятства жизни касается. Планеты суть земли, так же способные к населению, как и земля, на которой мы живем, потому что оные от Солнца также освещаются и нагреваются, и плоды произносить могут, имеют перемены дня и ночи и прочая, что к способному житию принадлежит. То можно ли нам подумать, что от премудрейшего Создателя сей вселенной, сии способности к житию тварей напрасно нам сделаны? И что бы земли оные были пустые без всяких жителей? Сверх сего кажется, что и самое божественное намерение в сотворении сей вселенной требует, чтобы и прочие земли неспрздны и непусты были. Бог ради того избрал и создал всю вселенную, чтобы было зеркало его совершенств, чтобы разумная тварь познать могла из совершенного творения, совершенства самого Творца, и чтобы пристойнейшее оным совершенствам почтение к нему имела, и своими действиями изъясняла Его славу с благополучием нерушимым союзом связанную. И как можно думать, что планеты прочие земли разумного создания не имеют, и что едину только Землю нашу оное сознание населяет? Когда чем большее число разумного создания, которое б из совершенного творения познать могло совершенство самого творца, тем больше увеличивается познание божественных совершенств, и таким образом Его величество просвещается и распространяется. Бесчисленное множество будет разумного создания, познающего и почитающего бесконечного Творца, когда мы еще о свойстве неподвижных звезд точнее рассудим. Неподвижные звезды собственный имеют свет, и не освещаются от светящегося

---

¹ С и ц е в о й — таковой, этот.

тела, как планеты. Следовательно, они все сами светящиеся тела и Солнцу нашему подобны и также солнцы, как и наше Солнце есть неподвижная звезда. Солнце наше на тот конец сотворено, чтобы тела, которые круг его ходят, освещать, нагревать и плодоносными делать, дабы в них способно жить можно было. Сего ради, возможно ли поверить, то бы бесчисленные такие солнцы в системе света только так сияли и будучи без употребления никакой равной Солнцу нашему должности не отправляли, то есть, чтобы они не имели своих планет, которые бы они освещали и согревали и делали их способными к населению, и чтобы не составляли центра систем планет? Ибо то из сего явствует, что они имеют почти бесконечное между собою расстояние, которого не надобно, кажется было, если бы каждая из них не была центром планетной системы. И таким образом система всего света будет состоять из бесчисленных и бесконечных систем солнечных, что самое совершенство Создателя, бесконечное его могущество, премудрость и благодать самым высочайшим образом всему бесчисленному множеству разумных жителей доказывает. Но кажется сему то противно, что других систем кроме нашей приметить не можно. Сие сумнение удобно опровергается, ежели о том рассуждать будем, что прежде о нашей системе планет сказано, то есть, что она из глаз исчезает, ежели на нее с неподвижной звезды посмотреть, откуда Солнце наше, аки неподвижная звезда казаться должно. Что ж будет пространство нашей системы планет к пространству системы всего света? Неотменно нечто иное, как только точка. По сему явно, что расстояния звезд неподвижных от системы нашей для того так велики сделаны, чтобы ни одна из них система от другой в замешетельство прийти, или повредиться, и от взаимного их действия разориться не могла и две бы в одну не смешались, но чтобы порознь одна от другой стояли. То же сказать можно и о великих и неравных расстояниях планет в нашей Солнечной системе, которые пристойные имеют расстояния, весьма премудро установленные, как самой их конец требует. Ежели б меньшее было расстояние между ими, то бы удобно первой планета при вступлении своем в тень другой первой планеты, сделать могла повреждения жителям, хотя тени спутников различ-

---

ные пользы первойшей планете сделать могут, как сие покажет польза на Земли нашей из солнечных и лунных затмений.

Равного расстояния между собою первойшие планеты иметь не могут по причине своих спутников, которых они неравное число имеют. Сего ради большее расстояние должен иметь Сатурн от Юпитера, нежели Юпитер от Марса, потому что система сатурновых спутников будучи больше, нежели юпитеровых, больше требует пространства: ибо Сатурн имеет пять спутников, а Юпитер — четыре. Но, кажется, что расстояние Марса от Земли большее есть, нежели как надобно, ибо его расстояние от Земли очень больше расстояния Венеры, а сам много меньше Венеры и никакого путника не имеет, сколько о том по наблюдениям известно. Удобно разумеется, что сицевым образом нимало еще не можно заключить, что сего спутника совсем не находится, ибо расстояние оногo так малое, и свет его так слабый быть может, что его помощью нынешних труб приметить не можно, а может быть что впредь помощью совершеннейших труб приметить и то можно будет, или другая сего великого расстояния законная причина еще нам неизвестна быть может. Однако ж о сем думать не должно, чтобы мы законные причины все знали, и узнать когда могли. Между тем, сколько возможно отваживаться должно к исследованию оных, потому что оне в прилежном выискивании всегда являются. Не надлежит думать, что меньшую в натуре пользу приносит исследование конечных причин, нежели действующих: ибо известно, что в мире не токмо в рассуждении времени действующих причин, но также и в рассуждении расстояния и конечных причин рассуждение быть может. Познание конечных причин показывает в системе мира взаимное частей употребление и сходство партикулярных намерений с генеральными, и всех вещей согласие исполненное превеликой Божией премудрости.

Из вышереченных довольно разуметь можно, что познание системы сего мира великую в себе содержит важность, и что оною роду человеческому весьма полезно. Сие знание непартикулярную приносит пользу, но всенародную, ибо система мира у всех должна быть зеркалом Божиих совершенств, которое тем совершеннее будет, чем точнее онаго познание. Сего ради, кто бы того за справедливость признать не похотел, что познанные правды о Системе ми-

---

ра должно делать, сколько можно, всенародными и общими. Сюда принадлежат Гугензевы и Фонтенелловы¹ и другие книги, написанные простым образом, находятся сферы и шары, которые представляют видимую систему света, и карты астрономические, которые положения света так изображают, что и необращающийся в сей науке довольное познание оптом получить может. Но краткость времени мне о сем говорить воспрящает. Отсюда к тебе, почтенный мой товарищ обращаюсь. Предложил ты в речи своей о всяких переменных приключениях бывших поныне в науке, о расстояниях и величинах тел небесных, на которых познание системы света о большей части основание свое имеет. Исчислил ты обстоятельно по порядку времени приращения, которые от древних времен даже по сие время в сей науке делались, и показал, которые еще делать должно, и обо всем рассудил исправно, так же приложил новейшие старания и успехи в определении расстояния Луны от Земли обстоятельнее, нежели как еще поныне то сделать можно было, в чем ты и сам себе некоторую честь приписать можешь. Но понеже все сие надлежит до распространения сей весьма полезной науки, то не имеешь ты причины сомневаться о согласии в сем деле и апробации собрания нашей Академии наук <...>

---

¹ Ф о н т е н е л ь (Fontenelle Bernard le Bovier, 1657-1757) — писатель, непрменный секретарь Парижской Академии наук, автор «Разговоров о множестве миров».